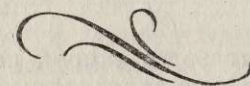


В.И.Моряков

**РУССКОЕ
ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО
ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ
XVIII
ВЕКА**

**/Из истории
общественно-политической мысли
России/**



Издательство
Московского университета
1994

Рецензенты:

доктор исторических наук *Н. И. Цимбаев*,
кандидат исторических наук *Н. В. Козлова*

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Моряков В. И.

М 80 Русское просветительство второй половины XVIII века:
(Из истории общественно-политической мысли России). —
М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. — 216 с.
ISBN 5-211-03131-8

В монографии исследуется формирование и развитие русского просветительства в XVIII в. как одного из главных направлений русской общественной мысли, оказавшего существенное влияние на политическую и культурную жизнь страны в названный период. Рассматриваются вопросы взаимодействия западного и русского просветительства, складывания понятийного аппарата этого течения общественной мысли.

Для специалистов-историков и всех интересующихся историей общественно-политической мысли в России.

М 0503020200—031
077(02)—94 29—94

ББК 63.3(2)4

ISBN 5-211-03131-8

© Моряков В. И., 1994 г.

Памяти
моего учителя
Михаила Тимофеевича Белявского
посвящаю

ВВЕДЕНИЕ

Вторая половина XVIII в. была сложным и во многом противоречивым периодом русской истории. В начале столетия в России утвердился абсолютизм, явившийся высшим этапом эволюции государственной надстройки феодального общества. Абсолютизм в условиях разложения и ослабления политической роли средневековых сословий, обострения социальных противоречий, противопоставляя друг другу различные социальные силы с разными тенденциями развития, стремился возглавить исторический процесс. Россия в XVIII в., благодаря в значительной мере усилиям Петра I, превратилась в мощную европейскую державу. Неоспорима была ее военная мощь, расширилась территория России. Она стала крупнейшим экспортером металла. В стране развивалась европейская культура.

Во второй половине XVIII в. в России началось складывание капиталистического уклада, но он не достиг своей зрелости и не мог прочно утвердиться. На его пути стал абсолютистский строй, который консервировал крепостничество, ибо абсолютизм есть форма открытой диктатуры дворянства. Самодержавие усиливало крепостническую эксплуатацию, расширяло и укрепляло права и привилегии дворянства, его экономическое и политическое господство. Крепостное право приняло в России жестокие и грубые формы. Самодержавие во второй половине XVIII в., стремясь сохранить существующий строй, становилось консервативной силой и уже препятствовало прогрессивному развитию страны как в социально-политическом, так и в культурном плане. Это обостряло социальные противоречия. Рост капиталистических отношений повысил значение купечества, но самодержавие лишало его возможности роста капитала, рынка свободной рабочей силы, тормозило развитие городов и торговли. А это вызывало усиление противоречий между купечеством и дворянством. Втягивание последнего в товарно-денежные отношения, укрепление связей помещичьего хозяйства с рынком и зависимости от него вело к ужесточению эксплуатации крепостных крестьян, что вызвало рост крестьянских волнений и протестов, вылившихся в последней трети XVIII в. в самую мощную в истории России крестьянскую войну под предводительством Е. И. Пугачева.

Сдвиги в социально-экономическом развитии страны, обострение противоречий между различными социальными слоями, интенсификация общественной жизни, увеличение числа проблем, стоя-

щих перед обществом, определяли развитие общественно-политической мысли. Во второй половине XVIII в. она вышла на качественно новый уровень, отличалась богатством и разнообразием идей, отражала, с одной стороны, динамизм развития страны, с другой — ее противоречия. Этот период был озаглавлен в России таким новым явлением, как просветительская, антифеодалная идеология. Просветительство развивалось и эволюционировало в идейной полемике с идеологией консервативного направления. Усиление экономических, политических и культурных связей с европейскими государствами, особенно с Францией, привело к тому, что общественно-политическая мысль России испытывала влияние социально-экономических и политических теорий европейского Просвещения. Просветительское и консервативное направления эволюционировали, используя идеи европейских, по большей части французских, просветителей, в основном с противоположных позиций.

О русском просветительстве написано немало. Но до сих пор нет исследований, дающих целостное представление о русском просветительстве второй половины XVIII в. как направлении общественно-политической мысли. Данная работа рассматривает проблему именно в этом ключе.

Обращение исследователей к истории русского просветительства связано с интересом, проявляемым к истории общественно-политической мысли XVIII столетия. В литературе, посвященной данной проблеме, имеют место разные точки зрения по таким вопросам, как социальная сущность русского просветительства; его идейное своеобразие; его связь с консервативным направлением второй половины XVIII в. и с различными направлениями общественной мысли последующего времени; его эволюция; характер и степень влияния на него идей французского Просвещения. Самым спорным является вопрос о его хронологических рамках, особенно о конечной грани, так как ряд исследователей отодвигают эту грань до 70-х годов XIX в., а некоторые — до октября 1917 г.

Все эти вопросы рассматриваются в первой главе. Особое внимание среди них мы уделили определению хронологических рамок русского просветительства, этапов его развития, так как считаем, что тематический подход и четкая хронология позволяют более строго соблюсти принцип историзма. Следующие три главы посвящены исследованию общественно-политических взглядов русских просветителей. Мы выделили такие ключевые, на наш взгляд, вопросы, как государство и общество, воспитание гражданина и патриота — «истинного сына Отечества» и крестьянский вопрос. Именно они с наибольшей полнотой определяли социальную сущность просветительства в России, его исторический смысл. Их изучение ведется путем сопоставления взглядов идеологов консервативного направления с положениями и выводами идеологов просветительства. Рассматривается вопрос о влиянии идей французских просветителей на консервативное направление и просветительство в России, выясняются степень и характер этого влияния. Послед-

няя, пятая, глава посвящена вопросам эволюции просветительской идеологии, выявлению позиций, занятых Т. Пейном, Г. Рейналем, А. Н. Радищевым в ходе Французской революции 1789—1794 гг.

Русское просветительство второй половины XVIII в. мы исследуем в следующих хронологических рамках. Начальная грань — 60-е годы — зарождение просветительства в России; конечная грань — 1790 г. — выход «Путешествия из Петербурга в Москву». В эти годы просветительство России прошло путь от первых ростков просветительской мысли до провозглашения идеи народной революции для уничтожения самодержавия и крепостного права. Просветительство 90-х годов и первой четверти XIX в. мы не рассматриваем, так как оно, на наш взгляд, требует специального монографического исследования.

При изучении проблемы использованы различные источники, в основном опубликованные. Известные нам архивные материалы немногочисленны, разрозненны и касаются лишь второстепенных вопросов, поэтому не имеют определяющего значения для выяснения кардинальных вопросов. Мы опирались на политические, публицистические, философские, педагогические сочинения, литературные произведения, вышедшие из-под пера представителей как консервативного, так и просветительского направлений, журнальные материалы.

В качестве источников привлечены конкурсные работы конкурса ВЗО о крестьянской собственности, выступления по крестьянскому вопросу депутатов Уложенной комиссии 1767—1768 гг.

Использованы труды французских просветителей: «О духе законов» и «Персидские письма» Ш. Монтескье, статьи «Энциклопедии», «Замечания на Наказ» и другие произведения Д. Дидро, конкурсные работы М. Ф. Вольтера, Ж. Ф. Мармонтеля, трактаты «Об общественном договоре», «Эмиль, или О воспитании» Ж. Ж. Руссо, третье женеvское издание «Философской и политической истории заведений и торговли европейцев в обеих Индиях» Г. Рейналя и др. Рассмотрен также памфлет Т. Пейна «Здравый смысл».

Приносим глубокую благодарность коллективу кафедры истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ за доброжелательность и дружеское содействие в работе над данной проблемой.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА

В трактовке дореволюционных отечественных историков культура России XVIII в. не имела самостоятельного характера, важнейшей чертой ее развития было слепое подражание Западу, неосмысленное восприятие элементов западноевропейской культуры, в том числе теорий и идей общественно-политической мысли.

В. О. Ключевский утверждал, что положения, выдвигаемые французской просветительской литературой, были чужды и непонятны русскому человеку. Российская действительность XVIII в., по его мнению, не имела ничего общего с идеалами французских просветителей, а потому они «усваивались без размышления и еще более отрывали усвоившие их умы от окружающей их действительности»¹. Влияние французской просветительской литературы, считал он, привело к нежелательным последствиям: утрате привычки и желания размышлять, потере понимания окружающей действительности, «удивительной черствости, отсутствию чутя к нравственным стремлениям»².

Главную заслугу русских просветителей, в частности Н. И. Новикова и Д. И. Фонвизина, В. О. Ключевский видел в том, что они поддержали усилия Екатерины II, направленные на развитие воспитания, целью которого было нравственное перерождение общества, сумели разграничить заимствованное и самобытное, определить черту, «за которую не должно переступать иноземное влияние».

П. Н. Миллюков выдвинул положение о крайней замедленности общественного и прежде всего социально-экономического развития, об элементарности и контрастности исторического развития России по сравнению с Западом. Он считал, что русская культура полностью несамостоятельна и развивалась как сколок культуры западноевропейской. Развитие общественной мысли Миллюков свел к борьбе «критических воззрений» и «национализма». XVIII век, по его мнению, был ознаменован первыми успехами общественной критики. Он объясняет это влиянием западноевропейской мысли, так как развитие «национализма» и «критики» было напрямую связано с факторами иноземного происхождения. К лагерю критической интеллигенции, враждебной власти и дворянству, П. Н. Миллюков относил Н. И. Новикова, А. М. Кутузова, масонов и А. Н. Радищева. Но Радищев являлся для него не революционно настроенным мыслителем, а, как и для его предшественников, например А. Незеленова, М. Н. Лонгинова и др., либералом, стре-

мившимся к постепенным реформам сверху³. Миллюков считал, что на Радищева оказала влияние западноевропейская мысль, в частности французская. Говоря о роли «Истории обеих Индий» Рейналя в формировании мировоззрения Радищева этот историк утверждал, что в ней автор «Путешествия...» «нашел образцы и случаи дурного обращения с рабами, отсюда взял и мнение о невыгодности рабства, о грозящем восстании рабов, о необходимости улучшить участь рабов и т. п.»⁴.

В том же ключе рассматривал общественную мысль второй половины XVIII в. Н. П. Павлов-Сильванский. Анализируя «Путешествие из Петербурга в Москву», он писал о том, что оно «принадлежало к тому периоду развития нашей литературы, в котором, далекая от самостоятельности, она была еще в тесной зависимости от различных европейских школ, в котором первые творческие искания не шли дальше отражения русской действительности в зеркале иноземного искусства и иноземной мысли»⁵. Правда, Павлов-Сильванский, в отличие от своих предшественников, отмечал, что у Радищева не было элементарной подражательности, он усвоил мысли французских, части немецких философов и «слил их в глубоко продуманное мировоззрение»⁶, сохранил и начал борьбу с действительностью. Несколько ранее такую же мысль высказал В. А. Мякотин⁷. Но это не меняло их общей трактовки несамостоятельности Радищева как мыслителя, его зависимости от французских просветителей⁸. Павлов-Сильванский писал, что Екатерина II зря беспокоилась о «рассеивании заразы французской» в книге Радищева, так как последняя была не опасна для русской монархии⁹.

В дореволюционной историографии утверждалось, что проводником свободолюбивых идей в России, последовательным пропагандистом идей французских просветителей выступала Екатерина II, стремившаяся несколько смягчить крепостное право, улучшить положение крестьян. Русская общественная мысль, считали сторонники этой точки зрения, развивалась в едином литературном потоке, который возглавляла императрица. Поэтому, как отметил М. Т. Белявский, «дореволюционная историография отводила слабо второстепенные роли Новикову, Фонвизину, Поленову, Коробьину, Крылову, Радищеву и другим действительным критикам крепостничества и защитникам народа. Они помещались где-то в тени екатерининского трона, позади вельможной знати»¹⁰. Такой подход к идейной жизни российского общества не позволял дореволюционным историкам дать в своих исследованиях характеристику просветительской мысли России, определить ее место и значение в общественной жизни страны.

Первой попыткой проанализировать историю русской культуры вообще и общественной мысли в частности с марксистских позиций стал «Очерк русской культуры» М. Н. Покровского. Он во многом был несовершенен и методологически непоследователен, а общественная мысль оценивалась в нем невысоко¹¹. Культуре XVIII в. отведено в «Очерке» немного места, а общественно-политическая

мысль второй половины XVIII в. отражена совсем бедно. Время Екатерины II — это период дворянской реакции на появившиеся в XVIII в. ростки промышленного капитализма, и лишь с развитием последнего в XIX в. Покровский связывал оживление политической мысли. Поэтому становление и развитие русского просветительства не нашли отражения и в других его трудах.

По сути дела, против тезиса Покровского, а также против вывода о том, что общественно-политическая мысль России XVIII в. слепо заимствовала идеи западноевропейских просветителей, была оторвана от жизни и бедна по содержанию, выступил в своем многотомном фундаментальном труде «История русской общественной мысли» Г. В. Плеханов. «Следует, — писал он, — в полной мере воздать должное нашей литературе XVIII в. И пора отвергнуть ходячее у нас мнение об ее бессодержательности... Она была содержательна, но, разумеется, на свой собственный лад»¹². Хотя Плеханов в целом преувеличивал фактор внешнего влияния на развитие русского исторического процесса, он в то же время настаивал на том, что восприятие положений французских просветителей было обусловлено самим ходом развития общественно-политической мысли России второй половины XVIII в. Русские просветители творчески воспринимали идеи, шедшие из Франции. Впервые в историографии Плеханов показал, что общественная мысль России не представляла единого потока. Он выявил продворянский характер взглядов Екатерины II, М. М. Щербатова, А. П. Сумарокова, А. Д. Кантемира, И. Н. Болтина, противопоставив им просветительские воззрения А. Я. Поленова, Н. И. Новикова, Д. И. Фонвизина, А. Н. Радищева. Плеханов оспаривал положение о том, что французское Просвещение способствовало развитию в русской общественной мысли снисходительного отношения к злу. Он высоко оценил Радищева как выдающегося мыслителя России, последователя французских революционеров. Он безосновательно полагал, что труды Екатерины II оказали сильное влияние на русское общество и на общественную мысль в том числе. Н. И. Новикова Плеханов хотя и считал противником императрицы, мыслителем, склонным к независимому от правительства мнению и отрицавшим в глубине души крепостное право, но утверждал, что это его отношение к крепостничеству вовсе не отразилось в сатирических журналах просветителя. Практически не представлена у Плеханова идейная борьба в Уложенной комиссии между представителями зарождавшегося просветительского и консервативного направлений в общественно-политической мысли. Исключения составляют лишь выступления Коробьина и Козельского, которые были им разобраны.

Русское просветительство стало одним из предметов изучения в советской историографии. В. П. Семенников, Л. Б. Лехтблау (Л. Б. Светлов), А. И. Старцев, Г. А. Гуковский и другие в работах, вышедших в 20—30-е годы, показали, что в России во второй половине XVIII в. развивалась просветительская мысль, испытывавшая на себе благотворное влияние передовых идей Запада,

в частности Франции, отвергли тезис о ее несамостоятельности и подражательном характере. Передовая общественно-политическая мысль России второй половины XVIII в., доказывали они, была порождена историческим развитием страны, борьбой крестьянства против угнетения. Буржуазные идеи французского Просвещения заимствовались творчески, переносились на русскую почву и преломлялись в соответствии с условиями российской действительности¹³. Однако многие вопросы истории русского просветительства, такие как его хронологические рамки, социальная сущность, особенности, место и роль в идейной борьбе и др., в литературе 20—30-х годов не исследовались. Не были подвергнуты анализу взгляды и деятельность многих представителей русского просветительства. Трудности в изучении просветительства были связаны, в частности, с отсутствием источниковой базы, которая в те годы только начинала создаваться.

Проблему русского просветительства отечественные исследователи стали интенсивно изучать с конца 40-х годов. Методологической основой их работы, развернувшейся в этом направлении, служила оценка просветительства, данная К. Марксом и Ф. Энгельсом, В. И. Лениным.

Энгельс, характеризуя «принципы, выдвинутые великими французскими просветителями XVIII века», писал, что последние «выступали крайне революционно»¹⁴. Они объявили мерилom всего существующего человеческий разум: «...все было подвергнуто самой беспощадной критике; все должно было предстать перед судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него»¹⁵. Как беспощадную критику феодального строя, его идеологии, институтов расценивал Энгельс следующее убеждение просветителей: «...мир до сих пор руководился одними предрассудками, и все прошлое достойно лишь сожаления и презрения. Теперь впервые возшло солнце, наступило царство разума, и отныне суеверие, несправедливость, привилегии и угнетение должны уступить место вечной истине, вечной справедливости, равенству, вытекающему из самой природы, и неотъемлемым правам человека»¹⁶. Констатируя, что в XVIII в. просветители выступили «в роли представителей не какого-либо отдельного класса, а всего страждущего человечества»¹⁷ он сделал вывод о гуманистическом значении эпохи Просвещения, о том, что «люди, основавшие современное господство буржуазии, были всем чем угодно; но только не людьми буржуазно-ограниченными»¹⁸.

Одновременно Энгельс отмечал, что «царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии»¹⁹, что самым главным правом человека провозглашалась буржуазная собственность, а «государство разума — общественный договор Руссо — оказалось и могло оказаться на практике только буржуазной демократической республикой»²⁰. Была названа и причина, обусловившая именно такую, а не иную сущность просветительской идеологии. «Великие мыслители XVIII века, так же как

и все их предшественники, не могли выйти из рамок, которые им ставила их собственная эпоха»²¹.

В. И. Ленин о работе «От какого наследства мы отказываемся?» обратил внимание на общность основных черт просветительства Западной Европы и России. Он выделил три черты, характеризующие русского просветителя; первой чертой была непримиримая вражда «к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области»; вторая черта — «горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России»; третья — «отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей), искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние и искреннее желание содействовать этому»²².

Положения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина о просветительстве с исторической точки зрения верны и по сей день. Как историки они совершенно справедливо отметили такие стороны просветительства, как радикализм, гуманизм, показали социальную сущность просветительской идеологии, вскрыли методологическую ее основу. Мы разделяем эти положения и в ряде случаев опираемся на них в своей работе, считая их важным достижением исторической мысли в разработке данной проблемы.

Советские историки, литературоведы, философы многое сделали для уяснения таких вопросов, как датировка зарождения просветительства в России, его социальная сущность, идейное своеобразие, эволюция, связь с другими течениями общественно-политической мысли России, как предшествующими, так и последующими, характер и значение влияния западноевропейского просветительства на русское. Ими исследован большой материал о жизни, деятельности, взглядах просветителей XVIII века. Опубликован основной корпус источников²³.

В историографии сложились различные точки зрения по вопросу о зарождении просветительства в России. Ряд авторов (Я. Д. Бетяев, Д. Д. Благой, П. И. Епифанов, А. Г. Кузьмин и др.)²⁴ считают, что начало просветительству было положено в первой половине XVIII в. деятельностью «ученой дружины». Они видят у А. П. Сумарокова и В. К. Тредиаковского много черт, характерных для ранней стадии просветительства: антиклерикализм, веротерпимость, провозглашение идей просвещенного абсолютизма, деизм, гуманизм.

П. Н. Берков, А. П. Валицкая относят зарождение просветительства в России в конце XVII в. В их трактовке это — идеологическое течение, характеризующееся стремлением к ликвидации социальных зол путем распространения образования и т. п.²⁵.

Большинство исследователей (П. К. Алефиренко, М. Т. Белявский, М. А. Горбунов, Л. А. Дербов, Ю. Ф. Карякин, Ю. А. Коган,

Г. П. Макогоненко, К. В. Пигарев, Е. Г. Плимак, М. М. Штранге, И. Я. Щипанов и др.)²⁶ считают, что русское просветительство появилось в 60-е годы XVIII в., связывают его с разложением феодально-крепостнических отношений, освободительными идеями, защитой интересов широких народных масс, в первую очередь крестьянства. Разделяя эту точку зрения, мы также согласны с названными исследователями в том, что просветительство — это антифеодальная идеология, подготовившая в России возникновение идеологии революционной.

Отмеченные разногласия связаны, на наш взгляд, с малой изученностью некоторых общих и частных аспектов проблемы русского просветительства XVIII — начала XIX в. В немалой степени решение вопроса о времени зарождения просветительства в России затруднено тем, что до сих пор не выявлено содержание и соотношение понятий «Просвещение» и «просветительство». В ряде работ обсуждается проблема, являются ли эти понятия синонимами²⁷. Некоторые авторы разграничивают их. А. П. Валицкая пишет, что под «просветительством» надо понимать «идеологическое течение, которое характеризуется деятельной устремленностью его представителей к искоренению социальной несправедливости, церковного мракобесия, философского мистицизма, причем предлагаемые просветителями средства борьбы ограничены распространением образования, пропагандой научных знаний, совершенствованием нравственности»²⁸; социальная сущность просветительства заключается «в буржуазной революционности сознания его деятелей»²⁹. По ее мнению, просветительство имело различные конкретно-исторические модификации и существовало в русской культуре с конца XVII в. вплоть до Октябрьской революции³⁰. Просвещением же А. П. Валицкая считает «конкретный исторический период в просветительском движении, когда складывается особая система философских, этических, политических воззрений. Границы эпохи Просвещения отмечены деятельностью Ломоносова и Радищева»³¹.

Мы не согласны с такой трактовкой «просветительства» и «Просвещения», аргументация будет дана ниже, как и с трактовкой, высказанной П. Н. Берковым. Он утверждает, что просветительство — философско-политическое течение, связывающее улучшение жизни общества с распространением образования и пропагандой знаний, с вытекающими из этого постепенными изменениями, реформами всех сторон социально-экономического и правового уклада; оно возникает в определенной исторической обстановке, когда производительные силы требуют решительного технического прогресса, основанного на выводах науки, в первую очередь физики и естествознания³². Просветительство, по мнению П. Н. Беркова, начинается с конца XVII в.; затем формируется Просвещение как определенный этап развития просветительства; «характеризуемый четко оформившейся идеологической системой, буржуазно-революционной по своей природе, но в то

же время не признававшей революции как метода переустройства общества»³³.

Трудно принять имеющееся в литературе понимание Просвещения как идеологии в широком и узком смысле.

З. А. Каменский пишет, что в широком смысле термин «Просвещение» употребляется с целью противопоставления прогрессивной буржуазной идеологии в целом «либо феодальной идеологии, либо разлагающейся буржуазной идеологии»³⁴; в узком же смысле Просвещение — объективно-буржуазная идеология, «которая обосновывала мирный реформаторский путь преобразования феодально-крепостнической России — путь просвещения народа»³⁵.

Термин «Просвещение» возник в XVIII в. в период, когда в недрах феодально-абсолютистского строя все более интенсивно развивались капиталистические отношения, формировались нации, появлялись принципиальные сдвиги в культуре. Сущностью XVIII в. было развитие капиталистических отношений и победа буржуазных революций в Америке и Франции. Именно в XVIII в. происходит переворот в мировоззрении людей. Разум объявляется мерилем общественного прогресса. «Теоретическое провозглашение сознания, соответствующего этой буржуазной практике... было также смелым и открытым шагом вперед, было просвещением, раскрывающим земной смысл политического, патриархального, религиозного и идиллического облачения эксплуатации при феодализме, облачения, которое соответствовало тогдашней форме эксплуатации и было систематизировано в особенности теоретиками абсолютной монархии»³⁶.

Просвещение было сложным комплексом общественно-политических, философских, культурных, художественных идей и представлений. Поэтому понимание Просвещения только как антифеодальной идеологии не отражает всей многогранности этого явления. Носители «новых философских, теоретико-политических, эстетических идей... занимались разработкой также национального литературного языка, они создавали художественные ценности, выражая новые идеи и свое понимание мира в художественной форме»³⁷. Их многогранная деятельность выходила далеко за рамки идеологии. И. И. Лещиловская считает «целесообразным рассматривать «Просвещение» как стадию в процессе формирования культуры нового исторического типа, обусловленную развитием капитализма в недрах феодального строя и складыванием нации»³⁸. Она имеет в виду духовную культуру как социальную систему в целом, куда входят и творческая сфера, формы культурной жизни и освоение обществом духовных ценностей³⁹.

Нам представляется, что Просвещение это не стадия развития культуры, а тип общественного сознания, периода перехода от феодализма к капитализму, включавший, как писал Б. И. Краснобаев, «идеологию, мировоззрение, философские, идеологические, этические, эстетические (надо добавить к этому и социальные. — В. М.) представления, воплощавшиеся в различных формах на-

учного, художественного и публицистического творчества»⁴⁰. Он строился на материалистическом сенсуализме в теории познания, направленном против провиденциализма, на признании великой силы человеческого разума. Идеи Просвещения отражали сущность XVIII в. и воспринимались представителями всех направлений тогдашней общественно-политической мысли.

В последнее время усилился интерес к установлению типологических и региональных признаков Просвещения. В этом плане, как нам кажется, наибольший интерес представляет точка зрения А. С. Мыльникова. Нам близки его мысли о важности определения содержания эпохи Просвещения, ее общих и региональных черт, особенностей, временных и географических границ.

Критериями для типологизации Просвещения, по мнению А. С. Мыльникова, являются уровень социально-экономического развития, прежде всего степень интенсивности процесса первоначального накопления капитала и темпов разложения феодальных отношений, особенности социальных структур, учет внешнеполитических факторов. На основе этих критериев исследователь выделяет три типа Просвещения. Первый тип он называет классическим. Это Просвещение в Англии и Франции — странах, где были наиболее зрелые буржуазные отношения. К ним, нам кажется, надо присоединить североамериканские колонии Англии. Ко второму типу Просвещения А. С. Мыльниковым отнесены те страны, где рост капитализма тормозился сохранившимися еще феодально-крепостническими отношениями и адекватными им государственно-правовыми и идеологическими факторами (Россия, Пруссия, собственно Австрия, Польша до разделов). Сюда надо включить Италию и Испанию. К третьему типу принадлежат страны, для которых характерны социально-экономические условия, а также государственно-правовые и идеологические факторы второго типа, но деформированные утратой национальной независимости (большинство стран западных и южных славян, Греция, Румыния). А. С. Мыльников считает, и это нам кажется верным, что второй и третий типы Просвещения, несмотря на их различия, объединяли исторически начавшийся прогрессивный процесс консолидации наций, выработки национального самосознания, кодификации литературных языков и бурного подъема национальных культур⁴¹. Этот вывод подтверждается исследованиями по истории русской культуры, культуры славянских стран, а также других стран Центральной и Юго-Восточной Европы⁴².

Типология Просвещения позволяет определить национальные типы идеологии эпохи Просвещения, их особенности. Эта проблема в историографии поставлена. Например, Э. Винтер, изучавший Просвещение в странах Восточной и Центральной Европы, пришел к выводу, что начало процесса формирования просветительских взглядов (или по крайней мере их элементов) в Германии, Австрии, Чешских землях, Польше, России и на Украине надо отнести ко второй половине XVII или к началу XVIII в.⁴³.

На наш взгляд, в отношении России эта датировка неверна. Просветительство на адекватно Просвещению. Если последнее — тип общественного сознания периода перехода от феодализма к капитализму, комплекс общественно-политических, философских, культурных, художественных идей и представлений, то просветительство — одно из направлений общественно-политической мысли эпохи Просвещения, характеризующееся антифеодальной направленностью, имеющее буржуазный характер, независимо от того, кто является носителем просветительских идей (это зависит от конкретно-исторической обстановки той или иной страны), и отражающее интересы широких народных масс, страдающих от гнета абсолютизма. Просветительство как антифеодальная, по сути своей буржуазная, идеология рождается в различных странах и в разное время, но, как правило, в условиях разложения феодальной системы. Его развитие определяется прежде всего уровнем социально-экономического развития страны, степенью остроты социальных противоречий. Чем сильнее феодальный строй тормозил развитие производительных сил и новых общественных отношений, выраставших в недрах феодализма до более или менее развитых форм капиталистического уклада, тем сильнее обострялись социальные противоречия и борьба в обществе. А это, в свою очередь, вело к усилению критики существующего строя.

Просветительство в разных странах имеет свои особенности, что определяется различиями в конкретно-историческом развитии. Русское просветительство существенно отличалось от французского, а с польским имело не только различия, но и ряд общих черт⁴⁴. Испанское просветительство характеризовалось большой умеренностью⁴⁵. В просветительстве стран, утративших национальную независимость, наряду с антифеодальными идеями на первый план выдвигался национальный вопрос. Однако несмотря на эти существенные отличия, развитие просветительства можно рассматривать как общеевропейское явление становления антифеодальной, по существу буржуазной, идеологии, идейно подготовившей переход от феодализма к капитализму.

Просветительство не могло возникнуть в России в первой половине XVIII в., потому что капиталистические отношения находились еще в зачаточном состоянии и вряд ли возможно говорить о разложении феодально-крепостнической системы в тот период. Абсолютистское государство еще могло способствовать и способствовало развитию страны. Представители передовой общественно-политической мысли обосновывали необходимость его укрепления, верили в то, что прогресс России — результат деятельности самодержавного монарха. Используя некоторые положения теории «естественного права» и «общественного договора», они доказывали, «сколько монархическое правление государству нашему протчих полезнее»⁴⁶. По их мнению, благодаря монархическому правлению, «богатство, сила и слава государства умножается, а через прочее умяется и гинет»⁴⁷. Любое начинание абсолютного монарха, считали В. Н. Татищев, Феофан Прокопо-

вич, А. Д. Кантемир, И. Т. Посошков, направлено на обеспечение «общего блага» и «государственного интереса»; это достигается за счет служения как самого монарха, так и каждого подданного в соответствии с его сословной принадлежностью.

Татищев отверг демократическое правление. Выступая против «затейки верховников», он противопоставил монархическое правление аристократическому. Да, Татищев утверждал, что монархия и тирания несовместимы. Но нельзя согласиться с А. Г. Кузьминым, что для Татищева «монархия — это не вообще наилучшая форма правления, а только наиболее целесообразная форма государственного устройства России»⁴⁸. Названный исследователь стремится, ставя Татищева в лагерь просветителей, показать его выразителем интересов русской буржуазии⁴⁹. Поэтому он утверждает, что Татищев сомневался в обязательности монархической формы правления для России, считал необходимым ее ограничение, а также ставил под сомнение правомерность «рабства и невольничества», отдавал предпочтение «вольности крестьян и холопов» и чуть ли не утверждал право угнетенных на восстание⁵⁰. Не вдаваясь в полемику по этим вопросам с А. Г. Кузьминым, так как это развернуто и аргументированно сделал А. И. Юхт⁵¹, необходимо все же сказать следующее. Татищев был безусловным сторонником монархической формы правления, о чем свидетельствует приведенное выше его высказывание. Он ратовал за ограничение монархии не в пользу узкой группы дворянской аристократии, а в пользу широких слоев дворян, что давало бы им возможность более активно участвовать в управлении государством. А. И. Юхт прав в том, что Татищева нельзя рассматривать как представителя русского просветительства XVIII в. «Татищев, — пишет он, — был идеологом дворянства, а не буржуазии, хотя его мировоззрению были присущи некоторые черты, которые... позволяют видеть в нем своего рода предтечу просветительства России»⁵².

Татищев, Кантемир, Прокопович, Посошков, являясь апологетами существующего строя, были и сторонниками незыблемости крепостного права, утверждали, что оно необходимо для государства. «Общее благо», считали они в соответствии с идеологией абсолютизма, различно для каждого сословия и определяется его обязанностями перед монархом и государством. Главная задача крестьян — выполнять государственные повинности, заниматься земледелием, что должно обеспечить развитие торговли, промышленности, расцвет государства.

Посошков, например, показал тяжелое положение крестьян, их нищету и бесправие, гнет барщины и повинностей. Но «оскудение крестьян он, как и дворянские идеологи, связывал с их «ленностью», чего не было у просветителей, а уж потом с произволом помещиков. Его предложения по вопросу о крестьянстве были двойственны. В них содержались меры, направленные на еще более строгое закабаление крестьян, и в то же время говорилось о необходимости законодательной регламентации крестьянских по-

винностей, обучение крестьянских детей, разрешения крестьянам выкупаться у помещиков на волю, отделения помещичьих земель от крестьянских и т. д. Посошков выступал за некоторое ослабление крепостнического гнета и произвола дворян. Но он, признавая крепостное право, считал его необходимым для государства, поэтому у него нет той критики крепостничества, которая была развернута просветителями. Он осуждал произвол дворян потому, что они, разоряя крестьян, тем самым ослабляли государство, так как крестьяне не могли полностью выполнять государственные повинности и платить налоги. Посошков противопоставлял крестьян и купечество дворянам и советовал царю урезать права последних, указывая на то, что они занимают высокие посты только по принципу родовитости, верша «неправедный суд», от которого больше всего страдают купцы. Его программа исходила не из общегуманистических позиций, не из позиций единого внесловного права, не из любви и уважения к крестьянству, внимания к его нуждам и чаяниям, свойственных просветителям, а из интересов купечества. Он стремился к тому, чтобы каждое сословие несло положенные ему «тяготы», обеспечивая интересы государства, а царь заботился как о «великородных», военных, так и о крестьянстве и купечестве, «дабы никто во убожество не выходил, но все бы по своей мерности изобильны были»⁵³.

Для Татищева и Кантемира крепостное право также было «данностью», хотя последний и сочувственно относился к крестьянам. Татищев лишь теоретически отдавал предпочтение «вольности крестьян и холопов», но возможностей для решения этого вопроса в обозримом будущем не видел. «Вольность крестьян возможна в других государствах, — писал он, — а с «нашею формой правления монархического» не согласуется: «вкоренившийся обычай неволи переменить не безопасно»⁵⁴. В работе «Краткие экономические до деревни следующие записки» Татищев предлагал, если кто из крестьян «к работе ленив будет, тех сажать в тюрьму и не давать хлеба двое или трое сутки»⁵⁵. Для просветителей же, как точно подметил Б. И. Краснобаев, главной была «мысль о страданиях народа, его невежестве и темноте», а главной задачей — «облегчение страдания народа путем просвещения общества, путем смягчения нравов»⁵⁶.

Конечно, некоторые рационалистические черты были характерны для мировоззрения Прокоповича, Кантемира, Посошкова и других деятелей передовой общественно-политической мысли первой половины XVIII в., что объясняется влиянием на них идей Просвещения. Но, используя их, они стремились оправдать и укрепить абсолютистский строй, утверждая, что дальнейшее развитие производительных сил, науки и просвещения, преодоление косности и патриархальщины будут способствовать достижению всеобщего блага всех подданных в рамках самодержавно-крепостнического государства. Наличие идей Просвещения в трудах представителей передовой общественно-политической мысли пер-

вой половины XVIII в. позволяет, с нашей точки зрения, говорить о них как о предтечах русского просветительства.

Просветительство как идейное течение развивается, как мы уже отмечали, в условиях разложения феодального строя. В России этот процесс начинается с 60-х годов XVIII в., со времени формирования капиталистического уклада. Русское просветительство «в виде произведений, направленных против феодального строя, авторитарного мировоззрения»⁵⁷, зарождалось и развивалось в условиях, когда самодержавие и крепостничество становились препятствием на пути прогресса, все больше обострялись социальные противоречия, крестьянские выступления достигали невиданного размаха и наряду с экономическими вопросами на передний план выдвигались вопросы социальные.

В просветительстве получили отражение интересы широких народных масс России, в первую очередь крестьянства. По мере развития просветительства в нем формируется система антифеодальных взглядов. Системообразующее в просветительстве — антикрепостническая, антифеодальная направленность. Если в произведениях того или иного русского мыслителя есть резкая критика крепостничества, помещичьего произвола, протест против сословных прав и привилегий, обоснование необходимости изменения государственного аппарата, то это позволяет, на наш взгляд, отнести его к числу просветителей. Представляется принципиально неверным «широкое» понимание просветительства. При такой его трактовке, как, например, у П. Н. Беркова и А. П. Валицкой, к числу просветителей могут быть отнесены все деятели, в большей или меньшей степени высказывавшиеся за развитие науки, просвещения, реформы в социально-экономической и политической жизни страны. Подобная интерпретация проблемы лишает просветительство статуса самостоятельного направления общественно-политической мысли со своими программно-теоретическими положениями и стирает его социальную сущность, а она определяется тем, что это была антифеодальная идеология.

Просветители искренне хотели установить царство разума, единое внесловное право, государство всеобщего благоденствия и связывали осуществление этих целей прежде всего с отрицанием любых форм угнетения и несправедливости. С одной стороны, «просветители не выделяли как предмет своего особенного внимания ни одного класса населения, говорили не только о народе вообще, но даже о нации вообще»⁵⁸, с другой стороны, им свойственно «отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян... искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние»⁵⁹. Самой угнетенной частью народа России было крестьянство, поэтому все внимание русских просветителей было приковано к нему. Их историческая заслуга заключалась в том, что они поставили вопрос о крепостном праве и судьбе крепостного крестьянства, подвергли резкой критике различные стороны крепостного права, произвол помещиков, осудили сословные права и привилегии дворянства,

заявили о необходимости изменения государственного аппарата, выступили за распространение просвещения, развитие торговли, промышленности, земледелия. Проведение в жизнь их предложений дало бы простор развитию капиталистических отношений в России, чего объективно они не осознавали и осознать не могли, так как были не в состоянии «выйти из рамок, которые им ставила их собственная эпоха»⁶⁰.

Особенностью русского просветительства было то, что зарождавшаяся русская буржуазия, экономически слабая, политически бесправная, тесно связанная с самодержавием и зависимая от него, не могла стать носителем антифеодальных идей, поэтому представителями просветительских взглядов в России выступали представители передового дворянства и формирующейся разночинной интеллигенции. Это вовсе не меняет буржуазного характера социальной сути русского просветительства. Вряд ли целесообразно говорить о дворянском этапе просветительства, о дворянских просветителях⁶¹, как это делают Л. А. Дербов и Е. Г. Плимак.

В отечественной историографии существует мнение, что просветительство — это объективно буржуазная идеология, утверждавшая путь мирного, реформаторского преобразования общества, и что просветители все свои надежды возлагали только на просвещение и деятельность «просвещенного монарха»⁶². В соответствии с этой точкой зрения к просветителям иногда относят А. Д. Кантемира, А. П. Сумарокова, Д. А. Голицына, Е. П. Елагина, С. В. Гагарина, М. М. Хераскова и других представителей умеренного консервативного течения, близко подходившего к просветительским идеям, несшего на себе их печать. Л. Г. Кислягина считает, и мы с ней в этом согласны, что это течение «условно можно назвать либеральным, хотя необходимо учитывать, что содержание этого либерализма было иное, чем в последующую эпоху»⁶³.

Во второй половине XVIII в. можно выделить два направления в общественно-политической мысли России: просветительское и консервативное, эволюционировавшие и отражавшие все противоречия общественной жизни. В рамках консервативного направления было кроме названного умеренно-консервативного течения и охранительное, стоявшее на позициях отрицания всего нового.

Мы уже отмечали, что использование идей Просвещения было характерно для представителей всех направлений общественно-политической мысли. М. М. Херасков, например, отдавая дань теории естественного права, рисует идеальное государство, где вельможи трудятся вместе с земледельцами, а простолудины могут стать вельможами, и изображает идеального монарха — избранника народа, законодателя, гражданина. Он дает совет монарху: «Учреди законы, на естестве основанные; может быть, увидишь вскоре воссиявшую правду и узнаешь, что люди друг другу не вредны, но худые законы их такими творят, а паче все-

го заблуждения, в которых их погружает дурное воспитание»⁶⁴. Добродетельность царя, по мнению Хераскова, — гарантия исполнения законов.

Идеи просветителей использовали для обоснования своих положений, прежде всего законности самодержавия, Екатерина II и один из лидеров охранительного течения М. М. Щербатов. Последний, рассуждая об образовании государства, исходил из теорий естественного права и общественного договора, но, как отмечает И. А. Федосов, он не положил эти теории передовых мыслителей Франции в основу своих взглядов о государственном устройстве и «учение о естественном праве приобретает у Щербатова узкословный дворянский характер»⁶⁵. За народ Щербатов принимал дворянство, в этом был с ним солидарен Сумароков, а все остальные для Щербатова — «подлый народ», для Сумарокова — «рабы отечества». И для того и для другого монархия — идеал государственного устройства. Оба они выступали за самодержавие, но против деспотизма, а под ним понималось ограничение прав дворянства. Щербатов и Сумароков были убежденными приверженцами крепостничества. Первый выступал против освобождения крестьян, наделения их землей и регламентации крестьянских повинностей, так как это, по его мнению, принесло бы ущерб государству и помещикам. Второй высказывался следующим образом: «Впрочем, свобода крестьянская не токмо обществу вредна, но и пагубна, а почему пагубна, того и толковать не надлежит»⁶⁶. Оба критиковали Екатерину II, ее правление, пороки современного им строя, но эта критика носила сословно ограниченный характер. И. А. Федосов отметил, что Щербатов «пытался использовать передовую общественную мысль для обоснования своей консервативной, феодальной программы... в целом мировоззрение Щербатова является феодальной реакцией на те новые условия общественной жизни, которые начали складываться в России во второй половине XVIII века»⁶⁷. Эти слова в полной мере могут быть отнесены и к Сумарокову, и к Екатерине II, и вообще ко всем представителям консервативной идеологии.

Одной из особенностей русского просветительства было то, что идеологам антифеодального направления в общественно-политической мысли России приходилось вести борьбу с представителями консервативного направления против использования ими передовых идей для обоснования законности и незыблемости самодержавно-крепостнического строя. Нам могут возразить, что о формах и путях безземельного освобождения крестьян думали и Д. А. Голицын и С. В. Гагарин, так почему же им отказываем в праве называться просветителями? Ведь относимые нами к числу просветителей А. Я. Поленов, С. Е. Десницкий, Н. И. Новиков тоже критиковали лишь отдельные черты существовавшего строя, предлагали исправить пороки общества путем реформ, верили, что это можно сделать через просвещение и благодаря деятельности «просвещенного монарха».

Действительно, непоследовательные практические предложения просветителей, в первую очередь по крестьянскому вопросу, в значительной мере совпадают с предложениями дворян, выдвигавших проекты государственного урегулирования отношений помещиков и крестьян (Н. И. Панин, Д. А. Голицын, Е. П. Елагин), освобождения крестьян без земли (Д. А. Голицын, С. В. Гагарин). Можно ли говорить о наличии прогрессивных черт в дворянских проектах? В определенной мере да. Степень прогрессивности идей определяется, как пишут И. Д. Ковальченко и Г. С. Кучеренко, двумя моментами: «Социально-экономическим содержанием, тем, в какой мере предлагаемые изменения, преобразования могли содействовать развитию материального базиса общества, и насколько социально-экономический прогресс, его условия и результаты могли быть благоприятны для подавляющей части населения, т. е. трудящихся масс»⁶⁸.

Предложения либеральных дворян, если бы они были проведены в жизнь, способствовали бы созданию условий для развития капиталистических отношений, частичному облегчению положения крестьян. Но надо учитывать, что представители этого течения, выступая за меры, объективно подрывающие основы существующего строя, шли (или готовы были идти) на уступки крестьянству из своих субъективных, сословных интересов. Они стремились сохранить неизменным свое господство, приспособить феодально-крепостническую систему к развивающимся элементам капиталистической экономики. Просветители же, отстаивая внесословную ценность человека, выступали в защиту интересов угнетенного крестьянства. Либеральные дворяне, как правило, обращались с предложениями к Екатерине II. На «просвещенного монарха» возлагали свои надежды и просветители, но для них Екатерина II не имела ничего общего с «мудрецом на троне», а поэтому они в большей степени апеллировали к общественному мнению. Либеральные дворяне отстаивали неизменность сословного строя. Просветители выступали против него, исходя из идеи единого внесословного права и общественного благоденствия.

Чтобы избежать «широкого» толкования просветительства, необходимо учитывать и эволюцию общественно-политической мысли. Она определялась уровнем социально-экономического развития страны, остротой социальных противоречий. В эволюции русского просветительства второй половины XVIII в. мы выделяем два этапа; на первом этапе (60—70-е годы) крестьянский вопрос вышел на первый план и противоречия между помещиками и крестьянами были сильны, но не так остры, как в относящиеся ко второму этапу последующие два десятилетия. Поэтому в 60—70-е годы размежевание на различные направления в общественной жизни России не было завершенным. Порой трудно отделить просветительство от дворянского либерализма, консерватизма и идейной реакции, которые использовали идеи Просвещения (а абстрактный их характер позволял это делать) для обоснования своих по сути охранительных выводов.

В этот период просветители довольно резко критиковали отдельные стороны крепостничества, феодально-крепостнические учреждения, органы управления, суда. Не понимая связи между самодержавием и крепостничеством, они все надежды на улучшение положения крестьян, уничтожение произвола в судебных и административных учреждениях возлагали на всемогущее просвещение и деятельность «мудреца на троне».

Это объясняется тем, что в 60—70-е годы XVIII в. вопрос стоял об ограничении, смягчении, устранении наиболее отрицательных сторон крепостного права. Страна не созрела для буржуазных преобразований, для ликвидации феодализма. Надо отметить также, что в стране отсутствовало общественное движение, преследующее цель уничтожения крепостничества. Это вело к восприятию не всей просветительской идеологии, а ее отдельных моментов, позволявших критиковать лишь наиболее вопиющие черты строя. Такая критика, однако, подготовила идейное отрицание всей феодальной системы в целом.

В 80—90-е годы XVIII в., на которые приходится второй этап, разложение феодально-крепостнической системы в России углубилось, противоречия между помещиками и крестьянством обострились. Феодальный строй потрясли революции в Америке и во Франции. В это время происходит идейная поляризация, более четко определяются направления в общественно-политической мысли России, растет идейная реакция и радикализируется просветительство. В лице А. Н. Радищева оно выдвигает идею народной революции как средства уничтожения самодержавия и крепостничества.

В общих чертах эволюция общественно-политической мысли второй половины XVIII в., как мы считаем, шла следующим образом. Представители консервативного направления главную задачу видели в совершенствовании самодержавного государства, укреплении и сохранении системы. В 60—70-е годы они (в большей степени умеренно-консервативные идеологи) использовали просветительские идеи для обоснования разумности и законности существующего строя. В условиях углубления разложения феодальной системы, обострения социальных противоречий в последней четверти XVIII в. консервативная мысль все более отказывалась от использования просветительских идей. Путь к решению главной задачи она все больше усматривала в том, чтобы внедрить в массы идею осознания каждым сословием своего места и предназначения в государстве, всеобщего послушания монарху и правительственным учреждениям. Русское просветительство в своем развитии, напротив, двигалось от критики различных сторон самодержавно-крепостнического строя к своей вершине, осознанию необходимости уничтожения его революционным путем.

Конечно, развитие просветительства не было столь прямолинейным и однозначным. Не все просветители в конце XVIII в. перешли на революционные позиции. Учитывая сложность и неоднозначность процесса развития просветительской идеологии, мы

считаем, что ее магистральной линией все-таки была эволюция общественно-политических взглядов и позиций просветителей, приведшая некоторых из них к отказу от просветительно-реформистских позиций и переходу на просветительно-революционные позиции.

Чтобы лучше понять эволюцию русского просветительства, его переход с просветительно-реформистских на просветительно-революционные позиции, необходимо учитывать не только факторы социально-экономического порядка, но и влияние просветительской, особенно радикальной, литературы Запада. Эта проблема начала разрабатываться советскими исследователями в 30-е годы и итоги ее изучения в это десятилетие были наиболее четко сформулированы Гр. Гуковским. Он писал: «Радищев был рупором великой буржуазной революции конца XVIII века; он был в значительной степени воспитан мыслью западной буржуазии, но он применил ее достижения к условиям русской действительности, к условиям борьбы русского народа за свободу... Буржуазные — в западноевропейском аспекте — идеи его преломлялись в этих условиях в том смысле, что в них акцентировались именно элементы народного, т.е. в условиях его времени прежде всего крестьянского, мировоззрения»⁶⁹.

Совершенно по иному пути исследование влияния передовой западноевропейской мысли на развитие русского просветительства пошло в конце 40-х — начале 50-х годов. Правильное само по себе стремление выявить самостоятельность и национальный характер отечественной общественной мысли осуществлялось крайне упрощенно и прямолинейно. В этот период исследователи, подчеркивая наличие внутренней основы для возникновения просветительства в России, останавливаясь на его особенностях, принижали роль и значение влияния передовой западной мысли, противопоставляли русское просветительство французскому. Г. П. Макагоненко, например, выдвинул и отстаивал положение об антибуржуазности первого, считая его главной заслугой «борьбу» против идей и теорий второго⁷⁰.

С середины 50-х годов этот подход стал преодолеваться. В последние десятилетия интерес к проблеме идейных связей России и Запада усиливается и она плодотворно разрабатывается Н. Н. Болховитиновым, Ю. Ф. Карякиным, Л. Г. Кислягиной, Ю. М. Лотманом, Г. А. Сибиревой, И. И. Сиволап, Е. Г. Плимаком, К. С. Рукшиной и др.⁷¹ Выясняется в основном влияние западноевропейской мысли, в частности французского просветительства, на отдельных представителей общественно-политической мысли России (Радищева, Карамзина). На наш взгляд, к проблеме следует подойти шире. Необходимо проследить влияние не только французского, но и английского, американского, немецкого просветительства на представителей как просветительского, так и других направлений русской общественно-политической мысли. Это позволит более четко определить эволюцию русского просветительства, его характер и специфику. Возникает также потреб-

ность разобраться в вопросе о связи отечественного просветительства с другими течениями общественно-политической мысли России во второй половине XVIII в. Сейчас он исследован недостаточно. Его изучение позволит выяснить степень влияния просветительских идей на представителей либерального направления общественной мысли, которое «наиболее глубоко затронуло передовые прослойки образованного дворянства»⁷², определить, по каким проблемам и почему совпадали точки зрения просветителей и либеральных дворян, показать, что использование идей просветителей позволило дворянским идеологам создать теории, основной целью которых было укрепление помещичьего государства. Нельзя не учитывать и того упомянутого выше факта, что представители консервативного направления общественной мысли часто перехватывали идеи просветителей. Необходимо выяснить, какие из идей и насколько полно использовались идеологами консервативного дворянства, как выхолащивалась их антимодерная и антикрестьянская сущность. Это даст возможность выявить размах и остроту идейной борьбы в России второй половины XVIII в., показать, что общественная мысль «отразила противоречия этого времени, усложнившиеся формы жизни и изменения в структуре русского общества»⁷³.

Высшей точкой в развитии русского просветительства второй половины XVIII в., как уже говорилось, было признание революционного пути борьбы с абсолютизмом. Выдвинутая А. Н. Радищевым идея народной революции в конце XVIII — начале XIX в. была просветителями отвергнута. Ее отрицание связано с крестьянской войной под предводительством Е. И. Пугачева и революцией во Франции 1789—1794 гг. С одной стороны, выступление крестьян в 1773—1775 гг. способствовало появлению в русском просветительстве революционной идеи, с другой стороны, в условиях усилившейся после пугачевского движения реакции уменьшились возможности критики существующего строя, обсуждения острых социальных проблем. Многие просветители не поняли крестьянской войны, расценив ее как простой бунт непросвещенного народа. Часть из них, как справедливо отмечал М. Т. Белявский, «отошла от активной деятельности, другая часть... не видя сил, на которые можно было опереться в этой борьбе, попала под влияние масонства»⁷⁴. Однако реакция не смогла уничтожить оппозиционных настроений в русском обществе. В последней четверти XVIII в. продолжало развиваться сатирическое направление в литературе, развешивалась деятельность Д. И. Фонвизина, вышли в свет «Ода на рабство» В. В. Капниста, «Вадим Новгородский» Я. Б. Княжнина, продолжалась просветительская деятельность Н. И. Новикова, С. Е. Десницкого, публиковались произведения Я. П. Козельского. Критика самодержавного строя, высказывавшиеся идеи ограничения различными методами власти монарха свидетельствовали о том, что поиск мирных путей к созданию нравственно-философских основ разумного и справедливого строя продолжался.

Французская революция (особенно период якобинской диктатуры) была также расценена в обществе как бессмысленный и беспощадный «кровавый бунт». События во Франции как бы еще раз подтвердили положение о том, что непросвещенный народ не способен к чувству свободы, а потому для народной революции «не приспе еще година». Но если радищевский призыв к революции народа был отвергнут в оппозиционных кругах русского общества, то лучшие традиции просветителей и самого Радищева были продолжены в бесцензурной общественно-политической литературе и рукописной поэзии 90-х годов, а также «в открытой литературной деятельности целой группы прогрессивных и демократически настроенных поэтов и публицистов в подавляющем большинстве разночинного происхождения, выступивших в самом конце XVIII века»⁷⁵. За ними закрепилось имя радищевцев. Конечно, никто из них не поднялся до высот мировоззрения Радищева, но его идеи оказали на них несомненное воздействие и обусловили сильные стороны их произведений. Они продолжали ставить вопрос о бедственном положении и судьбе крестьянства. Проблема крепостного права была для них главной. Радищевцы обосновывали пути его ликвидации (конечно, мирные), критиковали социальные устои, политические учреждения, выступали за свободу человеческой личности, гражданские права. Практически ими велась критика всех сторон феодально-крепостнической системы. Мы разделяем точку зрения В. Н. Орлова о том, что «идеологию и общественную практику радищевцев наиболее отличает отчетливо выраженный демократизм», а их критика не только носила «безусловно радикальный характер», но и приобретала «в иных случаях революционный оттенок»⁷⁶. Идеи радищевцев были связующим, переходным звеном к завершающему этапу в развитии просветительства — декабристскому. В процессе эволюции декабристского движения его идеологи отказались от просветительно-реформистских позиций и вернулись к идее революционной борьбы с самодержавием, но без участия народа.

Мы не согласны с исследователями, которые конечной хронологической гранью русского просветительства считают конец XVIII в. и, не говоря уже о декабристах, выводят из просветительского круга Радищева⁷⁷. Чтобы представить свою точку зрения по этому вопросу, считаем целесообразным кратко рассмотреть некоторые взгляды декабристов, показывающие, что их идеи носили просветительский характер, а также определить свою позицию в полемике о ленинском определении трех основных черт просветительства.

Царство разума просветителей было связано с отрицанием угнетения, созданием государства всеобщего благоденствия. Они стремились добиться этого идеала всеми возможными средствами. Убеждаясь в невозможности достичь царства разума путем реформ, просветители начинали искать другие средства и приходили к пониманию необходимости насильственных мер в борьбе с ти-

ранией, к мысли, что путь революционных преобразований более эффективен.

Просветительские идеи и теории, отмечает Е. Г. Плимак, являются общими для всех представителей «данного мирового течения» (просветительства. — В. М.), независимо от того, останавливаются ли они на признании одного только реформистского пути преобразования или идут к признанию революционного пути⁷⁸. Радищев и декабристы были воспитаны идеями Просвещения, находились на просветительно-революционных позициях, и просветительство для них «не просто пропаганда тех или иных теорий, но главный нерв всей их общественной деятельности»⁷⁹. Социально-экономическое развитие России в первой четверти XIX в. шло тем же путем, что и во многих странах Европы, но значительно медленнее: тормозил феодально-крепостнический строй. В это время, как и во второй половине XVIII в., развивавшаяся русская буржуазия была по-прежнему тесно связана с феодально-крепостнической системой хозяйства, экономически слаба, политически бесправна. Выразителями просветительских идей продолжали оставаться представители передового дворянства и формирующейся демократической интеллигенции. В первой четверти XIX в. в России углублялось разложение феодально-крепостнической системы, надвигался ее кризис и главной задачей национального развития страны было уничтожение крепостничества и самодержавия. В условиях усиления внутриполитической реакции, крепостного гнета просветительские идеи всеобщего благоденствия, освобождения крестьян от крепостной зависимости, предоставления им гражданских прав, демократизация общественно-политического строя продолжали оставаться актуальными и нашли свое отражение и развитие в деятельности декабристов.

В том, что уничтожение строя, ставшего тормозом на пути прогресса России, необходимо, будущие декабристы не сомневались. Эта их позиция основывалась на опыте своей страны, на следствии передовых мыслителей второй половины XVIII в.; как русских, так и западноевропейских, сравнении развития России и европейских стран, где не было крепостничества. Возникал, однако, вопрос о путях к цели. Рейналь в третьем женевском издании «Истории обеих Индий» предлагал путь вооруженной борьбы с абсолютизмом, Радищев — народную революцию. Франция в конце XVIII в. продемонстрировала опыт революционного уничтожения абсолютизма. А каков результат? Многие люди в начале XIX в., в том числе и декабристы, считали, что конечный итог того, что произошло во Франции, далек от идеальной цели (установление государства разума и справедливости), которую выдвигали в конце XVIII в. радикальные просветители. Установившаяся диктатура Наполеона преемственно увязывалась с якобинской диктатурой. Крестьянская война в России под предводительством Е. И. Пугачева оценивалась как бунт «бессмысленный и беспощадный».

Для того чтобы избежать повторения ошибок прошлого, народную массу, считали декабристы, надо просвещать. Вера во всецелое просвещение была характерна для декабристов на первом этапе их движения (1816—1820 гг.). В уставе «Союза благоденствия» говорилось о необходимости издания книг для представителей всех сословий. Через десять лет активной пропаганды, считали члены «Союза благоденствия», приерживавшиеся просветительского тезиса «мнения правят миром», широкие общественные слои будут настроены против самодержавия и произойдет революция без потрясений и крови.

Иллюзии мирного переустройства России сохранялись у декабристов, как и у всей передовой части русского общества, еще и в связи с конституционными обещаниями, данными Александром I во время его выступления в варшавском сейме в 1818 г. Однако все более углублялись противоречия между этими обещаниями и усилением реакции во внутренней политике. Внешнеполитический курс самодержавия был направлен на подавление революционного движения в Европе. Все это показывало декабристам, что мирный путь преобразования России невозможен. Они все больше склонялись к революционному пути. С годами также менялась оценка результатов революции во Франции. П. Пестель, например, писал, что «революция, видно, не так дурна, как говорят, и... может быть даже полезна»⁸⁰. Будучи убеждены, что непр просвещенный народ не может, не способен действовать в революции, декабристы в момент своего решающего выступления повели борьбу за народное благо без участия народа.

Просветительские идеи можно найти и в программных документах декабристов. В «Русской правде» Пестеля, как известно, земельный фонд государства предполагалось разделить на две части — общественную и частную, с тем, чтобы из общественного фонда любой желающий мог получить во временное и бесплатное пользование «клочок» земли и обработать его по своему усмотрению. Какие цели преследовал Пестель, выдвигая такое положение? Он утверждал право крестьян приобретать собственность наравне со всеми другими членами общества и тем самым создавать условия для гражданского равенства. Наличие общественного фонда земель, по мнению автора «Русской правды», избавило бы народные массы от нищеты, оградило бы их от безграничного произвола и господства «аристократии богатства», которая заменит «аристократию феодализма». О. В. Орлик права в том, что Пестель «стремился искать, согласно «Русской правде», такую форму будущего строя, которая бы включала рациональные достижения западной цивилизации, но помогла бы избежать господства «аристократии богатства»⁸¹. Пестель, таким образом, пытался обеспечить всеобщее благоденствие при сохранении частной собственности, т. е. в первой четверти XIX в. он искал возможности претворить в жизнь чисто просветительский идеал.

Еще один пример. Почему Пестель предлагал, чтобы ежегодно обновлялась пятая часть Народного веча и Державной думы, а

председателем ее (президентом страны) становился член Думы на пятом году своего срока депутатских полномочий? Красной нитью во многих произведениях просветителей проходит мысль о том, что деспотизм опирается на насилие, люди, долго находящиеся у власти, при молчаливом согласии и одобрении своего окружения узурпируют власть и становятся деспотами. Постоянное обновление, хотя и частичное, верховных органов республики позволило бы избежать узурпации власти. Это тоже попытка осуществления просветительского идеала. Таких примеров можно привести много.

Декабристы с просветительно-революционных позиций разработали программу переустройства общества и с оружием в руках выступили против самодержавия, положив начало освободительному движению. Конечно, антифеодальная, буржуазная идеология развивалась декабристами с учетом тогдашней конкретно-исторической обстановки и России и Запада. «Она обосновывалась, — пишет В. Е. Иллерицкий, — на теоретическом обобщении нового исторического опыта — опыта первой четверти XIX в. ...была результатом усилий обширного коллектива единомышленников, в сфере внимания которых, естественно, оказался и значительно более широкий круг проблем всемирной и отечественной истории. Разработка этих проблем была у декабристов теснее и органичнее связана с революционной практикой их времени»⁸². Представляется, что в конечном итоге дворянская революционность — это попытка перенести просветительские идеи из области общественной мысли в область общественного движения. Декабристы попытались вооруженным путем провести в жизнь радикальные просветительские идеи.

Поражение декабристов стало концом просветительства как самостоятельного направления в русской общественно-политической мысли.

По сей день не утихают споры вокруг определения трех основных черт просветительства, которое дано В. И. Лениным в работе «От какого наследства мы отказываемся?». Что имел в виду Ленин, говоря о просветительстве? Кого он понимал под просветителями: революционных демократов, либералов или объединял их всех вместе в рамках широкого антифеодального течения общественно-политической мысли России? Эти и другие вопросы рассматриваются в многочисленных работах⁸³. В конечном итоге главным является вопрос о месте просветительства в общественной мысли России XVIII — первой половины XIX в. Сторонники одной из трактовок просветительства сходятся в том, что его следует рассматривать как широкое антифеодальное течение общественной мысли. С их точки зрения, так понимал просветительство В. И. Ленин.

З. А. Каменский отмечает, что В. И. Ленин, «выясняя общедемократическое содержание буржуазной идеологии эпохи крушения феодализма и становления капитализма, называл деятелей этой идеологии «просветителями»⁸⁴. В Философской энциклопедии просветительство в широком смысле рассматривается как «сино-

ним антифеодальной прогрессивной идеологии периода становления капитализма»⁸⁵. По мнению М. Г. Вандалковской, для В. И. Ленина «просветительство являлось широким антифеодальным по своему социальному содержанию течением общественной мысли, естественно включавшим в себя просветительство революционных демократов с их революционной идеей развития исторического процесса. Борьба с остатками средневековья и крепостничества на уровне развития утопических представлений о прогрессивном и справедливом строе составляло его содержание»⁸⁶. М. Г. Вандалковская считает, что просветительство — это длительный исторический процесс, который делится на периоды, и что в рамках каждого периода оно «имело свои особенности, обусловленные принадлежностью к определенному общественно-политическому течению»⁸⁷. Выходит, просветительство не самостоятельное направление в общественно-политической мысли, а конгломерат различных общественно-политических течений антифеодальной направленности, противостоящих охранительному лагерю. В то же время М. Г. Вандалковская считает, что «в рамках каждого периода» на просветительство накладывало отпечаток то общественно-политическое течение, к которому оно принадлежало⁸⁸. Нельзя не согласиться с А. Г. Белебрухом, что в данном случае просветительство «нечто вроде терминологической условности для обозначения антифеодальных убеждений»⁸⁹. Широкое понимание просветительства в терминологическом духе характерно и для И. К. Пантина, полагающего, что просветительство — «это синоним антикрепостнической идеологии вообще, оно «покрывает собой существенно различные антикрепостнические направления»⁹⁰.

Как широкое социально неоднородное идейное течение рассматривает просветительство Р. Г. Эймонтова, утверждая, что «просветительской ориентации придерживались люди разного происхождения, общественного положения, разных взглядов», а объединяло их «неприятие существующих порядков». К просветительству, по мнению Р. Г. Эймонтовой, были причастны «общественные силы, заинтересованные в крушении феодально-крепостнической системы»⁹¹.

Точно такого же мнения придерживалась и Э. С. Виленская, писавшая, что «просветители» в ленинской статье — это широкое обобщающее понятие, в котором отсекалось все, что составляло специфику и революционного демократизма и буржуазного либерализма. «Демократия вообще» — это антифеодальная, антикрепостническая, антисамодержавная по своему содержанию идеология, независимо от революционной или реформистской направленности или теоретического обрамления идей. Давая такое определение, Ленин имел в виду охватить им то, что составляло основу взглядов как Чернышевского и его единомышленников, так и либералов типа Скалдина и М. М. Стасюлевича»⁹².

Все названные исследователи, рассматривая просветительство как антифеодальные убеждения людей независимо от их отношения к тому или иному направлению общественно-политической мысли,

связывают его начало с серединой и второй половиной XVIII в., а конечной хронологической гранью считают 60—70-е годы XIX столетия. Г. Н. Поспелов и С. С. Конкин видят просветительство только в XIX — начале XX в.⁹³.

Предложенная широкая трактовка просветительства несовместима с представлением о нем как о самостоятельном направлении в общественной мысли России со своими программными идеями и установками, такими, как рационализм, теория естественного права и общественного договора, идея народного суверенитета, теория разделения властей, энциклопедизм, идеализм в понимании развития исторического процесса, признание главенства политики и права над остальными сферами общественной жизни.

Для просветительства были характерны демократизм, гуманизм, отсутствие своекорыстия, обусловленная условиями эпохи ограниченность взглядов, а отсюда — «иллюзии неизбежной, немедленной и полной победы „свободы, равенства и братства“»⁹⁴, «иллюзии насчет не буржуазной, а общечеловеческой республики». Вряд ли правомерно утверждать, что оно объединяло различные антифеодальные течения общественно-политической мысли, и ради этого лишать их всего того, что составляло присущую им специфику. В ней, этой специфике, на наш взгляд, и заключается то основное, что делает каждое течение самостоятельным, с определенными установками, социальным содержанием. Она позволяет определить его место в истории борьбы идей, выяснить, насколько были прогрессивны его положения и установки. Степень прогрессивности идей определяется не только их объективной сущностью, но также, как отметили И. Д. Ковальченко и Г. С. Кучеренко, интересами и деятельностью классов, социальных групп, «которые выражают то или иное направление общественно-политической мысли, соответствующее ходу исторического процесса, могут содействовать ускорению этого развития»⁹⁵. Среди течений общественно-политической мысли, для которых была характерна антифеодальная направленность, не всем были присущи свойственные просветительству классовое бескорыстие, демократизм и т. п. Общность задач, стоявших перед антифеодальными силами России в первой половине XIX в. и во второй половине XVIII в., в первую очередь задачи уничтожения крепостного права, вела к тому, что определенные просветительские идеи и положения мы можем встретить у представителей самых различных направлений общественно-политической мысли первой половины XIX столетия.

Переоценка опыта декабристов, той ситуации, которая сложилась в России после их выступления, ставила общественную мысль перед необходимостью искать новые теории, определять на их основе пути решения тех задач, которые стояли перед страной. Для передовой среды русского общества исходными элементами, характерными для ее общего идейного климата, были, как отметил Е. Г. Плимак, отрицание «политики», в смысле возможности перенесения западных форм; поиски глубинных исторических закономерностей и путей исторического действия, не сводящихся к про-

светительскому «разумному совершенствованию» извне; сознание «неизмеримой» отсталости России и преодоление пессимизма в национально-патриотическом одушевлении; пиетет к развитой Европе и вместе с тем все более активная фиксация пороков буржуазной цивилизации»⁹⁶.

Стремление объединить все это, выработать единую концепцию вело к восприятию идей утопического социализма, ставшего ведущим направлением передовой общественной мысли Западной Европы, особенно в странах, где победили буржуазные революции. Пройти мимо этих идей русская передовая мысль, искавшая пути преодоления ограниченности дворянской революционности, просветительских идей всеобщего благоденствия, не могла; в 30-е годы в общественной мысли России зарождается утопический социализм. Это было самостоятельное течение со своими специфическими чертами, отличавшими его от просветительства. К. Маркс и Ф. Энгельс не отрицали идейной близости просветительства и утопического социализма, начавшего развиваться под влиянием промышленного переворота в Англии и Французской революции конца XVIII в. Эти события дали бурный толчок развитию капиталистических отношений и вызвали неудовлетворение эксплуатируемой массы трудового народа результатами происшедших перемен. «Пролетариат, — писал Ф. Энгельс, — едва только выделившийся из общей массы неимущих в качестве зародыша нового класса, еще совершенно не способный к самостоятельному политическому действию, казался лишь угнетенным страдающим сословием, помощью которому в лучшем случае, при его неспособности помочь самому себе, могла быть оказана извне, сверху»⁹⁷. Это, по справедливому мнению Энгельса, и «определило взгляды основателей социализма». Решения общественных задач, рассуждал он далее, были скрыты в неразвитых экономических отношениях и поэтому их вновь «приходилось выдумывать из головы»⁹⁸. Существующий строй являл одни недостатки, и их устранение становилось у социалистов-утопистов, как и у просветителей, задачей мыслящего разума. Социалисты-утописты должны были «изобрести новую, более совершенную систему общественного устройства и навязать ее существующему обществу извне»⁹⁹. «Незрелому состоянию капиталистического производства, незрелым классовым отношениям» соответствуют, отмечал Энгельс, и незрелые теории. Поэтому социалисты-утописты, как и просветители, «хотят сразу же освободить все человечество. Как и те, они хотят установить царство разума и вечной справедливости...»¹⁰⁰.

Но отметив общность между просветителями и социалистами-утопистами. Энгельс четко и исторически обоснованно определил и различие этих идейных течений: «...их царство как небо от земли отличается от царства разума просветителей. Буржуазный мир, построенный сообразно принципам просветителей, так же неразумен и несправедлив и поэтому должен быть так же выброшен на свалку, как феодализм и все общественные порядки»¹⁰¹. Социалисты-утописты, в отличие от просветителей, критиковали буржу-

азное общество, реально существующий капитализм во всех его конкретных чертах и противоречиях. Наиболее ярко, по мнению Энгельса, это проявилось у Фурье, «который беспощадно вскрывает все материальное и моральное убожество буржуазного мира и сопоставляет его с заманчивыми обещаниями прежних просветителей об установлении такого общества, где будет господствовать только разум, такой цивилизации, которая принесет счастье всем, — с их заявлениями о способности человека к безграничному совершенствованию; он разоблачает пустоту напыщенной фразы современных ему буржуазных идеологов»¹⁰².

Как два различных идейных течения рассматривал просветительство и утопический социализм В. И. Ленин. Для просветительства, по его мнению, были характерны «иллюзии неизбежной, немедленной и полной победы „свободы, равенства и братства“, иллюзии насчет не буржуазной, а общечеловеческой республики, республики, водворявшей мир на земле и в человеках благолепие. То были иллюзии отсутствия классовой розни внутри угнетенного монархией и средневековым порядком народа, насчет невозможности методами насилия победить „идею“, насчет абсолютной противоположности отжившего феодализма и нового свободного демократического, республиканского порядка, буржуазность которого не признавалась вовсе или признавалась до последней степени смутно»¹⁰³. Отличием утопического социализма В. И. Ленин считал прежде всего его антибуржуазность. «Первоначальный социализм, — отмечал он, — был утопическим социализмом. Он критиковал капиталистическое общество, осуждал, проклинал его, мечтал об уничтожении его, фантазировал о лучшем строе, убеждал богатых в безнравственности эксплуатации»¹⁰⁴.

Таким образом К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, говоря о просветительстве и утопическом социализме, подчеркивали специфические черты этих направлений, отличавшие их друг от друга. Они отмечали, что это были самостоятельные идейные течения. В утопическом социализме было много направлений и школ, но объединяли их общие черты антибуржуазности: критика политически ограниченного равенства, принесенного буржуазными революциями, требование социального равенства, критика ограниченности преобразований, осуществленных в обществе в эпоху буржуазных революций, переведение политической революции в плоскость революции социальной.

У социалистов-утопистов XIX в. была иная, чем у просветителей, методологическая основа разработки идей и теорий. Мы согласны с Г. С. Кучеренко в том, что они «обогатившись опытом экономического развития, социальной, политической и идеологической борьбы», вырабатывали свои теории «не на метафизических рассуждениях о разумности, целесообразности нового общественного строя, а на попытках изучения новой исторической действительности средствами точных наук: хотели создать новую общественную науку и обосновать с ее помощью неизбежность перехода к обществу будущего»¹⁰⁵.

Развитие утопического социализма в России, стране менее развитой по сравнению, например, с Англией и Францией, пришлось на период кризиса феодально-крепостнической системы. В России не было буржуазной революции, развитие капиталистического уклада только обозначило противоречия между экономически слабой и политически бесправной буржуазией и неимущими слоями населения. Главными вопросами общественной жизни оставалась борьба с самодержавием и крепостничеством. Несмотря на это, все вышесказанное об утопическом социализме Запада было характерно и для русского утопического социализма, на наш взгляд, выросшего из просветительно-революционного крыла просветительства.

Осмысливая будущее России, пути ее развития, представители русского утопического социализма не могли не обратить внимание на развитие европейских стран, особенно тех, где победили буржуазные отношения. Они увидели там несовершенство и пороки буржуазного строя, его ограниченность и то, что он принес простым труженикам еще большую эксплуатацию, нищету и несправедливость. Отсюда в утопическом социализме России наличествует отчетливая антибуржуазность: отрицание частной собственности, выступление против капиталистической эксплуатации, более или менее развитая критика капитализма. А это уже не просветительские идеи всеобщего благоденствия при сохранении частной собственности и эксплуатации, это качественно новая ступень в развитии общественной мысли. Антибуржуазность русского утопического социализма была тесно связана с критикой существующего в России крепостного права, а после 1861 г. — его остатков, защитой интересов трудящихся, в первую очередь крестьянства, критикой самодержавного строя, обрекавшего народ на несправедливость, а страну на отсталость. Поэтому так сильна оказалась в России социалистическая идея будущего общества, утверждавшая фактическое, а не формальное равенство людей, полное совпадение и развитие личных и общественных интересов.

Главной чертой русского утопического социализма был объективно революционный демократизм, отражавший интересы крестьянства, облеченный в форму крестьянского социализма. «Мы русским социализмом, — писал в 1868 г. А. И. Герцен, — называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта; от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владения и общинного управления, — и идет вместе с работницей артелью навстречу той экономической справедливости, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука»¹⁰⁶. В русском утопическом социализме имелось множество оттенков, направлений, он прошел в своем развитии ряд этапов, но в целом практически все его идеологи признавали необходимость крестьянской революции, не боялись широкого народного движения. Это отличает утопический социализм даже от революционного крыла просветительства (за исключением, может быть,

А. Н. Радищева), которое пыталось установить всеобщее благоденствие без участия широких народных масс.

Русские социалисты-утописты первой половины XIX в., обосновывая социалистическую идею, опирались уже не на рационалистическую философию и признание великой силы человеческого разума. Выработывая философское основание своего социалистического идеала, они сочетали его с философским учением Фейербаха, в центре которого был человек, и философией Гегеля с ее идеей развития мирового духа. Например, В. Г. Белинский, Н. П. Огарев, А. И. Герцен, М. В. Петрашевский строили его на антропологической идее «природы человека», полной реализацией которой только и может быть социализм, на диалектике, логике мирового разума, «понятого как дух человечества, будто бы изначально стремящегося к разумному строю — строю свободы и равенства всех и каждого»¹⁰⁷.

Таким образом, утопический социализм первой половины XIX в., на наш взгляд, является самостоятельным течением общественно-политической мысли России, сложившимся после 14 декабря 1825 г., когда неудача декабристов показала невозможность создания государства всеобщего благоденствия на основе просветительских идей. Утопический социализм был порожден поисками новых путей выхода из тупика, в который Россию завело крепостничество. Это было направление со своими программно-теоретическими установками, во многом отличными от просветительских. Но ряд положений просветительства и утопического социализма совпадали, что вполне естественно, так как последний унаследовал все то ценное и позитивное, что было в просветительстве, и включил в качественно иную систему взглядов.

Актуальность и общность задач, стоявших перед общественными деятелями, увидевшими невозможность сохранения в России крепостнических порядков, позволяет найти ряд просветительских положений и в русском либерализме, который зарождался и развивался одновременно с утопическим социализмом. Либерализм своими корнями уходит во вторую половину XVIII в., когда представители дворянства, стремясь ослабить остроту социальных конфликтов, предотвратить надвигающуюся крестьянскую войну, предлагали провести ряд мер, которые могли бы способствовать дальнейшей буржуазной эволюции. Правда, черты либерализма тогда еще не были четко выражены. Либеральные идеи и воззрения имели место и в просветительстве на просветительно-реформистском этапе его развития. Дальнейшее их развитие приходится на эпоху декабризма и на период после поражения восстания 14 декабря 1825 г., когда в 30—40-х годах XIX в. возникают западничество и славянофильство — течения раннего русского либерализма, противостоявшего официально-охранительной идеологии и утопическому социализму.

Ранний русский либерализм появился в годы николаевской реакции, когда стала ясной полная невозможность сохранения крепостнических порядков. Размышляя над будущим России, либе-

ралы на основе философских систем Фихте, Шеллинга, Канта, Гегеля пытались определить пути развития страны. Западники выступали с апологией буржуазных порядков Западной Европы, славянофилы признавали особый путь исторического развития России. И те и другие критиковали, порой очень резко, бюрократическую систему России, крепостное право, дворянское общество, обосновывали неизбежность общественного прогресса, считали, что просвещение, распространение передовых идей — движущая сила развития общества. Все это роднит либералов с просветителями. И это естественно, так как либералам, боровшимся с крепостническими порядками, были близки буржуазные идеи просветительства. По своему социальному содержанию либерализм был буржуазным, отражал интересы буржуазного развития страны, хотя носителями его идей выступали в первой половине XIX в. в основном представители дворянства.

Но либерализм как самостоятельное течение вряд ли можно отождествлять с просветительством, для которого было характерно выступление идеологов от имени всей нации и, как следствие, отсутствие классовой ограниченности, наличие подлинного демократизма. В. И. Ленин, утверждавший, что «без выяснения классовой природы наших политических партий, без учета интересов и взаимного положения классов в нашей революции нельзя сделать ни шагу вперед в деле определения ближайших задач и тактики пролетариата»¹⁰⁸, постоянно и справедливо подчеркивал классовое содержание либерализма. «Либералы, — отмечал он, — хотели «освободить» Россию «сверху», не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков, побуждая их только к «уступкам» духу времени. Либералы были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков. Либералы ограничиваются... «борьбой за реформы», «борьбой за права», т. е. дележом власти между крепостниками и буржуазией»¹⁰⁹. Мы полностью согласны с С. А. Покровским в том, что «идеология либерализма, как правило, приходит на смену просветительству после того, как противоречия буржуазного общества уже отчетливо выявляются и иллюзии «всеобщего благоденствия» быстро рассеиваются. Либерализм в отличие от просветительства — идеология буржуазии, уже противопоставляющей себя народу, враждебной ему»¹¹⁰.

Русские либералы 30—50-х годов XIX в., выступая против крепостничества, за его отмену сверху, в своих программах исходили вовсе не из интересов угнетенных масс крестьянства, усилившего свою борьбу против крепостного права. Они стремились путем реформ укрепить существующий строй, свое господство, избежать революционного взрыва. Подлинного демократизма в либерализме не было. В. И. Ленин отмечал, что «либерал сочувствовал демократии, пока демократия не приводила в движение настоящих масс, ибо без вовлечения масс она служила своекорыстным целям

либерализма, она только помогала верхам либеральной буржуазии пододвинуться к власти. Либерал отвернулся от демократии, когда она втянула массы, начавшие осуществлять свои задачи, отстаивать свои интересы»¹¹¹.

В 60-е годы XIX в. в обстановке развития революционного натиска либералы усиливают свое негативное отношение к революционному пути преобразования России, сближаясь в этом с консервативно-охранительным направлением. А в конце XIX — начале XX в. более четко проявились такие «характерные черты либерализма», как боязнь революционной борьбы масс, готовность к сделке с монархией за счет интересов народа, стремление к власти и властобоязнь. Либеральная буржуазия в эпоху империализма оказалась незаинтересованной в радикальном устранении феодальных пережитков»¹¹². В. И. Ленин, отмечал, что деление политических сил России на консерваторов-крепостников, либералов и демократов «вполне определенно наметилось с половины XIX века, все больше оформлялось в 1861—1904 годах, вышло наружу и закрепились на открытой арене борьбы масс в 1905—1907 годах, оставаясь таковыми же и в 1908—1912 годах»¹¹³. Причины такого разделения он видел в том, что не были «решены еще объективные задачи исторического развития России, которые составляют содержание демократических преобразований и демократических переворотов везде и повсюду, от Франции 1789 года до Китая 1911 года»¹¹⁴. Если эти задачи оставались нерешенными в начале XX в., то тем более они не могли быть решены в первой половине XIX столетия. Разделение политических сил в России началось в период кризиса феодально-крепостнической системы. В связи с этим в общественно-политической мысли формировались консервативно-охранительное направление, либерализм и утопический социализм.

В. И. Ленин, как мы уже отмечали, отделяя просветительство от утопического социализма, с эпохой декабризма связывал и начало либерального направления: «Тема — вкратце познакомить. 1. Либеральное движение в России. (Дворянское — декабристы.) Земское. 60-е гг. и после»¹¹⁵. Таким образом, он признавал наличие в 30—50-е годы XIX в. утопического социализма и либерализма как самостоятельных течений в общественно-политической мысли России. В. И. Ленин, несомненно, понимал, что в период становления они наследовали и несли печать определенных черт просветительства. Эти черты он определил в работе «От какого наследства мы отказываемся?». На примере взглядов Скалдина (Ф. П. Еленева), которые «чрезвычайно напоминают взгляды экономистов XVIII века (разумеется, с соответствующим преломлением через призму русских условий)»¹¹⁶, хотя и считал их нетипичными для «наследства 60-х годов». В письме к А. Н. Потресову В. И. Ленин писал: «...принимать наследство от Скалдина я нигде не предлагаю. Что принимать надо от других людей — это бесспорно. Мне сдается, что защитой (от возможных нападения противников) для меня будет примечание на стр. 237¹¹⁷, где я имел

в виду именно Чернышевского и мотивировал причины неудобства взять его для параллели»¹¹⁸. В. И. Ленин, следовательно, главным и наиболее типичным представителем «наследства» 60-х годов, от которого и надо принимать «наследство», считал Н. Г. Чернышевского. Изложить его взгляды Ленин не смог по цензурным соображениям, а потому выбор пал на Скалдина. Это дало основание многим исследователям трактовать просветительство как широкое идейное течение антифеодального характера, зачислив туда и либералов и социалистов-утопистов, в том числе и Чернышевского. Мы считаем, что если бы Ленину удалось изложить его взгляды, а не взгляды «буржуа-просветителя», по Энгельсу, «умеренного консерватора»¹¹⁹, то оценки «наследства» были бы иными.

В. И. Ленин никогда не называл в своих работах Чернышевского просветителем, используя для оценки его взглядов другие термины. «Чернышевский, — писал он, — был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение старых властей»¹²⁰. В. И. Ленин отмечал, что Чернышевский был замечательным критиком капитализма, говорившим уже не о человеке вообще, как это делали просветители, а о трудящихся, «работниках»; о различии классовых интересов, закономерности классовой борьбы. Результатом этой борьбы будет, по мнению Чернышевского, социалистическое устройство, к которому Россия придет, минуя капитализм, через крестьянскую общину. В отличие от революционного просветителя А. Н. Радищева, выдвинувшего идею народной революции в будущем и подготовки ее словом вольности, Чернышевский говорил о необходимости крестьянской революции в настоящем, ее тщательной подготовке, целях, средствах, создании революционной организации. Свой подход к изучению природы и общества Чернышевский строил не на основе рационалистической философии, а связывал его с антропологической философией Фейербаха; вычленял он и ряд позитивных положений в философских системах Шеллинга и Гегеля. Антропологическое учение Чернышевского было направлено на получение ответа на вопрос, что такое человек вообще и каковы экономические, политические и социальные условия обеспечения его участия в жизни общества. Революционеров предреформенной поры волновали проблемы выработки «социалистического идеала, его экономическое, философское обоснование, соотношение революции и реформы, условия революционного действия, цель и средства революционной борьбы, роль в ней народных масс, революция и наука, политика и нравственность»¹²¹. В их решении они продвинулись далеко вперед по сравнению с революционными просветителями.

Социалисты-утописты первой половины XIX в. действовали в условиях, когда «все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками». Поэтому для них, как и для просветителей, была характерна горячая враждебность «кре-

постному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области... горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще европеизации России... отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян»¹²². В. И. Ленин отмечал, что эти три черты и составляют «суть того, что у нас называют «наследством 60-х годов» и то, что оно носит «просветительный» характер»¹²³. Мы считаем, что данное ленинское положение следует понимать в том смысле, что «наследству 60-х годов» были свойственны в определенной степени эти просветительские убеждения, так как и во второй четверти XIX в. не были решены актуальные для России задачи — уничтожение крепостного права и самодержавия. Характерны они были и для Чернышевского. Мы поддерживаем точку зрения А. Г. Болебруха в том, что просветительские черты хотя и были присущи Чернышевскому, «но не стали для него ведущими и определяющими. С другой стороны, раскрыть суть «наследства» на примере Чернышевского можно было бы еще и потому, что он выражал ту часть этого «наследства», которая, не порвав окончательно с просветительством, выразила утопически-социалистические тенденции, наиболее близкие по своему характеру русским «ученикам-«марксистам»¹²⁴. Добавим, что просветительские черты не стали ведущими и определяющими для утопического социализма и либерализма второй четверти XIX в. как самостоятельных направлений в общественно-политической мысли. Просветительство с его идеей всеобщего благоденствия, верой в возможность переустройства общества на основе разума в обстановке кризиса феодально-крепостнической системы уже не могло обеспечить решения насущных задач исторического развития России, определения путей и содержания демократических преобразований. Оно перестает существовать как самостоятельное радикальное направление общественно-политической мысли России. Ему на смену приходит утопический социализм. Но многие просветительские идеи остаются живучими и в силу именно нерешенности в России ряда актуальных для ее развития задач переходят в новые направления общественной мысли, где уже не являются центральными, а присутствуют как составная часть этих направлений с их определенными специфическими чертами, социальным содержанием, теоретико-методологической основой.

В общественной мысли то или иное направление, выполнив свою историческую миссию, не исчезает сразу и вдруг. Отдельные его положения, идеи, лучшие его стороны еще продолжают существовать в рамках новых направлений, представляющих собой более высокий этап общественной мысли. Бурлит время, усложняется жизнь, бурлит и усложняется мысль, вынужденная давать ответы на все увеличивающиеся, порой трудноразрешимые вопросы. Совершенствуются идеи. Новые направления общественной мысли, наследуя положения предшествующих направлений, в ходе своего развития, на каждом новом этапе, изживают их, как устаревшие, не соответствующие задачам дня.

тичности. Исходным его пунктом является природа человека. Она — едина и неизменна. В человеке всегда присутствуют от рождения присущие ему черты характера. Из вечной и неизменной его природы вытекают и «естественные права», которыми обладает человек вечно, независимо от того, какова форма правления и действующие законы. К этим правам просветители относили свободу, равенство между людьми, обладание собственностью. Обеспечение своего счастья и интересов — природное право человека, но он не сможет его реализовать, если будут нарушены основные и незыблемые «естественные права». Но природа человека, будучи неизменной, дополняется новыми чертами, которые вырабатываются в ней той средой (географической, социальной), в которой он живет, и полученным воспитанием.

Просветители в объяснении бытия, исторического процесса пытались искать и объективные факторы развития человеческого общества, такие, как, например, географическая среда, климат и т. д. Но решающее значение они все же придавали общественным факторам, выделяя из них в первую очередь социальную среду и воспитание. В противовес господствовавшей в официальной идеологии идее предопределенности социального положения каждой личности, наделенной определенным количеством разума и заранее известных достоинств, большинство просветителей, отстаивая идею формирования личности, утверждали; что основой формирования человека в первую очередь является социальная среда. Под ней они понимали человеческое общество, конечной целью которого считали обеспечение счастья и благоденствия людей, его образовавших. Высший закон общества — благо народа. Только такая социальная среда справедлива, соответствует разуму, а значит, имеет право на существование. Если она не отвечает элементарным требованиям человека, то ее необходимо либо заменить, либо качественно переустроить. Главным и определяющим в социальной среде было, по мнению просветителей, государственное устройство, по их терминологии форма правления, и законодательство. Поэтому они ставили в центр своего внимания прежде всего вопрос происхождения и источника верховной власти. В XVIII в. к этому сводилась проблема происхождения государства. Просветители пытались вскрыть механизм взаимодействия верховной власти с обществом, определить, какова может быть степень ее полноты и какие силы могут ограничить ее пределы. Стремясь понять и показать смысл существования власти, просветители вскрывали цели, которые она перед собой ставила и преследовала.

Просветители, и западноевропейские и русские, решали эти вопросы с позиций теории естественного права, разрабатывая основы разумного общественного устройства, противопоставляя его абсолютизму, с которым они вели борьбу. Для них поэтому первостепенным было главенство политико-правовой сферы на всеми остальными сферами жизни.

Середина и конец XVIII в. ознаменовались бурным развитием политической мысли. «Текущая литература того времени, — от-

мечал Л. Майков, — литература всевозможных доктрин, систем и философских построений»⁴. В обстановке обострения идейных столкновений между представителями антифеодального и консервативного направлений вопрос о происхождении государства был первостепенным. В теории о государстве всегда происходит борьба, которая отражается или находит свое выражение в борьбе взглядов на государство, в оценке роли и значения государства⁵.

Наряду с просветителями названные выше проблемы рассматривали в своих трудах представители консервативного направления, используя при этом просветительские положения с целью идейно обосновать законность самодержавия, соответствие его принципам разума. И просветители и консервативные идеологи опирались на идеи и положения западноевропейских, в первую очередь французских, просветителей. Именно в это время французская, немецкая и английская просветительская литература принесла в Россию новые понятия о политических системах, государстве и праве. Мы не склонны отрицать воздействие английских и немецких мыслителей на российскую общественно-политическую мысль. Из английских просветителей наибольшей популярностью в России пользовался Локк, в немецком просветительстве внимание привлекали Лессинг и Гердер⁶. Но их влияние было менее значительным, чем влияние Вольтера, Дидро, Руссо, Гельвеция, Гольбаха, Рейналя и др. Французские мыслители были поистине властителями дум просвещенных людей России. Это объясняется тем, что в XVIII в., особенно во второй его половине, активно развивались русско-французские культурные связи и французская культура, занимавшая в Европе доминирующее положение, оказывала на русскую культуру определяющее влияние. Широим потоком в Россию шла французская литература. «Поначалу французские книги, — отмечает П. И. Хотеев, — поступала в Россию не таким потоком, как во второй половине XVIII столетия, и тем не менее уже в анненские (правление Анны Иоанновны. — В. М.) времена количество изданий на французском языке, имевшихся в ряде русских частных и государственных библиотек, исчислялись десятками и сотнями томов»⁷.

Во второй половине XVIII в. французские книги заполнили библиотеки России. Живейший интерес в русском обществе вызывала французская «Росси́ка», из которой русские современники стремились почерпнуть новые сведения по ряду тем истории России, включенных русским правительством в число запретных⁸. Произведения французских просветителей, которые становились источником политических знаний, известный мемуарист Г. Добрынин охарактеризовал как «явления, отверзающие умственный глаз подобных им человек и оживотворяющие ощутительно душу мыслящего существа»⁹. Влияние французских просветителей на общественную мысль было сильно не только в России, но и в ряде европейских стран, потому что во Франции второй половины XVIII в. буржуазное мировоззрение, которое Ф. Энгельс назвал «юридическим»¹⁰, достигло наибольшей зрелости.

Ставя перед собой задачу показать, как решалась проблема происхождения государства в трудах русских просветителей, мы считаем целесообразным рассмотреть ее интерпретацию и некоторыми консервативными идеологами. Это, казалось бы, не входит в рамки данной работы. Но русское просветительство развивалось в идейной полемике с консервативным направлением, и такой подход позволит полнее представить остроту идейной борьбы в общественно-политической мысли России, отделить просветителей от консерваторов. М. В. Нечкина справедливо заметила: «Отношение к устоям системы — пробный камень для определения того, на чьей стороне деятель... Отношение к феодальной собственности на землю... к сословному строю и политической надстройке системы — самодержавию определяет место деятеля в том или ином лагере»¹¹.

По сути, в первой советской монографии П. С. Грацианского, где предпринята попытка рассмотреть развитие русского просветительства на фоне и во взаимосвязи с другими течениями политической идеологии, отмечено единство взглядов просветителей, наличие системы идей. Но вызывает возражение положение автора о некоем «организационном начале» в виде Московского просветительского кружка, составленного в 1778 г. Десницким, Третьяковым и другими с целью «пропаганды своих взглядов»¹². Это не согласуется с имеющимися знаниями о той эпохе и не соответствует формам взаимоотношений в среде дворянской и разночинной интеллигенции.

Нас будет интересовать как совпадение позиций у представителей просветительского и консервативного направлений, так и их различие. Учитывая, что все они испытывали влияние передовой мысли Запада, в первую очередь французского просветительства, мы ставим задачу определить, какие идеи использовались, насколько полно, с какой целью. Это, как нам думается, позволит определить уровень развития и степень теоретической зрелости просветительской мысли России.

«Третье сословие» Франции по своему составу было неоднородно. В него входили представители развивающейся буржуазии, ремесленники, торговцы, рабочие, крестьяне. Несмотря на различие интересов каждой из групп, во второй половине XVIII в. их объединяло стремление устранить феодальный строй, тормозивший развитие страны. С ростом капиталистических отношений возрастало социальное значение буржуазии, которая во второй половине XVIII в. стала во главе антифеодальных сил, спланировала их и вела на борьбу с абсолютизмом. Буржуазия острее, чем другие классы «третьего сословия», чувствовала политическое бесправие. Она настоятельно требовала уничтожения оков, связывавших развитие промышленности и торговли. Заняв ведущее место в экономике, французские буржуа стремились играть ведущую роль и в политическом управлении государством.

Отсутствие «монолитности» «третьего сословия» предопределило то, что французское просветительство не было единым тече-

нием общественной мысли. Как отметил Н. Е. Застенкер, «в нем были и компромиссные, и вполне буржуазные идеи, и противоречивые мелкобуржуазные концепции, и такие, которые смутно отражали интересы и условия эксплуатируемых масс предпролетариата»¹³. Но доминантой во французском просветительстве была идеология буржуазии. Именно его буржуазное течение (Вольтер, Монтескье, Гельвеций, Гольбах, Рейналь и др.) оказывало определяющее влияние на развитие как консервативного, так и просветительского направлений общественной мысли России. Из представителей демократического течения наиболее широко в русском обществе был известен Руссо.

Буржуазные просветители Франции, выступая против абсолютизма, утверждали возможность исправления существующего строя, возвращения к «естественным правам» человека путем убеждения, просвещения всего народа, издания справедливых законов «просвещенным монархом». Монархию, возникшую через общественный договор, они считали возможной представительной формой правления, а чтобы избежать узурпации власти монархом, предлагали ее ограничить. Возникающая при таком политическом строе возможность компромисса буржуазии с дворянством ярко проявилась на первом этапе французской революции. Но этот этап был также предопределен и теми лозунгами, с которыми идеологи французской буржуазии выступали против феодально-абсолютистского строя, сословных прав и привилегий дворянства.

Французские просветители подчеркивали, что государство должно обеспечивать счастье человека, а счастье заключается в свободе, равенстве и частной собственности, которая является условием процветающего общества. Без всего этого человек не может удовлетворить свои интересы, это его естественные права. В нем, его природе, просветители Франции видели не конкретного, а абстрактного идеализированного человека, каким он был до потери естественной свободы, наделяя его буржуазным разумом, снабжая его «не просто понятиями о его естественных правах, а буржуазным пониманием „священных и неотъемлемых прав“»¹⁴. Утверждение права частной собственности и абсолютной невозможности всякого посягательства на нее в качестве незыблемого права человека и вело буржуазию к возможности компромисса с дворянством. Сложным в связи с этим был для французских просветителей вопрос о равенстве. С одной стороны, эта идея была сокрушительной силой в борьбе с сословным строем, с другой стороны, в стране, где в экономике развивались и все более крепились капиталистические отношения, она начинала носить не только антифеодальный, но и антикапиталистический характер. Это наносило удар по антифеодальному единству третьего сословия. Поэтому французские идеологи буржуазии, провозглашая лозунг равенства, по словам Вольтера, «самой естественной и самой химерической вещи», говорили только о равенстве перед за-

коном, так как при сохранении частной собственности об ином равенстве не могло быть и речи.

Дворянских идеологов России у французских просветителей привлекали идеи монархии как возможной формы правления и вера в благотворную деятельность «просвещенного монарха». Но при этом отрицалась свобода для всего народа. Она признавалась только для дворянства. Начисто отбрасывалась идея равенства. Дворянские идеологи также отстаивали принцип незыблемости собственности, но только дворянской, отказывая в возможности иметь таковую крестьянам.

Одним из наиболее почитаемых французских просветителей у дворянских идеологов России был Монтескье. В решении вопроса о происхождении государства Монтескье, как и все буржуазные просветители Франции, исходил из теории общественного договора Локка, английского мыслителя, идейно обосновавшего компромисс между английской буржуазией и обуржуазившимся дворянством, который произошел после Славной революции 1688 г. Вслед за Локком он считал, что государство образуется посредством договора: «Народ в высшей степени избирает тех, кому он должен поручить часть своей власти»¹⁵. Причем, по мысли Монтескье, государь должен править на основе твердых законов, обеспечивая благо каждого человека и всего народа в целом, что является высшим законом для правителя. Если же он не обеспечит своим подчиненным счастливую жизнь, «вздумают их угнетать или уничтожать, то повод к повиновению прекращается: их ничто больше не соединяет, ничто не привязывает к нему и они возвращаются к своей естественной свободе... неограниченная власть не может быть законной»¹⁶.

Монтескье выделял три формы правления: деспотию, монархию и республику. Он напрочь отвергал деспотизм, где господствующим принципом, лежащим в основе отношений между людьми, является страх. В деспотических государствах нет законов. Их там заменяет воля и прихоть тиранов. Монтескье подчеркивал, что у подданных при деспотизме нет гарантий ни жизни, ни прав, ни собственности. Тирания разлагает людей, которые становятся коварными, хитрыми, жестокими и быстро приучаются лстить и низкопоклонничать.

Монархическое правление Монтескье пытался отделить от деспотии. Принцип взаимоотношений в монархии — честь, которая заменяет политическую добродетель. «Честь приводит в движение все части политического организма; самым действием своим она связывает их, и каждый, думая преследовать свои личные интересы, по сути дела стремится к общему благу»¹⁷. В монархии источником всякой политической и гражданской власти является государь. Для того чтобы он мог осуществлять свою власть, нужны, отмечал Монтескье, «власти посредствующие, подчиненные и зависимые». «Они образуют природу монархического правления, т. е. такого, где правит одно лицо посредством основных законов»¹⁸. Самая естественная из них — власть дворянства.

«Она, — по мнению Монтескье, — некоторым образом содержится в самой сущности монархии, основное правило которой: „Нет монарха, нет и дворянства, нет дворянства, нет и монарха“»¹⁹. Но и этого недостаточно для соблюдения законности при монархическом правлении. Необходимы учреждения, охраняющие законы. К ним Монтескье относит политические коллегии, которые «обнародуют вновь изданные законы и напоминают о существующих, когда про них забывают»²⁰. Совет при государе для этого не годится, потому что «он есть исполнитель и блюститель тех распоряжений монарха, которые имеют временный характер, а не охранитель основных законов»²¹.

Определяющее значение в формировании нравов и законов имеют, по мнению Монтескье, природно-географические условия и климат. Он прямо пишет о том, что нравы и законы «должны соответствовать физическим свойствам страны, ее климату... положению, размерам, образу жизни ее народов»²². Различие в климатах порождает различие в потребностях людей, их образе жизни, а от этого существует и различие в законах. Положение и размеры страны определяют форму правления, которая может там существовать. Напрочь отрицая деспотизм, Монтескье полагал, что монархия, управляющая по твердым законам, пригодна для страны с большой территорией, а республика, где с наибольшей полнотой обеспечивается свобода и равноправие народа, возможна только в странах с малой территорией. Его идеалом была конституционная монархия, где разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную обеспечивает удовлетворение всех слоев общества и аристократия перестанет противостоять буржуазии. Именно благодаря разделению властей, считал он, в Англии была достигнута высокая степень политической свободы и сложился компромисс между буржуазией и дворянством.

Многие положения Монтескье использовали представители консервативного направления в общественно-политической мысли России, которое, на наш взгляд, возглавляла сама русская императрица. Екатерина II считала необходимым всегда воздействовать на общество, дабы направить размышления русских людей о важных политических проблемах в выгодное для правительства русло. «Долг наш, — писала она, — как христиан, так и сограждан, велит иметь уверенность и почтение к установленным для нашего блага правительствам и не поносить их поступками и несправедливыми жалобами»²³.

Екатерина II проводила политику «просвещенного абсолютизма». «Просвещенный абсолютизм» — высший момент в развитии абсолютизма в XVIII в. Социальная сущность этой политики была продворянской и направлялась на укрепление феодального государства. Екатерина II не проводила радикальных преобразований, которые давали бы простор развитию буржуазных отношений. Такого рода реформы были бы чреватые для императрицы ут-

ратой короны, так как они неизменно привели бы к потере дворянством ряда прав и привилегий.

Но главное, на наш взгляд, в другом. Екатерина II, бесспорно, выдающийся государственный деятель, понимала, что проведение в России таких реформ еще невозможно, что страна к ним не готова. Правда, императрица предприняла ряд мер, способствовавших развитию производительных сил: была провозглашена свобода промышленной и торговой деятельности, ликвидированы монополии, создано Вольное экономическое общество, декларированы принципы физиократизма, организованы экспедиции Академии наук для изучения природных богатств. Но такая политика отвечала интересам прежде всего феодального государства и дворянства, способствовала их укреплению, так как находилась в рамках существующей социально-экономической системы. На укрепление этой системы были направлены и преобразования Екатерины II в области государственного управления. Ее принципы правовой реформы сводились к идее законодательного регулирования жизни и общественных связей. Вместо обновления правовых норм задачей реформы было провозглашено установление «законной монархии».

Преобразования Екатерины II предполагали движение вперед, но только в рамках феодального строя. Поэтому императрица теоретически обосновывала разумность и целесообразность абсолютистской формы правления. Для этого принципы идеологии абсолютизма, сложившиеся во времена Петра I, приходилось подкреплять новыми аргументами, заимствованными в определенной интерпретации у просветителей. Наиболее четко свои, а значит, и официальные правительственные политические принципы, Екатерина II изложила в «Наказе Комиссии о составлении проекта нового уложения». Создавая его, она широко использовала произведение политической мысли Западной Европы: Монтескье, Беккариа, Эли Люзака, Дидро, Д'Аламбера, но «все это не изменило характера «Наказа», как производного по преимуществу от одной книги («Дух законов». — В. М.) Монтескье»²⁴. Императрица прямо заявляла, что она «обобрала президента Монтескье» для пользы своей империи. Но в отличие от него Екатерина II не положила в основу политических принципов, изложенных в «Наказе», теорию естественного права и общественный договор, обошла вопрос о причинах происхождения власти и отказалась от принципа разделения властей. Доминантой «Наказа» стала идея необходимости и данности власти, стоящей над обществом, без которой оно существовать не может. Императрица стремилась показать, что существующий в России порядок закономерен, единственно необходим и возможен. «Государь, — писала она, — есть источник всякие государственные и гражданские власти»²⁵. В России нет деспотизма, утверждала Екатерина II, потому что он не соответствует «естественному положению» страны. Стремясь доказать необходимость в России самодержавия, она опиралась на положение Монтескье о роли климата и географической среды.

Россия — европейская держава, а потому здесь «государь самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть не может действовать сходно со пространством только великого государства»²⁶. Именно размеры страны, по словам Екатерины II, предполагают «самодержавную власть в той особе, которая оным правит»²⁷; эта форма власти соответствует общественной необходимости русского народа, так как «всякое правление не только было бы России вредно, но и в конец разорительное»²⁸.

Целью самодержавия императрица объявила обеспечение интересов подданных, их естественных прав путем направления их действий «к получению самого большого ото всех добра»²⁹. Свое понимание «общего блага» и каждого человека в отдельности Екатерина II сформулировала следующим образом: «Самодержавных правлений намерение и конец есть слава граждан, государства и Государя»³⁰. Если Монтескье предполагал необходимость посредствующих властей, дабы монарх мог осуществлять правление и не предавался тирании, то «северная Семирамида» считала, что достижение всеобщего благоденствия осуществляется через законы, издаваемые государем, от которого зависят все «власти средние». Истинное благополучие, утверждала она, достигается только путем подчинения всех верховной власти. Никто не может ограничить государя, а подданные «обязаны поступать в отправлении своего звания по предписанному тамо порядка образу» и они не смеют «презирать указы Государевы, не опасаясь за то никакого наказания»³¹.

Таким образом, Екатерина II повторяла положения идеологии абсолютизма о том, что монарх, олицетворяя государство, через государственные учреждения и законы обеспечивает благо подданных, которое достигается беспрекословным их подчинением его власти. Правда, она оставляла им возможность; а это уже давалось новому, «купно и охранять его (государя. — В. М.) от желаний самопроизвольных и от непреклонных прихотей»³². Но эта туманная фраза мало что меняла в екатерининских политических принципах.

Итак, Екатерина II, отвергая республику и деспотию, лучшей формой правления считала самодержавную монархию. Самодержавие, утверждала она, обеспечит каждому человеку свободу, равенство, право собственности только в том случае, если каждый подданный свято исполняет законы и предан верховной власти. Идея неограниченности самодержавной власти и «всеобщего послушания» подданных Екатерина II продолжала особенно настойчиво пропагандировать в обществе после крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Свидетельством тому является и литературная деятельность императрицы и «Книга о должностях человека и гражданина» И. И. Фильбергера, изданная по высочайшему повелению Екатерины II и ставшая обязательной для чтения в народных училищах России. Правовая доктрина Екатерины II имела больше сходства с идеями немецкого по-

лицензма середины XVIII в., чем с идеями просветителей. Просветители, разобравшись в реалиях политики императрицы, показали, что Екатерина II была и осталась самодержавным деспотом. Правда, труднее это было сделать французским просветителям, которым царица сумела внушить представление о себе как о «просвещенной монархине». Они, за исключением Руссо, восхваляли и прославляли «северную Семирамиду». Но стоило Дидро приехать в Россию, познакомиться ближе с обстановкой в стране, «Наказом» императрицы, неоднократно побеседовать с ней, как его мнение о Екатерине II и ее политике резко изменилось. Он высказал его не только в своих замечаниях на «Наказ», которые не были широко известны читающей публике, но и в русских разделах третьего издания «Философской и политической истории заведений и торговли в обеих Индиях» аббата Рейналя.

Успех «Истории обеих Индий» был огромен. О степени ее мировой популярности свидетельствует тот факт, что в конце XVIII в. это произведение выдержало 70 изданий на разных языках, причем при жизни автора (он скончался в 1796 г.) вышло 12 изданий.

«История обеих Индий» в конце XVIII — начале XIX в. была хорошо известна и весьма популярна в передовых общественных кругах России. В № 35 «С.-Петербургских ведомостей» было опубликовано письмо Рейналю от господина Реда, губернатора Пенсильвании, с восторженным отзывом о его книге. Эта же газета в № 50 за 1781 г. сообщила, что правительство Людовика XVI осудило книгу Рейналя как «безбожную, богопротивную и возмутительную» и приговорило ее к сожжению. Но «никто не принес на истребление сию книгу и сочинителю даны способы уехать в Англию». В № 31 за 1776 г. «Московских ведомостей» в числе книг, «взятых в перевод», указывалась «История обеих Индий». О необходимости издания перевода, сделанного И. Хмельницким, говорил П. Багданович³³.

Повышенный интерес к «Истории обеих Индий» возник в России в начале XIX в., в период «дней Александровых прекрасного начала». На страницах русских журналов начинают появляться переводы отрывков из книги Рейналя. Особенно активно популяризировали этот труд члены «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». Правительство само решило издать перевод книги, чтобы иметь возможность смягчить ее антифеодальную направленность. Шесть томов перевода, сделанного Н. Г. Гордчанниковым, вышли в 1806—1811 гг. тиражом 300 экз.³⁴

Рейналь работал над «Историей обеих Индий» в 50—60-е годы XVIII в. Как первое издание (1770 г.), так и второе (1774 г.) вышли анонимно и только третье (1780—1781 гг.) было напечатано в Женеве с указанием имени автора. Именно оно и имело самый блистательный успех.

В книге с позиций просветительства изложена история колониальных захватов и политика европейских держав в Азии, Африке и Америке. Рейналь писал также о богатствах, быте коренных народов, приводил многочисленные исторические и другие сведения

о различных странах и континентах. В результате читатель получал огромную сумму географических, статистических, политических, этнографических и исторических сведений.

Но не только это привлекало интерес читающей публики к «Истории обеих Индий». Ее третье, женевское, издание, явившееся результатом эволюции французского просветительства, отличалось от первых двух тем, что в нем критика феодально-абсолютистского строя была развернута по всем направлениям. Автор выступал против абсолютной монархии, показывал неправомерность, незаконность ее существования, неизбежность краха абсолютизма, сословного строя, рабства, крепостничества, работорговли и т. д. Если в 60—70-е годы XVIII в. просветители Франции видели возможность исправления существующих порядков в распространении просвещения, издании справедливых законов и благотворной деятельности «просвещенного монарха», то в канун революции, в обстановке усилившейся во Франции реакции, они пришли к выводу о бесполезности и даже вреде реформ, проводимых неограниченным в своей власти государем, резко критиковали политику «просвещенного абсолютизма». От призыва к просвещению монархов они перешли к революционным призывам. Американская революция окончательно утвердила их в мысли о прогрессивности революционного переворота. Наиболее ярко это проявилось в третьем издании «Истории обеих Индий», в создании которой приняли участие в той или иной форме Мерсье, Нежон, Гольбах, Делейр, Дидро³⁵. Особенно большую роль сыграл Дидро, так охарактеризовавший этот труд: «Книга, которую я люблю и которую ненавидят короли и придворные, — это книга, порождающая Брутов»³⁶. По свидетельству французского исследователя Ива Бено, Дидро принадлежит в этом труде 400—500 страниц, не считая различных добавлений, в основном революционного характера³⁷. Справедлив вывод Бено и о том, что «История обеих Индий» выражает позицию французских буржуазных просветителей 80-х годов и эволюцию их взглядов.

Провозгласив революционный путь борьбы с деспотизмом как средство уничтожения феодально-абсолютистского строя, Рейналь и Дидро считали, что он возможен не для всех стран. Одной из них, по мнению этих просветителей, была Россия, которой в «Истории обеих Индий» посвящены два раздела — в третьем и десятом томах³⁸.

В третьем томе читателю сообщаются сведения о территории, населении, доходах, торговле, государственном устройстве России. В десятом речь идет о возможностях и трудностях ее социально-политического преобразования. На примере России Дидро и Рейналь стремились показать гибельность самодержавного деспотизма и крепостничества для народа и прогресса страны.

Дидро, выступая с позиций теории естественного права и общественного договора, противопоставил положениям об абсолютной власти монарха принцип народного суверенитета, который

был краеугольным камнем учения просветителей о происхождении государства. Его интерпретацию этой теории, содержащую те или иные оговорки, но в целом не менявшую их сути, разделяли все энциклопедисты, в том числе и Рейналь³⁹. Как отметил В. П. Волгин, в «„Энциклопедии“ общественный договор в сущности не создает общество, а придает ему лишь определенную политическую форму»⁴⁰. По мнению Дидро, общество создают люди, вне общества человек не может существовать, так как в нем он находит удовлетворение большей части своих потребностей. Это делает людей зависимыми друг от друга, а разнообразие их дарований способствует взаимной помощи людей, объединяет их.

Следовательно, человеческое общество, считал Дидро, возникает в результате взаимного расчета людей, присущих их разуму и общительности. Все люди должны трудиться ради счастья общества, потому что его целью является не благо отдельных лиц, а общественное благо. Оно требует, чтобы «законы со всей силой и суровостью обращались против преступлений, которые подрывают общество»⁴¹. Для более надежной охраны своего счастья и благо люди выбирают гражданского государя, представляющего волю всего общества, и подчиняются ему, отказавшись от части своей естественной свободы. Происходит это по договору между обществом и тем, кому оно вручает власть. Получает ее государь, по мнению Дидро, при условии соблюдения законов. Только в этом случае подданные должны подчиняться государю. «Лишь нация есть истинный суверен, истинным законодателем может быть лишь народ»⁴². Договор — основа власти, управления, которые даются «государям во временное пользование для управления и на хранение». Правители — лишь члены государства и не могут изменить форму правления, поставить «на свое место другого главу». В любой стране должны царствовать только законы, которые издает и утверждает нация. Таким образом, целью всякого государства является обеспечение общественного блага, процветания промышленности, ремесла и торговли.

В России, считает Дидро, нарушен договор, власть стала наследственной. Правители не соблюдают законов, управляют по собственному произволу. Даже среди подданных, «которых рассматривают в этой империи как свободных», нет никого, «кто имел бы нравственную безопасность личности, постоянной собственности имений, свободы, которую они могли бы потерять только в случаях, предусмотренных и определенных законом» (III, 108)⁴³.

Деспотизм особенно усилился в России в период правления Петра I. Рейналь и Дидро высоко оценивали его личность и деятельность. Они писали, что «он рожден был гением», и отмечали его деятельность, терпение, неутомимость, способность побеждать трудности, «которые природа, невежество, привычки противопоставляли его начинаниям», — качества, которые позволили Петру создать армию, флот и «многие необходимые установления для успеха своих смелых замыслов». Но он, по мнению Рейналя и

Дидро, был и остался деспотом, не поднявшимся до сочетания блаженства своего народа с личным величием. «После его великодушных установлений, — писали они, — нация продолжала томиться в бедности, рабстве, угнетении. Он не пожелал ничего ослабить в своем деспотизме, а скорее ужесточил его и оставил своим преемникам ужасную и губительную идею, будто подданные — ничто, а монарх — все». Преемники Петра продолжали править самовластно и «не желали видеть, что свобода суть первое право всех людей, что направлять ее к общему благу — цель всякого благоразумно устроенного общества и лишить насильственным путем собственности большую часть населения было преступлением». Править свободными людьми задумала Екатерина II. Но в тот момент, когда обнаружились «сии намерения, более ста тысяч крепостных подготовили мятеж против своих господ. Многие помещики, жившие во владениях своих, были истреблены» (III, 109). Здесь, видимо, просветители имели в виду крестьянскую войну под предводительством Е. И. Пугачева, хотя она и началась через 11 лет после восшествия Екатерины на престол. Выступление крепостных, писали они, показало императрице, что оно «могло опрокинуть государство». Чтобы этого не произошло, необходимо было сначала «приручить медведей», прежде чем снять их оковы, т. е. просветить людей, так как «хорошие законы и просвещение должны предшествовать свободе». Для этого было решено создать свод законов, который был бы одобрен «самим народом, дабы они его уважали и дорожили им».

По Рейналю и Дидро получается, что Уложенная комиссия стала следствием крестьянской войны. Это ошибка, но она для них несущественна. Им важно было подчеркнуть, что деспотическое правление и рабство ведут к тому, что народ может от отчаяния выступить против угнетателей (III, 110). Но если выступление черни опасно в цивилизованных странах (а эта мысль проводится в «Истории обеих Индий» постоянно), то это вдвойне опасно в России, где народ — раб, погрязший в невежестве и поэтому не готовый к свободе; русских надо просвещать, прежде чем освободить. Уложенная комиссия и «Наказ» Екатерины II ее депутатам, широко разрекламированные ею самой как шаг на пути установления общественного блага через издание справедливого законодательства и просвещения народа, именно так и воспринимались французскими просветителями, пока в России не побывал Дидро. В беседах с ним Екатерина упорно стремилась показать, что она — просвещенная монархиня, но ее шаги в области просвещения, и прежде всего «Наказ», не поняты народом. Дидро согласился с этим, однако причину разногласий императрицы с народом увидел в том, что она продолжала оставаться деспотом, а народ в рабстве. У русских, — писали Рейналь и Дидро, — «лишь государь учреждает законы, дополняет или ограничивает их, разрешает или откладывает их осуществление по своей прихоти. Только лишь интерес его страстей — единственное правило его поведения. Только он творит справедливость и беззаконие, только

его каприз становится законом, а его милость — мерой народного желания: если это не деспотизм, как нас в том убеждают, то какой сей вид правления?» (X, 39).

Одним из средств ослабления социальных противоречий обеспечения прогресса страны Екатерина II провозглашала создание «третьего чина» людей, или среднего сословия, через создание системы воспитания в закрытых учебных заведениях. Но практические меры, предпринимаемые и рекламируемые ею, вызывали скепсис у Дидро и Рейналя, указывавших, что деспотизм обрекает русских людей на беспросветное и униженное состояние. «Их принужденные взгляды, — замечали они, — не дерзают подняться к своду небес. Они равно испытывают недостаток просвещения, чтобы узреть свои оковы и недостаток души, чтобы почувствовать в ней стыд. У их рассудка, угасшего в путях рабства, нет достаточной энергии для понимания необходимых прав бытия своего» (X, 40).

Просветители Франции в начале 80-х годов уже разуверились в добродетельности и реформаторстве «мудрецов на троне», а Россия и деятельность Екатерины II еще больше убеждали их в том, что правление «просвещенного деспота» является большим несчастьем для народа. Рейналь и Дидро считали, что «просвещенный монарх» практически ничем не отличается от абсолютного монарха, он также правит по своему произволу, нарушая общественный договор. «До вас доходят слухи, что самым счастливым правлением было правление справедливого, непреклонного, просвещенного деспота. Какое безумие! А не случится так, что воля сего абсолютного господина войдет в противоречие с волей ему подвластных? Тогда, несмотря на всю его справедливость и все его познания, он будет несправедлив, лишая прав своих подданных даже для их же блага» (X, 40—41).

Рейналь и Дидро были глубоко убеждены, что даже наилучший правитель превратится в преступника, если станет делать благо против всеобщей воли, так как в данном случае он превышает свои права (X, 41). Но еще большим несчастьем для любой нации они считали правление двух или трех «просвещенных деспотов», потому что их видимая благодетельность усыпляет народ, отучает мыслить и бороться за свои права. «Из рабства вырываются тогда, когда в него ввергают насилием; остаются в рабстве тогда, когда оно устанавливается временем и законностью... сон народа суть предвестник его свободы, но какой сон может быть слаще и глубже, чем тот, что продолжался три царствования, в течение которых народ укачивали руками доброты» (X, 41—42). Рейналь и Дидро делали далее вывод о показном характере «просвещенного абсолютизма» русской императрицы. «Можно не сомневаться, — замечали они, — Екатерина очень хорошо чувствовала, что свобода — единственный источник народного блага. Но разве она действительно отреклась от деспотической власти? Внимательно читая ее инструкции депутатам империи, призванным по-видимому, улучшить законы, можно ли там распознать что-то

большее, нежели стремление изменить наименование, т. е. называться монархиней вместо самодержицы, а народ именовать подданными вместо рабов? Сколь бы ни были слепы русские, будут ли они все время принимать имя за вещь, и разве этой комедией можно возвысить их характер до той энергии, кою пробудить таким образом намеревались» (X, 48—49).

Несколько раньше в своих «Замечаниях» на «Наказ» Екатерины Дидро выразился еще более энергично: «Русская императрица, несомненно, является деспотом»⁴⁴.

Оба французских просветителя считали, что цивилизация России — дело весьма и весьма трудное. Они напрочь отрицали революционный путь ее преобразования, так как в стране не было третьего сословия, способного возглавить борьбу с деспотизмом. Освобождение русскими крестьянами самих себя они считали невозможным, так как рабство лишило их «чувства свободы». Более того, русские крестьяне, считали Рейналь и Дидро, «становятся бессильными или жестокими, когда разбивают их оковы» (X, 46). В России необходимо создать третье сословие, что будет способствовать развитию земледелия, торговли, ремесла, искусства, наук и вообще просвещения. «Научитесь возделывать землю, обрабатывать кожи, изготавливать шерстяные изделия, и у вас быстро выдвинутся богатые семьи. В этих семьях народятся дети, которые, наскучив тяжелым занятием своих отцов, примутся размышлять, спорить, сочинять стихи, подражать природе; и тогда вы будете иметь поэтов, философов, ораторов, скульпторов и живописцев. Их произведения сделаются необходимыми для людей, обладающих избытком, и те станут покупать их» (III, 114). Но на пути создания третьего сословия стоят два труднопреодолимых, по мнению Рейналя и Дидро, препятствия — самодержавие и крепостное право. Поэтому в России необходимо уничтожить прежде всего все виды рабства (III, 115). Начать это необходимо с изменения формы правления, постепенно ликвидировать крепостное право. Но они мало верят в осуществление своих советов, потому что в империи, «разделенной на два класса людей — господ и рабов», невозможно сблизить их противоположные интересы (X, 45). Кроме этого, опыт истории убедил Рейналя и Дидро в том, что монархи сами не пойдут на преобразования, которые лишат их значительных прав и привилегий: «Тираны никогда не согласятся добровольно упразднить рабство, ибо это их разорит и уничтожит» (X, 45). Разуверившись в благотворной деятельности «просвещенных монархов», Дидро писал: «Все памятники прошлого свидетельствуют, что цивилизация государств была делом скорее обстоятельством, нежели мудрости монархов» (X, 43).

На пути цивилизации России, считали Рейналь и Дидро, кроме двух главных препятствий — самодержавия и крепостничества — имеется еще ряд объективных обстоятельств, затрудняющих прогресс страны. Прежде всего, климатические условия России неблагоприятны для ее цивилизации. Суровые холода требуют сохранения больших лесных массивов, а стало быть, больших про-

странств, не пригодных для земледелия. Климат России может затруднить введение в стране хороших нравов. «Не способствует ли чрезмерная продолжительность зимы, прерывающая работы на семь или восемь месяцев в году, развитию склонности к игре, вину, распутству, неумеренному потреблению крепких напитков?» — вопрошали Рейналь и Дидро (X, 43—44). Другая трудность, по их мнению, состоит в том, что в России отсутствуют тесные связи между городами, «разбросанными там на огромном пространстве»; плохо обстоит дело с путями сообщения. «Вовсе там нет дорог, а кои возможно было бы там построить, вскоре будут разрушены из-за климата. Посему все замирает, когда сырая зима останавливает всякое сообщение» (X, 46). Огромная протяженность страны затрудняет управление ею, потому что «власть ослабевает по мере удаления подданных от центра правления» (X, 44). Многонациональный состав населения, с точки зрения Рейналя и Дидро, также является солидным препятствием в деле цивилизации России. «Известно ли, — спрашивают они, — средство подчинения одному и тому же правилу народов, говорящих на семнадцати или восемнадцати разных языках и сохраняющих с незапамятных времен свои обычаи и суеверия, к которым они слишком привязаны самой своей жизнью?» (X, 44—45).

Учитывая все препятствия на пути цивилизации России, просветители все же выдвинули проект ряда реформ, которые должны были, по их мнению, ускорить преобразование страны, приблизить русских к «естественному состоянию». Они предлагали начать с развития земледелия, торговли, ремесел, создать третье сословие, просветить «русского медведя». Для этого, считали просветители, необходимо:

— уничтожить все виды рабства;

— пожертвовать влиянием России в европейских делах, переместить правительство в глубь страны. Именно из этого центра власти мудрый монарх будет судить со знанием о нуждах и средствах, сможет трудиться, связывая между собой слишком удаленные части этого большого государства; уменьшить Петербург, некстати ставший столицей, превратить его только в торговый склад (III, 113);

— разделить Россию на большое количество частей, которые легче будет цивилизовать, а законы будут распространяться из одной части в другую (X, 47).

Но, выдвинув этот проект, в основе которого лежала вера во всемогущество просвещения и справедливые законы, Рейналь и Дидро не верили в практическую возможность преобразования России сверху, так как видели, что в ней царят рабство и политический деспотизм — наиболее губительные силы для прогресса.

Таким образом, будущее России представлялось французским просветителям весьма туманным. Революция в стране невозможна, потому что отсутствует третье сословие, русский крестьянин не просвещен. В реформы монархов Рейналь и Дидро мало верили, хотя для России они считали их единственным путем преобразо-

вания. Но они прекрасно поняли, что Екатерина II никогда не откажется от деспотической власти, что ни она, ни дворяне не поймут на отмену крепостного права, а только это, по их мнению, могло обеспечить успех в деле цивилизации России. Рейналь и Дидро не видели в тот момент сил, способных изменить существующий политический порядок, обеспечить прогресс страны. Но даже если такие силы и средства будут найдены, «то сколько понадобится столетий, — восклицали они, — чтобы получить заметный результат» (X, 45).

Екатерина II очень внимательно читала «Историю обеих Индий» и была, конечно, уязвлена той характеристикой, которая ей была дана. В письме барону Гримму от 24 июля 1780 г. она утверждала, что в этой книге «слишком мало разумного и слишком много неумной дерзости»⁴⁵, а в письме от 1—4 апреля 1782 г. осуждала «пустые разглагольствования Рейналя», раздраженно писала, что «Рейналь квакает и лжет»⁴⁶. Императрица не назвала здесь Дидро, так как, естественно, не знала о его вкладе в создание «Истории обеих Индий». Но он в период пребывания в России своими вопросами, предложениями вызывал у нее по меньшей мере раздражение, которое она скрывала под маской иронии. «Я подолгу и часто, — говорила Екатерина II, — беседовала с Дидро, но более ради любопытства, чем с пользой. Если бы я доверилась ему, мне бы пришлось все уничтожить и перевернуть в своей империи: законодательство, администрацию, политику, финансы; я должна была бы все уничтожить, чтобы заместить это непрактичными теориями»⁴⁷. А когда после смерти Дидро его «Замечания» на «Наказ» попали в руки императрицы, то она приложила все силы, чтобы скрыть и дискредитировать их, объявив «сущим лепетом, в котором нет ни знания вещей, ни благоразумия, ни предусмотрительности»⁴⁸.

В определенной степени Екатерина II была права, когда с иронией говорила о «непрактичных теориях» Дидро. Он предлагал провести в жизнь идеи, рожденные во Франции, отрицавшие феодальный строй. Екатерина II понимала, что в России сделать это в данный момент невозможно, так как в стране не было условий и почвы для проведения буржуазных преобразований. Это и давало ей основания для снисходительного отношения к предложениям французского просветителя. Но если Дидро этого не понял, то для него после посещения России абсолютно ясным стал продворянский, консервативный курс Екатерины, направленный на укрепление абсолютистского строя. Он и Рейналь резко критиковали его, что и вызывало недовольство русской царицы. Она вполне разделяла отношение прусского короля Фридриха II к мыслителям. Он покровительствовал людям с «рассудительными манерами». «Философ, — говорил Фридрих II, — не станет кричать, что все идет дурно... его голос не будет служить призывом к неповиновению... предложением для восстания. Он с уважением будет относиться к обычаям, установленным и освященным нацией, к правительству, к лицам, его составляющим и защищающим».

Развитие общественной мысли в Европе и в России во второй половине XVIII в. уже выходило из тех пределов, которые ему ставил абсолютизм. А это неизбежно порождало неудовольствие власти и ее сторонников, полемику по различным вопросам.

К естественно-правовой доктрине энциклопедистов обращался, решая вопрос о происхождении государства, другой идеолог консервативного направления, выразитель интересов дворянской аристократии М. М. Щербатов. Он считал, что для человека характерны «различные страсти» и «различные своемыслия», стремление к достижению собственной пользы, а от этого между людьми «произошли несогласия, обиды, наглости и ослабление общества, подвергающее его быть корыстию какого-то наглого неприятеля»⁴⁹. Люди, по мнению Щербатова, дабы избежать несчастий и беспокойств, которые угрожали всем, решили «избрать единого из себя; коему общую власть препоручили, который был бы согласитель мыслей полезных общества, содейтель всеобщая воли, клонящейся к благу всех и защитник его против врагов. Уступил каждый ему несколько своих прав, возложив за то на него труд и попечение им остальные сохранить. Се есть начало царей и их должностей»⁵⁰. Вслед за просветителями он считал, что монархи могут вырождаться в тиранию, если монархи отказались от добродетели, которая «охраняла их от пороков и злоупотребления власти». Со временем, писал Щербатов, монархи стали «завоевателями власти», смотрят на себя не как на «гласителей воли всеобщей», считают, что «напротиву того народ есть для них. Подвергли власти все законы и благо народное»⁵¹.

Схему типов государственного устройства М. М. Щербатов заимствовал у Монтескье, но связывал их возникновение не с природно-климатическими условиями, а с воспитанием людей. «Человек, наделенный разумом, — писал он, — сейчас уже далек от естественного состояния, а таков, каково его воспитание»⁵², и «общество не может пребывать без правил и законов, управляющих поступками каждого человека». Поэтому естественно появление людей, исполняющих законы и надзирающих за этим⁵³. Отсюда Щербатов выводил возникновение деспотической, аристократической и демократической форм правления. Он считал, что все они имеют недостатки. Вслед за Монтескье, он не принимал деспотизм, «где нет иных законов и правил, кроме безумных своенравий деспота»⁵⁴. При самовластном правлении не государь существует для народа, а народ для государя, который руководствуется не законами, а своим честолюбием и своенравием.

Если Монтескье деспотии противопоставлял республику, которая наиболее полно обеспечивает свободу и равноправие народа, но возможна лишь в странах с малой территорией, то Щербатов демократическое, или народное, правление (так он называл республику) считал неприемлемым вообще⁵⁵. С симпатией Щербатов относился к аристократическому правлению в Польше и Швеции, но отмечал в то же время, что «они толь мудрые люди, сочиняющие Сенат, также бывают заражены честолюбием и собст-

венною к себе любовью» и что это ведет к борьбе между членами Сената, так как они, «предпочитая пользы своих родов интересам государства, стараются учинить вечными в их домах достоинства и богатства со исключением других, и утесняя подлой народ, который нигде столь не несчастлив, как под аристократическим правлением»⁵⁶.

Идеальной формой правления Щербатов считал монархию, где государь занимает престол по избранию или по праву рождения. И в том и в другом случае он должен быть покровителем, защитником, судьей народа. Но что, размышлял Щербатов, сможет обеспечить соблюдение государем установление законов или учреждение новых для блага народа? Это, писал он, «совет старейших и мудрейших... более знания имеющих в делах людей его народа, которые должны ему представлять то, что может служить к счастью государств, и отсоветовав koliko возможно в вещах предосудительных государству и клонящихся к самовластию»⁵⁷. Этот орган не может и не должен ограничивать власть монарха, а лишь обязан способствовать укреплению добродетели государя, его любви к отечеству и законам. Совет, по мнению Щербатова, должен состоять из дворян, причем только родовых вельмож. Эта мысль обоснована им в «Путешествии в землю Офирскую...», где он участие всех офирских граждан в составлении закона свел к деятельности «Высшего правительства хранения законов», состоящего в основном из дворян и верховного совета при монархе, имевшего право «со всякою приличною смелостию мысли свои монарху представлять»⁵⁸. Членами этого совета могли быть только родовитые дворяне. В «Катехизисе офирских законов» вельможи прямо названы «правителями государства», а граждане призываются к одинаковому почитанию «вельмож и правителей государства» (имеются в виду монархи. — В. М.)⁵⁹.

Критикуя Екатерину II за деспотическое правление, Щербатов, в конечном итоге, выступал за олигархическое государство, которое противопоставлял самовластию императрицы. Главное место в нем должны были занимать дворяне, и здесь идеолог аристократии омирался на приведенное выше положение Монтескье о дворянстве и монархии. Щербатов не мог себе представить монархию без дворян, а дворян без монархии. Только дворянство, доказывал он, вправе обладать всеми привилегиями, участвовать в управлении государством, иметь собственность. Дворяне с юности устремляются «к пользе государственной». Они «быв посредники между низкого народа и государя, не должны быть и соучастники с низким народом, не должны они с ними единую шайку составлять»⁶⁰. Убежденный сторонник сословного строя, Щербатов считал равенство химерой. Он отдавал должное теории «естественного права», говоря, что «мы не можем сомневаться, чтобы все мы не от нашего праотца Адама и потом от Ноя произошли; и потому все суть братия и все суть равно благородны»⁶¹. Но, заявляя далее, что «совершенной равности между человеком быть не может», объясняет это тем, что «сама природа...

располагая порядок общежития человеческого, разными дарованиями разных людей снабдила... распределяя единых быть правителями и начальниками, других добрыми исполнителями, а, наконец, третьих слепыми действующими лицами»⁶². Дворянство получает с рождения отличное от других воспитание. Просвещение дает им право власти над простыми людьми, с детства они привыкают понимать нужды народные, «владычествовать и управлять равными себе». Таким образом, М. М. Щербатов использует естественно-правовую доктрину французских просветителей в узкословных целях, стараясь с ее помощью обосновать необходимость ограничения самодержавной власти Екатерины II в пользу дворянства, прежде всего родовой аристократии, широкого ее привлечения к управлению страной, сохранить крепостничество и укрепить сословный строй.

Поэтому у нас вызывает возражение положение С. А. Егорова о том, что Щербатов был идеологом передового дворянства, тяготившегося абсолютизмом как состоянием общего бесправия⁶³. Мыслитель, по мнению С. А. Егорова, не был своекорыстным выразителем интересов благородного сословия (тогда чьи интересы он выражал? — В. М.), но считал дворянство единственной силой, способной дать отпор деспотизму⁶⁴. Щербатов, подчеркнем еще раз, критиковал Екатерину, ее правление, пороки существующего строя, но в отличие от просветительской критики это критика была критикой справа, которая носила сословно-ограниченный характер.

Теорию естественного права и общественного договора, идею о «просвещенном монархе» использовали в решении вопроса о происхождении государства не только представители охранительного течения, к которому относятся Екатерина II и Щербатов, но и представители умеренно-консервативного течения (А. П. Сумароков, Д. А. Голицын, Н. И. Панин, М. М. Херасков, С. В. Гагарин и др.), которое, как мы уже отмечали, можно назвать либеральным.

Либерализм второй половины XVIII в., на наш взгляд, заключался в стремлении совершенствовать монархическое правление путем реорганизации центральных государственных учреждений, смягчения отношения между дворянством и крестьянством, внедрения в массы идеи необходимости осознания каждым сословием своего предназначения и места в государстве, что привело бы к прекращению социальных конфликтов. Либерально настроенные дворяне (Н. И. и П. И. Панины, А. А. Безбородко, А. Р. Воронцов и др.) разрабатывали проекты ограничения возросшей относительно самостоятельной самодержавной власти в пользу всего дворянства, стремившегося к самоуправлению в губерниях и уездах. Однако их предложения отнюдь не означали попытки установить конституционную монархию. В их проектах монарх продолжал занимать центральное место и имел полное право принимать все важнейшие решения. Они выступали за сословную монархию,

где дворянство было бы более приближено к управлению государством.

М. Т. Белявский и Л. Г. Кислягина отмечают, что в воззрениях либерального дворянства имели место положения, смыкавшиеся с положениями «умеренных течений в просветительской мысли Запада и России. Но в отличие от просветителей либерально настроенное дворянство не ставило задачу коренного переустройства русского общества на разумных началах, стремясь лишь подновить, осовременить существующий строй, очистить его от деспотизма и азиатчины»⁶⁵.

Достаточно полно это проявилось в общественно-политических взглядах А. П. Сумарокова, творчество которого было очень популярно в 50—60-е годы XVIII в. в среде прогрессивно настроенного дворянства. Его, противника деспотизма, оголтелого помещичьего произвола и дворянского паразитизма, часто относят к просветителям. На наш взгляд, это неправильно. Да, он сторонник естественно-правовой доктрины происхождения государства, но его общественно-политические взгляды в отличие от взглядов просветителей носили узкосословный характер. «Монархическое правление, я не говорю деспотическое, есть лучшее», — считал Сумароков. Государство образуется путем общественного договора. Идеально, по Сумарокову, то общество, где все люди просвещены. Они, «посоветовав, изберут себе государя, вельмож и начальников, которым они еще больше повиноваться будут, имея здравый рассудок; предпишут они ненарушимые законы, свяжут себя и вельможей теми законами, которые они сами установили»⁶⁶. Народ после этого станет подвластным правителю, который со своими помощниками будет обеспечивать ему «неусыпное попечение» и «благоденствие». «Великий человек» и «великий государь», своих подданных «приемлет он ласково и все дела выслушивает терпеливо». Он воздает должное достоинству, наказывает беззаконие, исправляет преступления. За это «имеет он народную любовь, страх и почтение»⁶⁷. Попечение и благоденствие народа обеспечивается через «светское правление», которое «называется там государственный совет». Он не разбирает частных дел, а «распорядки, исправления узаконения и прочие государственные основания или по велению монарха, или по предложению оному»⁶⁸.

В государстве, которое изображается А. П. Сумароковым, существует небольшая книга узаконений, которая «начинается так: чего себе не хочешь, того и другому не делай. А оканчивается: за добродетель воздаяние, а за беззаконие казнь»⁶⁹. Монарх, по мнению Сумарокова, должен быть добродетелен и возвращение добродетели «есть первая монарша должность». Он показывает идеальное государство, в управлении которым участвуют дворяне, потому что «монархи не сердцеведы и не всевидцы», множество дел не позволяет им разбираться в подданных и приближенных, а потому «надобны такие вельможи (видимо, они и должны входить в государственный совет. — В. М.), которые бы им помогствовали в сем важнейшем их должности деле»⁷⁰. Вельможи-помощ-

ники государя должны быть просвещенными и добродетельными. Таким образом, идеал государственного устройства для Сумарокова — монархия, образованная путем договора народа с правителем. На этом участие народа в правлении прекращается. Он уже не может изменить правление и должен получать законы и блага от просвещенного добродетельного монарха и просвещенных дворян, для которых превыше всего должны быть добродетель и честь.

В конечном итоге, в понимании Сумарокова, народ, общество, сыны отечества — дворяне, остальные — рабы отечества. Это деление очень четко проведено им в драматургических произведениях. Сумароков был сторонником сохранения сословного строя. Хотя он говорил о естественном равенстве людей:

Какое барина различье с мужиком?
И тот, и тот земли одушевленный ком, —
И если же ясней ум барский мужикова,
Так я различия не вижу никакого⁷¹, —

но отрицал равенство в обществе. И здесь он смыкался со Щербатовым, считавшим, что неравенство людей определяется воспитанием, просвещением. «Итак, — писал Сумароков, — хотя разум и равен у людей, но уже качества просвещения делают различие между ними»⁷². У «законника, пиита, воина, живописца, астронома» свое место и предназначение в государстве, а это значит, что действовать они должны в соответствии с этим.

Примерно таких же взглядов придерживался М. М. Херасков. Государство, считал он, образуется путем общественного договора, когда общество (а оно возникает ранее власти), люди, избирающие правителя, поступаются большей частью своих естественных свобод и подчиняются его воле. Херасков изображал это следующим образом: «...храни нас ради себя собственно, храни себя ради общей пользы; храни целостность государства ради своей славы и нашего блага; забудь, что ты слабый человек и помни, что ты — государь! того требует взаимная наша польза и твоя собственная. Тебя мы светилом наших чувств и правилставляем... проливай свет яко солнце, на всех равно... ты имеешь в рассуждении нас беспредельную волю, а мы к тебе слепое повиновение чувствуем»⁷³.

Следуя за Монтескье, Херасков считает, что правитель, дабы избежать тирании, должен руководствоваться гражданскими законами, максимально приближенными к естественным. Идеальной для него формой правления является монархия, обеспечивающая целостность общества, чего, по мнению русского писателя, невозможно достичь при республиканском и аристократическом правлении. При монархической форме правления монарх сам учреждает законы и они обязательны не только для подданных, но и для него. В то же время он контролирует исполнение законов, становясь тем самым выше их. Это создает возможность вырождения монархии в деспотию. Тем не менее Херасков, как и Сумароков,

настаивает, что власть монарха может быть ограничена лишь его добродетелью. Ничто другое, никакой орган сделать этого не могут и не должны. Но воспитанию добродетели правителя, его совести способствуют мудрые советники, которые сосредоточены в совете, где государь выступает первым среди равных. Идеальный монарх — философ на троне, добродетельный, мудрый, богобоязненный, кроткий, человеколюбивый. Монарх и подданные — одно целое. И хотя Херасков оговаривает для подданных возможность выражать правителю свое мнение, он понимает под ними по большей части «людей благородных»⁷⁴. Народ без монарха существовать не может, так как ему необходим пастырь, он по природе монархичен. В романах «Полидор» и «Кадм и Гармония» Херасков прямо пишет о том, что монархия — высшее благо и общество должно быть подвластно монаршему управлению и будет оплакивать даже жестокого правителя⁷⁵. Долг народа — терпеть и повиноваться.

Таким образом, Сумароков и Херасков, используя естественно-правовую теорию французских просветителей, делали упор на ее первой части: монарха избирает народ и отбрасывает напрочь идею народного суверенитета. Это разительно отличало их от просветителей. Говоря о естественных правах людей, они считали сословное деление общества вечным и законным, а дворянство выступало у них в качестве главной опоры власти монархов. С теми или иными незначительными модификациями эти положения разделялись всеми представителями либерально настроенного дворянства. Конечно, представители умеренно-охранительного течения не разделяли аристократических претензий М. М. Щербатова. Но, как и представители охранительного течения, они применяли положения, выдвинутые просветительской мыслью, для доказательства различных частных положений и обоснования своей главной идеи: необходимости для России самодержавной монархии «без примесей тиранства», укрепления сословного строя, прав и привилегий дворянства.

Одной из особенностей русского просветительства в сравнении с французским, как уже отмечалось, было то, что просветители России вынуждены были бороться против выхолащивания антифеодальной сути просветительских идей и использования их идеологами консервативного направления для обоснования законности и незыблемости самодержавия.

Русские просветители, выступая с резкой критикой наиболее вопиющих сторон самодержавно-крепостнического строя, также опирались на достижения передовой общественной мысли Запада. Теория общественного договора в интерпретации французских просветителей позволяла конструировать образ правового государства, основанного на принципах естественного права и разума, противопоставляя его самодержавию. В условиях господства и укрепления самодержавного строя, развития крепостничества вширь и вглубь изображение царя тираном, а народа той силой, которая

может ограничить монарха, становилось у просветителей России средством борьбы с бесправием и жестокостями абсолютизма.

Наиболее ярко влияние естественно-правовой доктрины французских буржуазных идеологов проявилось в творчестве Н. И. Новикова и Д. И. Фонвизина. Н. И. Новиков очень высоко оценивал роль государства, которое должно заботиться о благе общества. Оно, по мысли русского просветителя, образовано людьми, объединившимися для того, чтобы добыть себе пропитание, защитить «свое владение от лютости медведей и львов»⁷⁶. Некоторое время спустя «опыт показал выгоды нечаянного соединения, после опасного своевольтства следовала по счастью общая тишина, и чрез долговременные опыты почувствовали нужду в установлении законов»⁷⁷. Н. И. Новиков разделял теорию договорного происхождения власти.

В пословице «Фортуна велика, да ума мало» он описывает историю избрания правителя Лавида. Плохо образованный, склонный к роскоши и плотским удовольствиям, Лавид был избран правителем всеми жителями острова, на берег которого он был выброшен после кораблекрушения. «Народ подхватывает его на руки, несет с радостным восклицанием во свое жилище, делает его над собою властителем и во всем покоряется его воле»⁷⁸. Но ленивый Лавид не торопится править, и тогда люди «с покорностью просят начатия его правления, рассказывают ему о несогласии, происшедшем от вольности между ними, просят его покровительства и справедливого дел решения»⁷⁹. Однако установить мир и благоденствие общества Лавиду не удалось из-за недостатка образования и добродетели. Нежелание и неумение думать об общественной пользе и обеспечить ее привели его к тирании. «Впредь, — написал в указе Лавид, — отныне повелеваю не мешаться родителям в дела детей, мужьям в дела жен, бедным искать у богатых покровительства и самим собою обид им не делать, впрочем, жить всякому во своей воле: почитать меня... меня одного бояться и слушать. Кто сей закон нарушать станет, того лишать жизни, а имение взять на государя»⁸⁰. В обществе усиливаются хаос, беспорядки, истребление людей. Это произошло потому, говорит Новиков, что жители острова хотя и увидели свою ошибку в выборе государя, но не смогли порвать с Лавидом, потому что «привыкнувшие к суеверию ожидают впредь своего счастья с поспешностью исполняется приказ Лавидов»⁸¹. Только гибель Лавида спасает народ от истребления.

Русский просветитель верил в благотворную деятельность «просвещенного монарха», который управляет на основе премудрых законов, заботиться о народном благе, выбирает достойных советников. На страницах своих журналов Новиков давал наставления монархам: какими они должны быть и какими нет, каковы должны быть их обязанности по отношению к подданным, много рассуждал о вреде плохих правителей. Он нигде не говорил об идеальной, с его точки зрения, форме правления. «Будущее справедливо устроенное государство свободных тружеников...

мыслилось им, по всей вероятности, не в форме республики, а в виде внесловной и „просвещенной“ конституционной монархии, с „разумными законами и народным представительством“», — отмечает Л. А. Дербов⁸². Действительно, Новиков размышлял над этим вопросом в 80-е годы, после крестьянской войны Е. И. Пугачева, американской войны за независимость. «Власть давать самим себе законы, — писал он, — налагать подати и брать участие во всех советах об общем благе, суть преимущества, которыми наслаждаются граждане демократических областей. Но скорость в советах и твердость в вознамерениях отдают преимущество монархии, по причине пользы, какую имеют они при учреждениях, касающихся до безопасности и благосостояния земли»⁸³.

Таким образом, Новиков, будучи непримиримым противником самовласти, беззакония и тирании, считал, что наиболее совершенная форма правления, обеспечивающая развитие страны, благо народа, — монархия во главе с «просвещенным монархом». Всей своей деятельностью он показал, что Екатерина II таковым не является, а самодержавие в России несет людям угнетение и бесправие. Новиков, в отличие от Сумарокова и Хераскова, не считал, что общество должно слепо повиноваться монарху и суеверно ожидать от него благодеяний. За это он упрекал островитян, выполнявших распоряжение Лавида. Новиков всегда выступал против компромисса с самодержавием, которое пытались исправить своими советами либерально настроенные дворяне. Он признавал суверенитет общества, считал его первичным. Со своими предложениями Новиков, как и большинство русских просветителей, обращался к общественному мнению, а не к Екатерине II. Мы разделяем положение П. Н. Беркова в том, что просветитель ставил перед собой задачу «пробудить в русском обществе инициативу, создать влиятельное общественное мнение, воспитать сознательных патриотов, способных сочетать здравые национальные традиции и достижения новейших поколений русских людей с лучшими, оправдавшими себя на деле достижениями европейской культуры»⁸⁴.

Н. И. Новиков, считая первичным общество, выступал за независимость его мнения от правительства, свободу общественной инициативы. Именно общественное мнение должно было быть, с точки зрения просветителя, той силой, которая гарантировала бы обеспечение прав в обществе в целом и каждого человека в отдельности, служила бы препятствием для узурпации власти монархом. Новиков свято верил, что здравые воззрения, их распространение в обществе будут способствовать моральному усовершенствованию людей, воспитанию подлинной нравственности, помогут людям избавиться от пороков и исправить общество. Он считал, что сделать это возможно только через просвещение общества, распространение наук и художеств, и отмечал, что «народ есть первый собиратель плодов, науками приносимых»⁸⁵.

Развитие наук, просвещения Новиков связывал с развитием государства. «Науки, — писал он, — в короткое время правле-

ния возрастают купно с политическим учреждением. Они одинаковую судьбу имеют и вместе разрушаются»⁸⁶. Просвещение и науки приходят в совершенство в «долговременных государствах». В вольных же они процветают. Состояние рабства наносит непоправимый ущерб развитию наук и просвещения, «добродетель и знание навлекают на себя подозрение». «В государстве, в котором царствует естественная вольность, — писал Н. И. Новиков, — слон почитается гражданином, а бобр архитектором. Но как скоро хищный человек станет тревожить их общество, то сия естественная их ревность к вольности кажется упадающею, и они более ни в чем не упражняются, как только в защищении самих себя, и разум их, затмен будучи вместе с благосостоянием их республики, терпит то бедное состояние, к которому мы их приводим»⁸⁷. Такое замечание, говорил он, «не несправедливо в рассуждении рода человеческого», потому что люди теряют «от страха все свое рачение, дарование и горячность»⁸⁸. Деспотизм губителен для наук, несет людям страх, угнетение, попрание их прав. Просветитель немало приложил усилий для того, чтобы «в сознании передовых людей России XVIII в. произошло важнейшее идеологическое изменение: прежде нераздельно существовавшие понятия „государь — государство“ разъединилось и вторая часть „государство — отечество“ отодвинуло назад первую»⁸⁹.

Н. И. Новиков ратовал за государство, где не будет эксплуататоров и эксплуатируемых, все будут трудиться на благо общества, честно исполнять свои обязанности и платить справедливые налоги. Он был последовательным сторонником естественного равенства людей. Отстаивание этой идеи пронизывало творчество и деятельность Н. И. Новикова. В письме Г. В. Козицкому он писал, что человек прежде всего должен заботиться о хлебопашестве, «а дворяне еще и наиболее прочих, потому что они не что иное, как люди, которым государь вверил некоторую часть людей же, во всем им подобным, в их надзирание»⁹⁰. Еще сильнее мысль об отсутствии различий между дворянами и крестьянами звучит в рецепте Безрассуду, который «болен мнением, что крестьяне не суть человеки... а что такое крестьяне, о том он знает только потому, что они его крепостные, они его рабы»⁹¹. Н. И. Новиков прописывает ему следующее лекарство: «Безрассуд должен всякий день по два раза рассматривать кости господские и крестьянские до тех пор, покуда найдет он различие между господином и крестьянином»⁹². Та же мысль выражена в «Письме к другу»:

Для нашей роскоши, для прихоти своей
Мы мучим, не стыдясь, подобных нам людей⁹³.

Новиков, постоянно отстаивая равенство людей, утверждал, что они склонны к добродетели, нравственной чистоте и ценность человека определяется вовсе не его сословной принадлежностью. Изображая Безрассудов и Недоумов, Змеянов, Вертяевых «ябедников, обидчиков, грабителей», он показывает, что сословное де-

ление общества морально калечит людей, и принимает сторону угнетенных и обездоленных. Новиков становится на их защиту, считая, что им в большей степени, чем развращенным и спесивым дворянам, свойственны честь, достоинство, истинная человеческая добродетель. «Мнитися, — писал он, — что похвальнее бедным быть дворянином или мещанином и полезным государству членом, нежели знатной породы тунеядцем, известным только по глупости, дому, экипажам и ливрее»⁹⁴. Развращенным дворянам Новиков противопоставлял честных, скромных, трудолюбивых купцов, мещан и, конечно же, приниженных, угнетенных крестьян. Нельзя не поддержать вывод Л. А. Дербова о том, что впервые «в русской литературе и общественной мысли с такой искренностью, страстностью и убедительной силой прозвучал голос в защиту „низко-степенного“, „бесчиновного“, простого трудящегося человека»⁹⁵.

Если представители консервативного направления, выступая за сословное деление общества, оправдывали его существование неодинаковым уровнем образования различных сословий, то Новиков, мечтая о государстве всеобщего благоденствия, считал, что достичь его можно путем бессословного образования всего народа. Он, резко критикуя самодержавный произвол и угнетение, утверждал, что деспотизм лишает людей права собственности «своего имени», но нигде мы не найдем у него широких рассуждений о собственности. Эта тема волновала его, естественно, меньше, чем французских просветителей.

Критика Новиковым самодержавия будила общественное мнение, заставляла задумываться людей над пороками России, их причинами, и тем она была опасна для Екатерины II. Не меньший гнев и раздражение вызывали у императрицы Д. И. Фонвизин и С. Е. Десницкий.

Свои взгляды на проблему происхождения власти Д. И. Фонвизин наиболее полно изложил в произведениях «Рассуждение о неперменных государственных законах» и «Каллисфен».

Д. И. Фонвизин — сторонник договорного происхождения власти. «Человеческие общества, — писал он, — основаны на взаимных добродетельных обязательствах, кои разрушаются так скоро, как их наблюдать перестают»⁹⁶. Фонвизин считал, что сначала образуется общество, а потом оно заключает договор с государем. «Обязательства между государем и подданными, — по его мнению, — суть равным образом добровольные, ибо не было еще в свете нации, которая насильно принудила бы кого стать ее государем; и если она без государя существовать может, то очевидно, что первобытная власть была в ее руках и что при установлении государя не о том дело было, чем он нацию пожалует, а какою властью она его облакает»⁹⁷. Фонвизин, следуя за энциклопедистами, утверждал, что нация, жертвуя частью своей воли, вручает свое благо правосудию государя, который «исправляет всечасно пороки, являя им грозное чело, и утверждает добродетель, призывая его к почестям»⁹⁸. Он должен править «не иначе, как постановя в государстве своем правила непреложные,

основанные на благе общем и которых не мог бы нарушить сам, не перестав быть достойным государем»⁹⁹.

Под «непреложёнными законами» Фонвизин понимал государственные законы, без которых «не прочно ни состояние государства, ни состояние государя». Законы должны стать «подпорой», на которой будет покоиться общая сила государя и нации; они «выше себя ничего не терпят». Только тогда, считал Фонвизин, может быть обеспечена политическая вольность, когда правитель станет править по законам, одобренным нацией, следствием чего будет «истинное блаженство государя и подданных... спокойствие духа, которое происходит от внутреннего удостоверения своей безопасности»¹⁰⁰. Государь должен быть душой общества и «весь свой народ иметь перед глазами». Если же верховным законом правления являются не законы, одобренные нацией, а произвол правителя, то прочной связи между ним и ей быть не может, потому что «тамо есть государство, но нет отечества, есть подданные, но нет граждан... не нрав государя принаравливается к законам, но законы к его нраву»¹⁰¹. В самовластном государстве «кто может, тот повелевает, но никто ничем не управляет», подданные подчинены государю, а он своему любимцу, достигшему своего влияния хитростью и лестью.

Фонвизин выступил против утверждения о том, что право самовластного правителя принадлежит ему по праву сильного. «Право сильного, — писал он, — выдуманно в посмеяние», это мнимое право, которому люди вынуждены повиноваться по необходимости, а не по надобности. «Истинное право, — заключал Фонвизин, — это право, признанное рассудком, обязывающее повиноваться добровольно»¹⁰². Злоупотребления в самовластных государствах «восходят до невероятности», там процветают пьянство и подлость, непомерное честолюбие правителей и вельмож, презрение к труду, честности, люди не заслуживают свое положение, а выслуживают, в почете недостойные люди, а мыслящие и благородные преследуются, процветают неправосудие, корыстолюбие, взяточничество, казнокрадство.

Прямым намеком на екатерининское правление, в просвещенности которого Фонвизин окончательно разуверился, звучат следующие его слова: «После всего мною сказанного и живым примером утверждаемого не ясно ль видим, что не тот государь самовластнейший, который на недостатке государственных законов чаёт утвердить свое самовластие... пишет он новые законы, возмещает благоденствие народа, прославляет премудрость своего правления: новые законы его будут не что иное, как новые обряды, запутывающие старые законы, народ его будет угнетен, дворянство унижено и, несмотря на собственное его отвращение к тиранству, правление его будет правление тиранское»¹⁰³. Если идеологи консервативного направления, признавая общественный договор, наделяли нацию лишь правом признания государя и лишали ее права расторжения договора, то Фонвизин его признавал. Самовластное правление, писал он, обречено на гибель, потому что «при

крайнем ожесточении сердец все частные интересы, раздробленные существом деспотического правления, нечувствительно в одну точку соединяются. Вдруг все устремляются расторгнуть узы нестерпимого порабощения. И тогда что есть государство? Колосс, державшийся цепями. Цепи разрываются, колосс упадет и сам собою разрушается»¹⁰⁴.

Но это скорее предостережение монархам от угрозы революции, потому что Фонвизин, как и почти все русские просветители, выступая с критикой самодержавно-крепостнического строя, никогда прямо не призывал к вооруженной борьбе с деспотизмом. Он искал иные средства, с помощью которых можно было бы избежать узурпации власти монархом. Фонвизин апеллировал к разуму «просвещенного монарха», а таковым, по его мнению, истинный государь обязан быть. Правитель должен осознать «права своего величества», дабы быть у подданных в почтении и «самому не преступить пределов, ознаменованных его правом самодержавнейшего всех на свете властью, а именно властью здравого рассудка»¹⁰⁵. Добивается этого государь добротой и кротостью. Но кроме этого он должен быть еще и добродетелен. Эти черты характера монарха, как считал Фонвизин, обеспечат ему почтение и любовь народа, а он, соблюдая законы, обеспечит благо и вольность людей. Следовательно, идеалом Фонвизина была монархия, образованная путем общественного договора, во главе со справедливым, кротким, добродетельным, просвещенным монархом, управляющим на основе незыблемых законов, одобренных нацией, обеспечивающих благо и вольность людей.

Хотя Фонвизин продолжал еще возлагать надежды на просвещенного монарха, однако в его произведениях все больше и больше проявлялось разочарование этой формой власти. Немалое значение в этом имела екатерининская политика, опирающаяся не на фундаментальные законы, а на произвол и насилие. Рассуждениям о возможности существования просвещенной монархии без фундаментальных законов Фонвизин противопоставил свою точку зрения в произведении «Каллисфен». Центральная тема его — эволюция политики Александра Македонского от просвещенного правления к тирании. Будучи учеником Аристотеля и стремясь быть просвещенным правителем, Александр просит его прислать ему наставника. Каллисфен, прибыв к Александру, старается воздействовать на него, дабы он совершал человеколюбивые поступки. Первое время это ему удается, но все большее сопротивление его деятельности оказывает александровское окружение: Арбас — льстец, Аргион — «вельможа пренизкой души и презнатной породы, имевший зверское сердце и скотский разум», Клитомен — «надменный пышностью и ложным сластолюбием». Любимцем Александра был Леонард. «В свое короткое время умел он овладеть совершенно душою сего монарха; им самим владели страсти, высокомерие, алчность к обогащению». Никого Леонард не любил, добра почти не делал, не терпел «видеть людей в удовольствии», при дворе был силен¹⁰⁶. Он имел сильное влияние на Александра

и сумел оклеветать в его глазах Каллисфена, который был брошен в темницу и затем казнен. Фонвизин развил в «Каллисфене» высказанную им ранее в «Рассуждении...» мысль о том, что в самовластных государствах правитель поработен своим недостойным любимцем.

Отстаивая идею «просвещенной монархии», Фонвизин утверждал также просветительскую идею союза философов и монархов. Правитель, получивший по договору власть от нации, может узурпировать власть при отсутствии фундаментальных законов, так как добродетель и кротость правителя — слабые гаранты его благодетельного правления. Они действуют только тогда, когда есть человек или люди, которые, воздействуя на добродетель монарха, способствуют тому, что он правит добродетельно и человеколюбиво. Но как правило (и историческая реальность убеждала в том Фонвизина и других просветителей), в монархиях окружение правителя составляют высокомерные, алчные себялюбцы, в том же плане воздействующие и на монарха, и он правит недобродетельно.

Таким образом, Фонвизин оказался в замкнутом кругу неразрешимых противоречий. Теоретически, как мы видели, он признавал право нации «разрывать свои оковы», но боязнь движения непросвещенного народа, заставляла его все надежды возлагать на просвещение, добродетельного и кроткого «просвещенного монарха», окруженного философами, подвигающими его на человеколюбивое правление.

В идеальном государстве «просвещенного монарха», где правление осуществляется по фундаментальным законам, по представлениям Фонвизина, должны жить свободные люди, господствовать политическая вольность. Под свободным человеком он понимал человека, который не зависит ни от чьей прихоти, а политическую вольность связывал с правом собственности, считая, что без первой не может быть второго. Но далее констатации этого факта в вопросе о собственности он не шел, так же как и в вопросе о равенстве, когда он критиковал сословный строй России.

Утверждая свой идеал государственной формы правления, Фонвизин следовал не только за энциклопедистами, но и за Монтескье. «Вольность, собственность, форма правления, — писал он, — должны быть устроены сообразно с физическим положением государства и моральным свойством нации»¹⁰⁷.

Иначе рассматривал причины происхождения государства С. Е. Десницкий. В начале 60-х годов он вместе с И. А. Третьяковым был послан в Глазговский университет для завершения своего образования. В этом учебном заведении курс «нравственной философии» читал Адам Смит. Английская политическая мысль оказала значительное влияние на формирование политических взглядов Десницкого¹⁰⁸. Он вслед за А. Смитом и Д. Милларом отказывается от теории договорного происхождения власти. Для английских мыслителей это было естественно. Как из-

вестно, договорная теория была действенным оружием в руках буржуазии в период подготовки революции. А когда революция в Англии произошла, «буржуазия стала скромной, но все же признанной составной частью господствующих классов Англии. Вместе с остальными она была заинтересована в подавлении огромной трудящейся массы»¹⁰⁹. Отказ А. Смита и Д. Миллара от договорной теории, как справедливо заметил П. С. Грацианский, «определялся не только политическими причинами, но и самой логикой развития знания о государстве... Фактический материал свидетельствовал об антиисторичности договорной теории»¹¹⁰. Отказ же от нее С. Е. Десницкого объясняется тем, что она использовалась представителями консервативного направления общественной мысли России «для морального обоснования существовавшего общественного строя, в том числе крепостнических порядков, которые якобы были первоначальным договором»; «отрицание договорной теории происхождения государства лишало эти порядки нравственной санкции»¹¹¹.

По мнению Десницкого, договор лежит лишь в основе образования общества. Первобытные народы «скитались без правительства, свободные и распутные», но для того, чтобы обеспечить себя пропитанием, отбиться от неприятелей, где добровольно, а где по принуждению «в общежительства сошлись и семейства у себя и селения завели». После этого стали возникать у них законы, права и правительства. Объединившимся народам пришлось поступиться некоторыми своими природными правами, но они продолжали удерживать «при сем теснейшем соединении» и сохранять свои личные права и природную вольность. «От сего обстоятельства, — пишет Десницкий, — самые первоначальные обществ народных правительства примечаются слабыми и неустроенными». а судьи «кроме посреднической никакой власти не имеют»¹¹².

И. Я. Шипанов делал из этих слов вывод, что Десницкий объяснял происхождение государства через общественный договор¹¹³. Не соглашаясь с его точкой зрения, мы разделяем мнение П. С. Грацианского, С. А. Покровского, М. Т. Белявского о том, что, отрицая теорию общественного договора, Десницкий связывал происхождение государства с изменениями в хозяйственной жизни, возникновением и развитием частной собственности, не считая государствами «слабые и неустроенные общества». Развитие человечества, считал Десницкий, можно разделить на четыре этапа: 1) звероловства и собирательства; 2) скотоводства и пастушества; 3) земледелия; 4) торговли и промышленности. Изменения в хозяйственной жизни определили и эволюцию частной собственности. У Десницкого было буржуазное представление о собственности. Он различал право распоряжения своей вещью, право требовать свою вещь у всякого, кто ею несправедливо завладеет, право отчуждать свою вещь кому захочется при жизни и по смерти.

Следует заметить, что, говоря о собственности, Десницкий не мог выйти за рамки представлений своей эпохи. Он не понимал определяющего влияния производственных отношений на характер и формы собственности. На первом этапе развития человеческого общества, писал Десницкий, собственность отсутствует, у скотоводческих племен появляется собственность на движимое имущество, скот, которым владеют все семьи общины сообща. Собственности на землю они не имели. Она появилась в «земледельческом состоянии», а полное развитие право собственности получило в «коммерческом состоянии», когда росло разделение труда, развивались промышленность и торговля. Как особую форму собственности Десницкий выделял феодальную, распространенную и в Западной Европе и в России. Под феодализмом он понимал крупное землевладение и связанную с ним правительственную власть. «Начало и происхождение собственности в возвышенном состоянии народов, — делал он вывод, — соединено с непосредственным происхождением и самих правлений государственных»¹¹⁴.

Залогом прочности государства Десницкий считал «изрядное законоположение», единство веры и крепкие торговые связи. Он, как и все русские просветители, тесно увязывал проблему происхождения государства с политическим строем России. В феврале 1768 г. Десницкий направил Екатерине II «Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи», где высказал свои взгляды на государственное устройство, отличное от идей «Наказа» императрицы. Он был противником самодержавной власти и выступал за конституционную монархию. С. Е. Десницкий отмечал, что «законодательной власти в Российской империи, кроме монархов, никто в полном значении не может иметь», но неотлучно при монархе должен быть правительственный Сенат, которому «дозволяется делать указы, вновь старые поправлять или уничтожать, так, как надобность и изволение монаршее потребует»¹¹⁵.

Но только этим Десницкий не ограничивал деятельность правительственного Сената. Он наделял его правом устанавливать налоги, осуществлять контроль за расходами, деятельностью административных и судебных учреждений страны, «войну продолжать и заключение трактатов с соседними державами наблюдать, дабы отечеству предосудительными не были»¹¹⁶. А поскольку, считал Десницкий, «законодательная власть всех прочих высшей поставляется, то необходимо сделать Сенат высшей судебной инстанцией, где апелляции всех дел, которых в нижних судах не решено, свое конечное решение имели»¹¹⁷. Сенат должен быть выборным и состоять из 600 или 800 членов, избранных на основе имущественного ценза, а не по сословному принципу. Каждая губерния, провинция, сословие должны иметь «в законодательной власти представителя, заступника и ходатая». Сенаторов следует избирать сроком на 5 лет, но более трех сроков один человек заседать в Сенате не может. Поскольку в этот орган

должны входить представители всех сословий, «польза отечества советуется дозволить иметь всем равномерный свободный голос и заседать всем совокупно в сенате; дела, какие им монарх заблагорассудит приказать, решить; всегда большинством их голосов чтоб решены были в сенате»¹¹⁸.

Принимавший, как и большинство просветителей, теорию разделения властей, С. Е. Десницкий считал, что административную власть надо отделить от судебной и поставить ее деятельность под контроль суда. В городе власть должна осуществляться непосредственно его жителями, «а более еще купцами и художественными людьми (ремесленниками. — В. М.)».

В русском просветительстве нашла отражение еще одна интерпретация проблемы происхождения верховной власти. А. Я. Поленов, решая эту проблему в своей работе «О крепостном состоянии крестьян России», опирался на теорию насилия. Правда, он не говорил прямо о верховной власти, а вел речь о происхождении рабского состояния крестьян, но в условиях российской действительности это давало возможность показать, что самодержавие и крепостничество устанавливались насильственным путем, подчеркнуть их несоответствие принципам разума.

Поленов, исходя из теории естественного права, в целом отрицал происхождение рабства из общественного договора, так как отказ от личной свободы противоречит «врожденной в человеке к приобретению благополучия склонности и непреодолеваемому стремлению к вольности»¹¹⁹. Истинной причиной возникновения «рабского состояния» он считал войны. Именно «военное состояние», бывшее в период образования государства у восточных славян, «в великом обыкновении, всех мысли на себя обратило». «Российские прародители» вели постоянные войны, «собрав в них великое множество пленных, которые по принятому издревле обыкновению, будучи приведены в рабское состояние, причислялись к прочей добыче»¹²⁰. Кроме этого, Поленов все же считал, что число людей, потерявших вольность, увеличивалось также и за счет тех, кто «думал кончить свои бедствия и, надеясь сыскать себе защиту, предпочли рабское состояние благородной вольности»¹²¹.

Но превращение свободных в рабов, по его мнению, давало выгоду не всему обществу, а лишь тем, кто стремился «к удовольствованию роскоши и гордости». Эти люди, имея власть, сделали и делают все, чтобы крестьяне находились в самом «бедственном состоянии». Мы согласны с П. С. Грацианским в том, что Поленов, определяя причины возникновения рабского состояния в обществе, а значит, власти человека над человеком, исходил в целом из теории насилия, хотя и не отрицал возможности добровольного отказа от вольности. В то же время мы не разделяем его мнения о том, что П. С. Батурич в решении вопроса о происхождении власти также стоял на позиции теории насилия¹²². Наш взгляд, он полемизировал с Сен-Мартеном, перевод книги которого был издан в Москве в 1785 г. В работе «О заблуждени-

ях и истине...» французский автор утверждал, что «насильство и хитрость» сыграли главную роль «к учреждению персональной власти», а «общего согласия всех отдать власть в руки единого или нескольких людей не бывало и быть никогда не может»¹²³. Власть над людьми, по его мнению, вручается в обществе тому, кто «меньше удалился от первобытного своего состояния» и должен над людьми «употреблять все права рабства и подданничества». Сен-Мартен утверждал, что человек «не имеет права вступать в обязательство», т. е. обязываться повиновением правительству, так как не умеет «долго хранить оные» (обязательства. — В. М.)¹²⁴. На эти положения французского автора Батурин отвечал следующим образом: «Такое противоположное общественному устройству рассуждение противно всем установленным человеческим и праву естественному, которые научает обязательства свои хранить свято и нерушимо»¹²⁵.

Скорее всего, русский просветитель в процессе происхождения государства стоял на позициях теории общественного договора. А то «происхождение временного владычества человека», о котором писал Сен-Мартен, по мнению Батурина, может быть, лишь «в воображении мечтающего существует». Власть правителей происходит не от того, что они меньше удалились от первобытного состояния человека, но от правил, принадлежащих по наследству, по завоеванию или по избранию народному¹²⁶. Если Батурин и говорил о факторе насилия в процессе образования государств, то к этому его приводил опыт мировой истории, где он находил много примеров установления власти и путем завоевания, и путем ее узурпации правителем. Это давало просветителю возможность показать, что в мире существуют государства, основывающиеся на насилии и угнетении, а не на естественном праве и общественном договоре критиковать деспотизм, основанный на страхе, бесправии, угнетении.

Большой интерес в России вызывали труды Руссо. Почти все его произведения были переведены на русский язык, а некоторые и по несколько раз; выходили своеобразные обзоры сочинений Руссо. Русский читатель был хорошо знаком с антируссоейской литературой¹²⁷. Появление каждой книги Руссо вызывало живейшее обсуждение. Восприятие Руссо в России было неоднородным. Ю. М. Лотманом правильно отмечено, что внутренняя жизнь России, обострение социальных конфликтов, эволюция русской общественной мысли определили динамику интерпретаций: у каждой группы был свой Руссо¹²⁸. Екатерина II в беседе с Е. Р. Дашковой называла Руссо «очень опасным автором, манера писать которого увлекает и возбуждает молодые головы»¹²⁹. Сдержанно воспринимала уравнилельные идеи Руссо часть непривилегированной русской интеллигенции¹³⁰. Работами Руссо интересовались представители просветительной идеологии — Я. П. Козельский, Д. И. Фонвизин, Н. И. Новиков, А. Н. Радищев и др.

Наиболее ярко влияние идей Руссо проявилось в творчестве Я. П. Козельского и особенно А. Н. Радищева.

В трактовке общественного договора Я. П. Козельский следует за Руссо, о чем сам пишет в своих «Философских предложениях». Как и у французского просветителя, у него договор заключается между людьми, входящими в общество. Благополучие целого народа, писал Я. П. Козельский, состоит в том, что каждый из его членов теряет «малую часть своих удовольствий» и уступает одно «какое-либо из своих или по малой части из всех желаний обществу», и «чрез то они без изъятия все почти во всех своих желаниях будут удовлетворены и потому благополучны»¹³¹. Человек, по мнению Козельского, вступая в общество, теряет естественную свободу, а приобретает «гражданскую вольность и собственность мнения». В обществе он получает нравственное и юридическое равенство. Люди становятся равны по договору и по праву. Они, вступив в общество, избирают правителя, который правит ими на основании законов. Законодатель может считаться отцом принимающего от него закон народа. Он сохранит свою должность только в том случае, если к своим добрым законам добавит «свойство и силу», которые сохранили бы в целостности как законы, так и народ.

Русский просветитель был уверен, что цветущее состояние общества заключается в его внутреннем благосостоянии и внешней безопасности, а благосостояние зависит от его добронравия, трудолюбия и обеспечивается совершенным законодательством. Рассматривая различные формы правления, Козельский повторил схему Монтескье. Он отрицательно относился к деспотизму, а самовластных деспотов характеризовал как людей, «забывших свою должность». Козельский склонялся к республике, где «общая польза есть основание всех человеческих добродетелей и законодательств»¹³², но не исключал возможности монархической формы правления при наличии «созидательных законов». Одним из таких законов он считал неравенство в собственности, которое определяется достоинством и заслугами. Лучшее состояние, по мнению Козельского, должно принадлежать достойнейшему человеку. Решить этот вопрос, считал он, сложно, но возможно, и делать это надо по совести. Вторым из созидательных законов Козельский называл «установление от монарха новых и уничтожение старых (законов. — В. М.) по правильным причинам»¹³³. Умеренные законы служат общей пользе народа, а те, «которые клонятся к пышности, служат к излишнему баловству одной части народа и к притеснению другой»¹³⁴.

Как и Руссо, который на основе своей трактовки общественного договора подошел к выводу о возможности вооруженного выступления против существующего строя, хотя и не сделал его из-за боязни участия в этой борьбе широких народных масс, Козельский признает возможность насильственного выступления народа против своих угнетателей, которые принуждали его к «долговременному терпению». Ю. Я. Коган прав в том, что это не прямой призыв к восстанию, а скорее предупреждение правителям о том, что народ может с оружием в руках выступить против сво-

их угнетателей¹³⁵. Козельский, разделяя договорную теорию Руссо, считал, что главными силами, обеспечивающими общественное благо, являются трудолюбие, добронравие людей, которые достигаются хорошим воспитанием, и умеренные справедливые законы, издаваемые и соблюдаемые правителями.

Мы не располагаем сколько-нибудь четкой и подробной характеристикой Радищевым взглядов Руссо, однако высказывания русского мыслителя в письмах к А. Р. Воронцову, в трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии», в одной из заметок позволяют говорить о том, что Радищев был одним из самых внимательных читателей работ Руссо и не во всем с ним соглашался. Например, в одном из своих писем к Воронцову он писал о том, что Европа обязана Руссо переворотом, «который произошел в общих началах воспитания»¹³⁶. В другом его письме отмечается, что Руссо опасен как автор для молодежи «не своими принципами, как это обычно считают, но тем, что он является очень искусным учителем по части чувствительности»¹³⁷. По мнению Радищева, это качество достойно уважения, но у Руссо оно идет от тщеславия¹³⁸. Русский просветитель, возражая Руссо, писал, что «человек рожден для общежития», и вслед за этим восклицал: «О Руссо! Куда тебя завлекла чувствительность необъятная?»¹³⁹ А в одной из заметок он критиковал Руссо за то, что тот считал республиканский строй возможным лишь в странах с малой территорией¹⁴⁰.

Руссо и Радищев писали, что общественный строй не является данным человеку от природы. Нормы общественного порядка из нее выведены быть не могут, так как ни один человек от природы не может быть властным над себе подобными. Все люди от рождения свободны, но живут в обществе, которое лишает их самых элементарных человеческих прав.

Радищев

Я в свет ишю, и ты со мною;
На мышцах нет моих заклеп;
Свободною могу рукою
Приять данный в пищу хлеб.
Стопы несущ, где мне приятно;
Тому внимаю, что понятно,
Вещаю то, что мыслю я;
Любить могу и быть любимым;
Творю добро, могу быть чтимым;
Закон мой — воля есть моя.
Но что претит моей свободе! (1,3).

Руссо и Радищев выступали против угнетения людей, рабства и крепостничества, против утверждений о том, что они не противостоят естественным правам человека, а являются результатом естественного отчуждения одними людьми своих прав и свободы в пользу других, приводящего к порядку, требующему подчиненности.

Руссо

Отказаться от своей свободы — это значит отречься от своего достоинства, от прав человеческой природы, даже от ее обязанностей... Невозможно никакое возмещение для того, кто от всего отказывается. Подобный отказ несовместим с природой человека; лишить человека свободы, воли — это значит лишить его действия (156). Право рабовладения недействительно не только потому, что оно незаконно, но также и потому, что оно бессмысленно и ничего не значит. Слова рабство и право противостоят друг другу, они взаимно исключают друг друга. Такая речь: «Я с тобой заключаю соглашение, которое я буду соблюдать, пока мне это будет угодно», — будет всегда равно лишена смысла независимо от того, имеются ли в виду отношения человека к человеку или человека к народу» (159).

Руссо и Радищев, отстаивая право человека на свободу, выступали сторонниками гражданского и имущественного равенства, которого не было и не могло быть при абсолютизме.

Руссо

Что касается до равенства, то под этим словом не следует понимать, что все должны обладать властью и богатством в совершенно одинаковой мере; но что касается до власти, — она должна быть такой, чтобы она не могла превратиться ни в какое насилие, и всегда должна осуществляться по праву положения в обществе и в силу законов; а что до богатства, — ни один гражданин не должен обладать столь значительным достатком, чтобы иметь возможность купить другого, и ни один — быть настолько бедным, чтобы быть вынужденным себя продавать (188).

Руссо и Радищев утверждали, что абсолютистский строй зиждется на силе и узурпации. По мнению Руссо, власть при абсолютизме основывалась на так называемом праве сильного, который превращает свою силу в право, а повиновение ему — в

Радищев

Гражданин, в каком бы состоянии небо родиться ему не судило, есть и пребудет всегда человек; а доколе он человек, право природы, яко обильный источник благ, в нем не иссякнет никогда, и тот, кто дерзнет его уязвить в его природной и ненарушимой собственности, тот есть преступник (1,279), а потому рабство преходяще: «Причиною тому или род провождаемой жизни, обстоятельства, в коих быть принуждены, или малоопытность, или насилие врагов праведного или законного возвышения природы человеческой, подвергающих оную силе и коварством слепоте и рабству, которое разум и сердце человеческое обесиливает, налагая тягчайшие оковы презрения и угнетения, подавляющего силы духа вечного. Не оправдывайте себя здесь, притеснители, злодеи человечества, что сии ужасные узы суть порядок, требующий подчиненности. О, ежели бы вы проникли цепь всея природы, сколько же вы можете, а можете много! то другие бы мысли вы ощутили в себе...» (1,213).

Радищев

Равенство граждан состоит в равной зависимости от закона, то есть что все чины в государстве должны свои деяния располагать по предписанию закона... (III, 13). Равновесие во властях, равенство в имуществе отъемлют корень даже гражданских несогласий (1,322).

обязанность (154). Сила, говорил он, — это физическая мощь, и ей приходится повиноваться. Но она не творит право, поэтому если людей заставляют подчиняться силой, то нельзя говорить о праве, так как оно в данном случае ничего не означает. Люди обязаны повиноваться только властям законным (155).

Такого же мнения придерживался и Радищев. В «Путешествии...» он писал: «Но какое он (Иван IV. — В. М.) имел право свирепствовать против них (новгородцев. — В. М.), какое он имел право присвоить Новгород?... Но на что право, когда действует сила. Может ли оно существовать, когда решение запечатлется кровию народов?» (I, 263). Изучение истории России, мировой истории показало Радищеву, что во все времена утверждение утверждалось только силой. Абсолютизм как строй, основанный на насилии и несправедливости, по мнению Руссо и Радищева, не может быть законной властью.

Официальной теории происхождения абсолютистского государства оба просветителя противопоставляли теорию договорного происхождения власти. Для них общественный договор — основа законной власти, что делает ее правомерной.

Руссо и Радищев считали, что человеческий род погиб бы, если бы не изменил своего естественного состояния. Это изменение происходит на том этапе, когда человечество достигает определенного предела и когда силы, «препятствующие им (людям. — В. М.) в естественном состоянии, превосходят в своем противодействии силы, которые каждый индивидум может пустить в ход, чтобы удержаться в этом состоянии» (Руссо, 160). «Слабость младенчества, немощь старости, природная склонность человека к самовластию, непрестанная боязнь да не подвергнется насилию могущественнейших — словом, препятствия сохранности каждого в естественном состоянии... люди принуждены стали перемнить внешнее состояние их жития» (I, 188).

По мнению Руссо и Радищева, люди не могут создавать новых сил для преодоления препятствий, вредящих их существованию, но могут объединить и направлять силы уже имеющиеся. Поэтому единственным средством самосохранения остается объединение людей и создание суммы сил, способной обеспечить благосостояние и жизнь человечества. Все это достигается путем общественного договора.

Руссо

Каждый из нас передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого (161).

Радищев

Народ есть общество людей, соединившихся для снискания своих выгод и своей сохранности соединенными силами, подчиненное власти, в нем находящейся, но как все люди от природы суть свободны и никто не имеет права у них отнять сия свободы, следовательно, учреждение общества предполагает всегда действительное или безмолвное согласие (I, 188).

Таким образом, у Руссо и Радищева общественный договор заключается между людьми, образующими общество, и обеспечивает полное соответствие между волей отдельного человека и волей всего народа. Это справедливое соглашение, так как оно полезно для всех и единственной своей целью имеет общее благо. Гарантом прочности такого соглашения является вся сила общества.

Руссо

Немедленно, вместо отдельных лиц, вступающих в договорные отношения, этот акт ассоциации создает условное коллективное Целое, состоящее из нескольких членов, сколько голосов насчитывает общее собрание. Это Целое получает в результате такого акта свое единство, свое общее я, свою жизнь и волю (161).

Радищев

...Возникла обща власть в народе, Соборной всех властей удел. Ей общество во всем послушно, Повсюду с ней единодушно; Для пользы общей нет препон; Во власти всех свою зрю волю. Свою творю, творя всех волю... (I, 1—2).

Таким пониманием общественного договора определяется и трактовка Руссо и Радищевым верховной власти в государстве. Высшей властью в государстве, считали оба мыслителя, является власть народа, отражающая его волю. Эта власть никем и ничем не может быть ограничена, только она может основать или разрушить общества, так как тождественна общественному организму (163; III, 10). Верховная власть народа неделима и неотчуждаема. «Я утверждаю, следовательно, — писал Руссо, — что суверенитет (власть народа. — В. М.), который есть только осуществление общей воли, не может никогда отчуждаться и что суверен, который есть не что иное, как коллективное существо, может быть представляем только самим собой. Передавать ее может власть, но никак не воля» (168).

Радищев в «Опыте о законодательстве» говорил об употреблении власти теми, кому ее вручает народ, а судить о том, приносит ли пользу это употребление или нет, «может только народ в соборном своем лице» (III, 10). В оде «Вольность» он с гневом писал о правителе, узурпировавшем власть, полученную от народа:

Но ты, забыв мне клятву данну,
Забыв, что я избрал тебя
Себе в утеху быть венчанну,
Возмнил, что ты господь, не я,
Мечом мои расторг уставы,
Безгласными поверг все правы,
Стыдиться истине велел;
Расчистил мерзостям дорогу,
Взывать стал не ко мне, но к богу,
А мной гнушаться восхотел (I, 6).

Понимание Руссо и Радищевым верховной власти в государстве как власти народа, утверждение, что эта власть суверенна,

79

зовал публичную силу, находящуюся в его руках, таким образом, что оказалось бы, так сказать, два суверена — один по праву, а другой — фактически, — то сразу же исчезло бы единство общества...» (194—195).

В том же ключе высказывался и Радищев: «Неправосудие государя дает народу, его судии, то же и более над ним право, какое ему дает закон над преступником» (I, 357).

Исходя из выдвинутых ими положений общественного договора, народного суверенитета, Руссо и Радищев сделали вывод о законности революционного метода борьбы с абсолютизмом.

Руссо

Пока народ принужден повиноваться и повинует, он поступает хорошо; но если народ, как только получает возможность сбросить с себя ярмо, сбрасывает его — он поступает еще лучше; ибо, возвращая себе свободу по тому же праву, по которому ее у него похитили, он либо имеет все основания вернуть ее, либо же вовсе не было оснований ее у него отнимать. Но общественное состояние — это священное право, которое служит основанием для всех остальных прав (152).

В то же время нельзя говорить о полной тождественности взглядов Руссо и Радищева по рассматриваемым нами вопросам. Оба мыслителя исходили из позиций необходимости защиты слабых и угнетенных от посягательств эксплуататоров. Но что могло быть наиболее действенным инструментом для защиты? В этом на наш взгляд, позиции Руссо и Радищева расходятся. Для Руссо на первом плане стоит защита интересов и имущества конкретного отдельного человека. Известно, что Руссо идеализировал естественное состояние, хотя и считал его мысленной абстракцией. Человеку, утверждал он, по природе свойственно уединенное состояние, в котором он помышляет о спокойствии и свободе. Такой человек не имеет пороков. Им движут чувства самосохранения и сострадания, он одинок, ни в ком не нуждается, т. е. не имеет общественного инстинкта. Человек в естественном состоянии ни добр и ни зол, различия между людьми минимальны, практически нет неравенства. По мнению Руссо, неравенство усиливается в ходе развития человеческого ума, его потребностей. Совершенствование разума превращало человека в злое существо и делало его способным к общежитию. Естественное состояние заменялось общественным, в котором человек становился рабом, делался слабым, боязливым и приниженым, а его образ жизни, измененный и расслабленный, окончательно подтачивал его силы и мужество.

Радищев

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает
Над гордою главой царя.
Ликуйте склепанны народы,
Се право мщенье природы
На плаху возвело царя (I,5).
Сокрушите орудия его земледелия,
сожгите его риги, овины, житницы
и развеите пепел по нивам, на них
же совершалось, его мучительство, оза-
наменуйте его яко общественного
тая... (I,326).

Естественное состояние и период, лежащий между ним и образованием общества, — наиболее счастливые для людей. По мнению Руссо, это детство и юность человечества, его золотой век, а общественное состояние — это период, соответствующий старческому состоянию индивида. Как старикам нужны костыли, так и людям нужны законы, управление. Таким образом, в известном смысле общественное состояние естественно для человека, но становление общества происходит в результате роковых случайностей или внешних обстоятельств, и если их избегать или замедлять, то человечество может отдалить наступление своей старости. Однако Руссо видел, что возвращение к естественному состоянию, которое он славил, невозможно. Следовательно, считал он, необходимо принять меры для защиты слабого, приниженого человека, избегать неравенства и поддерживать среднее состояние. Руссо, идеолог мелких собственников, мечтал «о таком строе, в котором собственность была бы очищена» от своих «отрицательных сторон» и упрочена в его, мелкого собственника, интересах¹⁴², поэтому предлагал бороться с неравенством путем более или менее решительных уравнивательных мер.

Мы уже отмечали, что для Руссо общественный договор — договор между людьми, образующими общество, и он называл его Ассоциацией, или Политическим организмом. Вступая в общество, человек получает гражданскую свободу. Эта свобода должна быть ограничена общей волей, так как частный интерес, воля одного человека, стремятся к преимуществам, а общая воля стремится к равенству всех членов общества. Поэтому чтобы ни один человек не смог добиться удовлетворения своих частных интересов в ущерб другим, люди, вступая в Ассоциацию, отказываются в ее пользу от всех своих прав. Отчуждение всех прав приводит к тому, что для всех создаются равные условия. «Общественное соглашение устанавливает между гражданами такого рода равенство, при котором все они принимают на себя обязательства на одних и тех же условиях и все должны пользоваться едиными правами» (173). Ассоциация должна защищать интересы всех, а ее члены должны выполнять перед ней свои обязательства и если «кто-либо откажется подчиняться общей воле, то он будет к этому принужден всем организмом, а это значит не что иное, как то, что силой принудят быть свободным» (164). Таким образом, сохранение свободы и благосостояния человека возможно лишь при полном подчинении обществу, а оно будет, в свою очередь, гарантом равенства и свободы.

Теория Руссо, противоречивая сама по себе, могла вести к противоречивым выводам. С одной стороны, она давала возможность обосновать законность вооруженного пути борьбы с абсолютизмом, с другой — при определенной интерпретации ее положение о подчиненности людей обществу, на наш взгляд, могло использоваться для защиты абсолютизма и доказательства его правомерности.

Руссо, признававший право народов на неповиновение своим правительствам, говоривший о праве народа на восстание, и в этом был непоследователен и противоречив.

В «Общественном договоре» Руссо утверждает право народов на освобождение путем вооруженной борьбы. Считая, что человечество в своем развитии переживает те же возрасты, что и отдельный человек: детство, юность, старость, он пишет, что политический организм умирает со дня рождения и в самом себе носит причины разрушения. На разных этапах своего развития общество, по мнению Руссо, неодинаково способно к восприятию хороших законов. Лучший для этого возраст — юность. Чем ближе к старости, тем больше законы, укоренившиеся предрассудки, установившиеся обычаи становятся несправимыми. Однако Руссо все же видит возможность получения хорошего законодательства старыми государствами. Она заключается в революциях, переворотах, которые «действуют на народы так же, как некоторые кризисы на индивидуумов»; «на смену забвению приходит ужас перед прошлым и... Государство, пожираемое пламенем гражданских войн, так сказать, возрождается из пепла и вновь оказывается в расцвете молодости, освобождаясь из рук смерти» (183). Но тут же Руссо оговаривается, что такие случаи редки, что это исключения, причины которых всегда лежат в особенном устройстве такого исключительного государства. События эти не могут даже повториться два раза у одного и того же народа, потому что народ может стать свободным до тех пор, пока он еще народ варварский; но он не может стать свободным, когда иссяк дух гражданственности. В таких случаях смуты могут совершенно его уничтожить и революция не в силах его восстановить. Он распадается и более не существует; отныне ему нужен повелитель, а не освободитель (183). Таким образом, Руссо считал вооруженное свержение абсолютизма возможным не для всех государств. В их числе была и Россия, которой в главе XV второй книги «Общественного договора» он дал уничижительную оценку.

Радищев, выступавший против самодержавия и крепостничества, двух главных зол России, защищал права угнетенного и обездоленного русского крестьянства. Как и Руссо, он отстаивал права человека на свободу и равенство, которые являются естественными и даны ему от природы, как и Руссо, считал, что в естественном состоянии человек имел право защиты своей жизни, здоровья, имущества.

По мнению Радищева, не совпадающему со взглядами Руссо, человек стремится жить в обществе, он социален, так как «силы человеческие, дремавшие, уснувшие паки или поистине мертвые в единственности, воспрянули в общественном сожитии, укрепились взаимно, возвысились и, объяв вся не только существующая, но и вся возможная, возмечтали и то, что им несоразмерно» (III, 28). Человек, стремящийся к личному благу, не выступает против других людей, «ибо каждый в особенности своей не иного чего желал, как чего желали все» (III, 29). Разумно понятый

интерес человека совпадает с интересом общественным, поэтому человек «блажен в общественном союзе, блажен и в своей единственности» (III, 29). Следовательно, считал Радищев, человек рожден для общности, в нем совершенствуется, действует на его благо. Мы согласны с П. С. Шкуриновым в том, что для Радищева характер и интересы человека «определяются содержанием чувственного и рационального опыта, т. е. средой, условиями жизни, общественным целым»¹⁴³.

Для Радищева жизнь человека в обществе, развитие человеческого общества являются не старением, упадком, из которого трудно вернуться в естественное состояние, а движением человека вперед, обогащением его разума, знаний, чувств. Поэтому в центре внимания Радищева находится не только человек, но и общество, которое должно обеспечивать благо человека.

Человек, стремясь к личному счастью, вступает в общество, сложив с себя «неограниченную в употреблении сем власть, природой ему данную», и пользуется лишь частью естественных прав (III, 10). Радищев был сторонником того, чтобы человек в обществе сохранял ряд своих природных прав, которые неотчуждаемы. Заключение общественного договора, полагал он, сохраняет естественную свободу, человек лишь ограничивает ее в пользу общества, получая от него защиту. Вступив в общество, человек становится гражданином, не переставая быть человеком. Поэтому в свободном обществе, оберегающем его права, он стремится к его сохранению и развитию. Люди, вступившие в общество, доверяют, как писал Радищев, «власть ее употребителю», который следит за исполнением законов, гарантирующих благосостояние граждан. Но если общество «восхочет лишить (гражданина. — В. М.) пользы гражданского состояния», выступит против его исконных прав, «тогда пользуется гражданин природным правом защищения сохранности, благосостояния» (I, 278). Если правитель узурпирует власть, то общество, верховный его судья, истинный правитель, имеет право выступить против тирана. Из этих положений Радищев делает вывод о возможности коллективной и индивидуальной защиты. Отсюда борьба с тиранией, право на вооруженное выступление воспринимается как естественная акция угнетенного народа или человека.

Таким образом, гарантом свободы, общества, по Радищеву, является постоянная готовность людей к вооруженной защите своих прав. Выступая с позиций угнетенного русского народа, просветитель верил, что освобождения от деспотизма надо ждать не от «великих отчинников», а от народной революции. Эту идею он обосновывал и последовательно проводил в своих произведениях.

Анализ произведений Радищева и «Общественного договора» Руссо свидетельствует, что оба мыслителя с просветительских, антифеодальных позиций подвергли резкой критике абсолютистский строй, выступая против угнетения человека человеком, были сторонниками гражданского равенства. Руссо и Радищев показали, что абсолютизм — строй, основанный на насилии и узурпации, —

несет простым труженикам бесправие и угнетение и не имеет права на существование. Теории «божественного происхождения власти» Руссо и Радищев противопоставили теорию общественного договора. Их позиции в понимании общественного договора и его происхождения в основном тождественны; оба мыслителя отстаивают идею народного суверенитета. На этой основе они пришли к выводу о законности революционной борьбы с абсолютизмом. Однако при сходе их позиций по рассмотренным вопросам мы находим несовпадения, объясняемые существенными различиями в социально-экономическом развитии Франции и России.

В обстановке предреволюционной Франции интенсивно росли буржуазные общественные отношения, что влекло за собой усиление неравенства, разорение и обнищание низов мелкой городской буржуазии и крестьянства. Руссо, идеолога этих слоев, тревожил капиталистический прогресс. Поэтому, ставя перед собой задачу защиты слабого, приниженного человека, он ищет вариант общественного устройства, который всей своей силой защитил бы личность и имущество каждого отдельного человека; разрабатывает модель государства, наделенного широкой социальной ответственностью. Руссо приходит к выводу о том, что переход к государству «общей воли» может быть осуществлен насильственным путем. Отсюда вывод о революционном свержении существующего строя.

Руссо видел неизбежность революции, но в то же время «его страшила перспектива насильственной ломки старых порядков, последствия которой, как ему позже казалось, могут оказаться лекарством, что горше самой болезни»¹⁴⁴.

В отличие от Франции в России второй половины XVIII в. самодержавие и крепостничество оставались главным социальным злом, препятствием на пути прогресса. Произведения Радищева отражают русскую действительность, в них он обосновывает вывод о необходимости революционного свержения самодержавия и крепостничества. Только народная революция, утверждал Радищев, может уничтожить существующий в России строй. Эту идею он последовательно проводил в своих работах.

Революционные выводы Радищева базируются на теории общественного договора и идее народного суверенитета. Иное, чем у Руссо, понимание природы человека позволяло ему верить в силы народа. Защиту прав человека, народного суверенитета Радищев видел в постоянной готовности человека и народа к вооруженному выступлению против угнетателей. Народная революция у Радищева становилась естественным проявлением суверенитета народа, его правом. Отсюда и большая последовательность Радищева в отношении к революции.

Еще несколько слов об одном из отличий Радищева от Руссо. Автор «Путешествия...», исходя из своего понимания природы человека, выступал против любого насилия над личностью. Мы согласны с Ю. М. Лотманом, что «общество может диктовать индивидууму свои нормы свободы, вопреки его естественным представ-

лениям о счастье. Мысль о том, что человек и гражданин имеет разное представление о свободе, была Радищеву органически чужда. Поэтому Радищев не воспринял тех элементов учения Руссо, которое готовили теорию революционной диктатуры»¹⁴⁵.

Передовая западноевропейская мысль (в особенности просветительство Франции) оказала весьма существенное влияние на разработку проблемы происхождения государства в общественно-политической мысли России второй половины XVIII в. Большинство русских представителей консервативного направления решали ее, исходя из теории общественного договора. Идеологи дворянства России использовали естественно-правовую доктрину, лишая ее антифеодальной направленности, для обоснования законности и неизбежности самодержавно-монархического строя. Они брали у французских просветителей идею монархии как формы правления, возникшей путем договора народа с правителем, противопоставляли «просвещенного правителя» монарху-деспоту, воспроизводили положение Монтескье о том, что для стран с большой территорией возможна только монархическая форма правления. Представители консервативного направления отрицали просветительскую идею народного суверенитета, не признавая возможность расторжения народом договора. Под народом консервативные идеологи понимали дворянство, которое только и могло обладать свободой, участвовать в управлении государством. Воспринимая просветительский принцип неизбежности и неотчуждаемости собственности, они распространяли его только на дворян и отрицали возможность ее наличия у «подлого» народа. Сторонники неизбежности сословного строя, консервативные идеологи отрицали просветительское положение о гражданском равенстве. Предложения дворянских идеологов о некотором ограничении самодержавной власти монарха в пользу аристократии или всего дворянства не были направлены на изменение самодержавно-крепостнического строя, так как не затрагивали его основ.

С позиций теории общественного договора в различных ее модификациях выступали все русские просветители, за исключением А. Я. Поленова и С. Е. Десницкого. Как и французские просветители, они, отстаивая идеи внесословной ценности человека, придавая большое значение развитию правосознания, говорили, что государство образуется путем договора народа с правителем, что народ истинный государь, а правитель путем издания законов должен обеспечивать его благо, считали, что всецелие просвещения, добродетель монарха, его благонравие, правота, кротость, разум гарантируют его благотворную деятельность. На нее просветители возлагали все свои надежды, противопоставляя «мудреца на троне» абсолютному монарху-деспоту. Это объясняется общими просветительскими позициями, признанием монархии в качестве формы представительного правления, а значит, и правомерности ее существования. Договорная теория позволяла буржуазным идеологам Франции резко критиковать абсолютизм, сословный строй, показывать неразумность и незаконность его существ-

вования, «готовая головы для приближающейся революции». В то же время она сохраняла возможность компромисса с дворянством в рамках монархии и обеспечивала главное право человека — право собственности.

Антифеодальная идеология во Франции имела множество потоков, но буржуазные просветители были идейно монолитны. Их политическая мысль созревала быстро под влиянием складывающейся революционной ситуации, набиравшего силу общественно-го движения. В начале 80-х годов XVIII в. буржуазные идеологи размышляли уже не над абстрактными философскими и нравственными основами будущего общества благоденствия, а над реальными путями его достижения.

По-иному дело обстояло в России, где в обстановке начавшегося разложения феодально-крепостнической системы правительство в 60—70-е годы проводило политику «просвещенного абсолютизма», укрепляя господство дворянства, существующий строй, стремясь приспособить его к новым условиям. Крепостничество развивалось вширь и вглубь, страна еще не созрела для буржуазных преобразований. Просветители России в это время резко критиковали различные стороны самодержавно-крепостнического строя, показывали, что Екатерина II не имеет ничего общего с «мудрецом на троне», пытались искать философские и нравственные основы разумного и справедливого строя, понимаемого более или менее абстрактно. Развитие просветительской мысли России осложнилось после крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. В обстановке усилившейся реакции уменьшилась возможность критики существующего строя, обсуждения острых социальных проблем.

Однако оппозиционные настроения в русском обществе не заглохли. Выступая в это время с позиций договорной теории, просветители критиковали самодержавный строй, утверждали необходимость ограничения различными методами власти монарха, т. е. продолжали искать нравственно-философские основы разумного и справедливого строя.

В произведениях русских просветителей в 60—80-е годы не стояли и не могли стоять вопросы о положении, нуждах и чаяниях зарождавшейся русской буржуазии. Не найдем мы у них и приукрашивания буржуазного общества, которое было у французских просветителей, особенно в толкованиях равенства и собственности. Формировавшаяся в России буржуазия, экономически слабая и зависимая от самодержавия, не шла дальше требований уравнивать ее в правах с дворянством, разрешить использование крепостного труда на мануфактурах.

Русским просветителям, протестовавшим против жестокой эксплуатации простого народа, прежде всего крестьянства, были чужды сословные интересы как дворян, так и буржуазии, хотя объективно они и выступали с буржуазных позиций. Поэтому русские просветители осуждали любые формы угнетения и бесправия эксплуатируемого народа. Они, как и французские просвети-

тели, считали собственность естественным и необходимым состоянием существования человека и общества, но в их трудах нет и намека на то, что собственность дворянства и купечества им дороже, чем собственность крестьян.

Для русского просветительства общим было отрицание феодальной идеологии, критика существующего строя. Но между его представителями имелись и расхождения. Так, Е. С. Десницкий в отличие от большинства из них отрицал договорную теорию в интерпретации просветителей Франции и следовал идеям английских мыслителей. А. Я. Поленов считал насилие основной причиной возникновения власти. Поэтому невозможно говорить о единстве теоретических воззрений в лагере русских просветителей. Отсутствие в стране предпосылок к буржуазным преобразованиям, общественного движения позволяло мыслителям воспринимать не всю просветительскую идеологию, а лишь ее отдельные положения и на их основе критиковать те или иные отрицательные стороны существующего строя. Эти причины предопределили теоретическую разобщенность, непоследовательность просветителей в выводах, более медленное, чем во Франции, созревание политической мысли. Вряд ли прав П. С. Грацианский в том, что в XVIII в. «русское просвещение уже обрело известные организационные формы», что «имелось соглашение между просветителями о путях пропаганды своих взглядов»¹⁴⁶.

Во второй половине XVIII в. в России процесс становления антифеодальной идеологии только начинался и до организационного единства просветителей было еще далеко. Они на основе различных теоретических положений о происхождении государства искали мирные пути создания общества всеобщего благоденствия. Их искания в 60—80-е годы XVIII в. в значительной мере способствовали формированию последовательной просветительско-революционной концепции А. Н. Радищева, которая стала следующим шагом в развитии антифеодальной идеологии.

ПРОСВЕТИТЕЛИ О РОЛИ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

Наряду с вопросом о происхождении государства исключительно важное место в общественно-политической мысли второй половины XVIII в. занимала проблема воспитания человека и гражданина, его свободы и обязанностей. Она не была просто одной и отнюдь не главной стороной мировоззрения того или иного мыслителя, потому что обстановка идейной борьбы придавала ей остро политический характер¹. Вопросы воспитания человека, его свободы, обязанностей как гражданина были тесно связаны с вопросами взаимодействия верховной власти и общества, отношений человека с государством. Поэтому идеологи консервативного и просветительского направлений особое внимание уделяли не просто проблеме воспитания человека, а говорили о воспитании добродетельного и благородного гражданина — «истинного сына Отечества».

Следует отметить, что в екатерининскую эпоху правительству принадлежала инициативная роль в развитии культуры. Возникли различные научные общества, увидели свет многие журналы, получили импульс книгоиздательская деятельность и театр. В царствование Екатерины II были созданы Эрмитаж, Российская академия для изучения языка и литературы, расширена Академия художеств, открыты дворянские учебные заведения, начала формироваться система общеобразовательной школы.

Меры в области культуры, просвещения и воспитания были вызваны растущими потребностями дворянского государства, необходимостью его укрепления и дальнейшего развития. Для абсолютизма характерно стремление распространить свою оценку на все стороны жизни, в том числе на культуру, просвещение и воспитание. Екатерина II всегда выступала в этих сферах «законодателем мод», определяла направленность их развития, идейное содержание. Все предпринятое императрицей в области культуры укрепляло существующие социальные отношения. В области воспитания Екатерина II выдвинула и последовательно отстаивала идею «образцового послушания» народа государству, отождествляя последнее с личностью монарха. Эта идея красной нитью проходит через законодательную деятельность, политические, исторические и литературные сочинения императрицы. Она была сформулирована уже в «Наказе». Обосновывая характер верховной власти в России как самодержавной и неограниченной, Екатерина II писала, что цель существования этой власти заключается в

«предохранении безопасности каждого особо гражданина»², т. е. в обеспечении интересов подданных.

В этом вопросе, как справедливо отмечает О. А. Омельченко, политическая теория «Наказа» не только соприкасается с теорией «общего блага», но и развивает ее, так как «общее благо» рассматривается не как благо для всех, благо государства, а как требование обеспечить интересы каждого³. Направление развития теории «общего блага» было выбрано Екатериной II не случайно. Оно позволяло представить верховную власть снисходящей до каждого члена общества.

Общая направленность политической теории «Наказа» определила и трактовку понятия «вольность». Вольность, или свобода, не является по «Наказу» неотъемлемым свойством человека. Она ограничена узкими рамками, установленными верховной властью, и дарована подданному. Вольность заключается «в возможности делать то, что каждому надлежит хотеть, и чтоб не быть принуждену делать то, чего хотеть не должно»⁴. Поэтому гражданина характеризует прежде всего преданное отношение к самодержавной власти и законам, ею установленным. В остальном имеются довольно существенные различия между гражданами. По роли в политической организации государства они разделяются на повелителей и повинующихся, на чем основан «известный порядок» гражданского общества⁵. По роду занятий выделяются земледельцы, мещане, дворяне. Причем последние пользуются «разными преимуществами»⁶, основанными на добродетельности, которая отличает их от остальных подданных.

Закрепив за каждым сословием особые политические права, «Наказ» определил каждому человеку место в социальной структуре общества. Утверждение неравенства прав сословий разрушало тем самым выдвинутую концепцию «общего блага». Провозглашенное «блаженство для всех и для каждого» становилось красивой, но бесплодной фразой. Императрица утверждала, что основой благополучия людей являются труд, нравственные качества, душевное состояние⁷.

Разрабатывая положения «Наказа» о сословной структуре общества, о привилегиях и обязанностях сословий, Екатерина II вплотную подошла к вопросу о покорности. Именно социальное неравенство давало «начало всякого рода покорности», степень которой зависела от принадлежности к тому или иному сословию. Понятие «послушание», или «покорность», трактовалось самодержицей очень широко и включает в себя такие элементы, как повиновение всех подданных монарху, подчиненных — начальнику, слуг — господам, крестьян — помещикам, детей — родителям, учеников — учителям и т. д.

Задача формирования гражданина, а под ним понимался законопослушный подданный, возлагалась на воспитание. «Правила воспитания, — провозглашала Екатерина II, — суть первые основания приуготовляющие нас быть гражданами»⁸. Как видела воспитание державная «матерь Отечества»? Детям, считала она,

необходимо внушать страх Божий «как начала всякого целомудрия и вселять в них все те должности, которых бог от нас требует»⁹. Далее, надо прививать воспитуемым любовь к Отечеству, «почтение к установленным (а устанавливать их по «Наказу» мог только монарх. — В. М.) гражданским законам», но самое главное, «почитать правительство своего отечества», потому что только оно одно печется «по воле Божией о благе их на земле»¹⁰. Следующий важнейший момент воспитания Екатерина II видела в необходимости приучать молодых людей к «основательным и приличествующим состоянию их (т. е. сословному положению. — В. М.) правилам»¹¹. Кроме этого, императрица говорила, что с детства человеку надо прививать «охоту к трудолюбию», дабы он «страшился праздности», которая является источником «всякого зла и заблуждения». Родители и воспитатели не должны давать детям примеров дурных поступков, а наоборот, «научать пристойному в делах их и разговорах поведению, учтивости и благопристойности»¹² и, самое главное, «отвращению от всяких продерзостей», под которыми, на наш взгляд, понималось прежде всего выражение недовольства правительственной политикой. Таким образом, в «Наказе» был сформулирован охранительный и сословный подход к целям и задачам воспитания. С этих позиций Екатерина II и ее окружение стремились сформировать «новую породу людей».

Идея создания «новой породы людей» была заимствована императрицей у просветителей, и прежде всего у Руссо, который наиболее полно изложил ее в произведении «Эмиль, или О воспитании». Но у Руссо она имела другое содержание. Он считал, что современное ему общество, построенное на угнетении людей, его законы, мораль, нравственные принципы не соответствуют естественному закону, и поэтому выступил против общественного воспитания. «Я не вижу, — писал Руссо, — общественного воспитания... я не принимаю в расчет также светского воспитания, потому что оно способно производить лишь людей двуличных, показывающих всегда вид, что они все делают для других, а на деле всегда думающих о себе»¹³. При общественном строе, где существует сословное деление, «все места намечены, каждый должен быть воспитан для своего места». Любой человек, уходя со своего места, ни на что другое уже не способен. Воспитание в таком случае полезно настолько, насколько судьба человека согласуется со званием его родителей¹⁴. Не приемля современного ему общества, светского сословного воспитания, Руссо считал, что в воспитании надо ориентироваться на «человека вообще», так как «в естественном строе... люди все равны и их общее звание — быть человеком. Кто хорошо воспитан «для своего звания, тот не может быть дурным исполнителем и в тех же званиях, которые связаны с этим»¹⁵. Цель воспитания, по мнению французского просветителя, научить человека жить, чтобы он прежде всего оставался человеком. Если он будет так воспитан, то, «как бы судьба ни перемещала его с места на место, он всегда будет на своем месте».

Каждое человеческое существо, полагал Руссо, совершенно от природы и наделено способностью к творчеству и путем воспитания следует добиваться, чтобы природное совершенство засверкало новыми гранями. Это даст возможность перейти от состояния естественного к общественному. Формирование человеческой личности требует умственного, физического, нравственного и трудового воспитания. Человека при воспитании следует изолировать от общества, снабдить его истинными идеями и тем самым добиться общественной гармонии. Так может быть создана «новая порода людей», которые будут разумными, просвещенными, трудолюбивыми, равноправными и свободными.

Российской императрице сочинение Руссо «Эмиль, или О воспитании» пришлось не по нраву. Прочитав его в 1763 г., она заявила; «Особенно не люблю я эмильевского воспитания: не так думали в наше старое доброе время»¹⁶. На ввоз «Эмиля» в Россию был наложен запрет. Конечно, антиабсолютистская, антисословная суть воспитательных идей Руссо была для Екатерины II и консервативных идеологов неприемлема, но веяние времени заставило их предпринять попытку использовать просветительскую теорию о воспитании «новой породы людей». Надо было состыковать сословные принципы воспитания «старого доброго времени» с новыми, просветительскими. Екатерина II активно занялась этим с помощью Бецко. Последний в 1764 г. представил императрице «Генеральное учреждение о воспитании обоого пола юношества», где сформулировал цель воспитания следующим образом: «...произвести... новую породу или новых отцов и матерей, как бы детям своим те же прямые и основательные правила воспитания в сердце вселить могли, какие получили они сами»¹⁷.

В основу создания российской системы воспитания был положен сословный принцип, столь резко раскритикованный Руссо. В то же время идея изоляции человека от общества в период его воспитания, высказанная французским мыслителем, оказалась для самодержавия чрезвычайно полезной. В 60—70-е годы в русском обществе распространялись просветительские идеи, начал обсуждаться крестьянский и другие животрепещущие для России вопросы. В этих условиях свободное, неконтролируемое государством воспитание юношества могло привести к усвоению им нежелательных для самодержавия идей и положений. Воспитанию «новой породы» людей, просвещенных, трудолюбивых, преданных и послушных монарху, и издаваемым им законам должна была способствовать система закрытых учебных заведений. «Великое сие намерение (воспитать «новую породу людей». — В. М.) исполнить нет совсем иного способа, как завести воспитательные училища для обоого пола детей, которых принимать отнюдь не старше, как по 5-му и 6-му году», — писал Бецкой¹⁸. Принятые для обучения дети не должны были иметь «ни малейшего с другими сообщения, так что и самые близкие сродники хотя и могут их видеть, но не иначе как в самом училище, и то в присутствии их начальников. Ибо неоспоримо, что частое с людьми без разбору

(подчеркнуто Бецким. — В. М.) обхождение весьма вредитель-но»¹⁹. Добрые воспитатели и «знатные учителя» обязаны «возбуждать в них охоту к трудолюбию, приучать к приятному поведению, учтивости, благовоспитанности, соболезнованию о бедных несчастливых»²⁰.

В учебных заведениях, созданных по строго сословному принципу, учащиеся должны были получить определенную сумму знаний, положенных представителю того или иного сословия, четко усвоить свои права и обязанности согласно сословной принадлежности, а главное, должны были быть «отвращены от всякого рода продерзостей». Достигалось это старанием «вселить в юношество страх божий»²¹. В «Уставе императорского шляхетского сухопутного кадетского корпуса, учрежденного в Санкт-Петербурге для воспитания и обучения благородного российского юношества», была прямо сформулирована главная цель воспитания — «научение повиноваться, то есть не прекословить и не пересуждать никогда повелений или намерений своих начальников». Для этого предписывалось наблюдать, «чтоб дисциплина и повиновение были первым, а прочие наставления вторым основанием»²².

Оторванные от семьи и общества до 18—20-летнего возраста учащиеся этих учебных заведений готовились к занятиям, соответствовавшим их сословной принадлежности. Дворянина ждала офицерская или государственная служба. «Новый человек», прошедший обучение в воспитательном доме, должен был заниматься ремеслами и другими видами деятельности, предписанными его сословию. По образованию и воспитанию он отличался от дворян²³.

Екатерина II понимала воспитание шире, чем только обучение молодого поколения. Она стремилась воспитывать в духе «образцового послушания» все общество. Для этого императрица использовала самые различные средства воздействия на умы и формирования нужного самодержавию общественного сознания. Важнейшими из них она считала журналистику и литературу. Уложенная комиссия не выполнила своей задачи создать новое уложение, и с помощью законодательства ослабить остроту социальных противоречий в стране не удалось. Обсуждение крестьянского вопроса в комиссии, конкурс ВЗО показали пропасть между помещиками и крестьянами. После роспуска Уложенной комиссии о положении крестьян заговорили в обществе. Все громче звучали голоса несогласных с определенными аспектами правительственной политики. В такой ситуации императрица начинает борьбу за восстановление единомыслия, стремясь добиться «послушания» общества, всеобщей поддержки своей политики. Она обращается к журналистике. В 1769 г. начинает издаваться журнал «Всякая всячина», вдохновительницей и активной сотрудницей которого была сама императрица.

Существуют различные высказывания исследователей о задачах, которые преследовала Екатерина, решившись выступать на поприще журналистики, но при всех расхождениях мнений есть в них

одно общее. Исследователи едины в том, что «Всякая всячина» продолжила идейные споры в Уложенной комиссии, стала рупором, провозглашавшим положения официальной идеологии, выразила стремление Екатерины II принять на себя руководство общественным мнением.

Главной задачей «Всякой всячины» была борьба с недовольными политикой правительства. Журнал всячески порицал нежелательные для Екатерины высказывания, стремился увести критику от конкретных явлений жизни русского общества, подменить ее нравоучительными наставлениями, притупить остроту социально-политических противоречий. В нем избегали политических и социальных вопросов, но не тогда, когда они касались правительственной политики. «Всякая всячина» защищала существующую власть и рекомендовала людям быть покорными ей. Среди сформулированных Екатериной шести правил, которых следовало придерживаться, критикуя власть, любопытны пятое и шестое правила. Они гласили: «Чтобы впредь о том никому не рассуждать, чего кто не смыслит, и чтоб никому не думать, что он один весь свет может исправить»²⁴. Оба эти правила исходили из положений указа 1763 г. «О воспрещении непристойных рассуждений и толчков по делам до Правительства относящимся», названного Г. В. Плехановым «манифестом о молчании»²⁵. Таким образом, императрица как в законодательной, так и в журнальной деятельности преследовала одну цель: добиться удобного ей единомыслия общества, покорности и «образцового» «послушания» подданных.

Издание «Всякой всячины» дало толчок появлению множества сатирических журналов. Некоторые из них, например «Смесь», «Адская почта» Эмина и в первую очередь «Трутен» Новикова, вступили в длительную и ожесточенную полемику с правительственным официозом. Ее Екатерина II не выдержала. «Трутен» нанес «Всякой всячине» сокрушительное поражение. Императрица подверглась публичным нападкам, осмеянию и оказалась в крайне неловкой ситуации. Она решила сменить методы влияния на умы подданных. В 1772 г. Екатерина II берется за перо и выступает в роли драматурга. Литературной деятельности она отводила особое место, понимая силу художественного слова, степень его воздействия на формирование общественного сознания, на воспитание подрастающего поколения. В письме доктору Циммерману от 19 января 1789 г. императрица заявила, что свои сочинения которые «писала с удовольствием в разных родах», она считает посредственными безделками и авторство служит для нее лишь забавою»²⁶. На самом деле Екатерина II придавала большое значение как общему руководству развитием литературы, так и собственным драматургическим увлечениям, видя в этом одно из важнейших практических средств обоснования и защиты государственной политики.

Хронологически литературную деятельность императрицы можно разделить на два периода. Раннее творчество охватывает 60—70-е годы, когда политические, нравственные, педагогические, фи-

лософские воззрения государыни получали начальное литературно-художественное оформление. Период творческой зрелости приходится на 80—90-е годы, когда основные положения идеологической программы императрицы были развиты и литературно закреплены.

Екатерина II избрала комедийный жанр, и в 1772 г. одна за другой появились пять ее пьес: «О время», «Именины госпожи Ворчалкиной», «Госпожа Вестникова с семейю», «Передняя знатного барина», «Невеста-невидимка». Исследователи единодушно отмечают неразрывную тематическую связь драматических произведений царицы с традициями журнальной сатиры²⁷. Ю. В. Стенник идет дальше, утверждая, что «внезапный интерес Екатерины к драматургии только этой связью не исчерпывается»²⁸. Причину, побудившую императрицу заняться сочинением комедий именно в 1772 г., автор усматривает в напряженной обстановке внутридворцовой борьбы 1772—1773 гг., которая развернулась вокруг вопроса о женитьбе цесаревича Павла. Основным аргументом в защиту данной точки зрения является доминирующий мотив многих комедий — устройство женитьбы некоего молодого человека. Некоторые черты образа судьи Спесова и учителя внука Вестниковой дают основание Ю. В. Стеннику заподозрить в них намеки на личность Н. Панина. Комедии были доступны узкому кругу посвященных и приближенных к императрице лиц, а потому, как считает Ю. В. Стенник, «самолюбие монархини было удовлетворено, а возможность общественного протеста или ответной критики практически была сведена на нет»²⁹.

Подобная трактовка вопроса, на наш взгляд, не отражает истинного положения вещей. Дело в том, что комедии императрицы не только ставились на сцене придворного театра, но и распространялись печатными тиражами, о чем свидетельствует письмо фаворита императрицы Ермолова к княгине Е. Р. Дашковой³⁰. В нем, в частности, говорится о важности содержания одной из комедий императрицы для общества. Нетрудно понять, что все пьесы монархини имели значение общегосударственных установок.

Представляется, что Ю. В. Стенник, верно отметив политический характер увлечения императрицы театром, неоправданно сужает ее литературную полемику с идейными противниками до придворных интриг. Вполне возможно, что Екатерина могла использовать драматические произведения для осмеяния высокопоставленных, приближенных к императорскому двору особ и даже членов царской семьи, но главный смысл обращения Екатерины к театру мы видим в верности императрицы генеральной линии своего правления — защите существующего строя. Поэтому ее пьесы направлены на борьбу с теми, кто недоволен существующими в России государственными порядками. В них воплотились попытки государыни увести русское общество от обсуждения острых социально-политических и экономических проблем, на собственном примере показать, что и как можно обсуждать.

В комедиях «О время» и «Госпожа Вестникова с семейю» монархия обрушилась на «болтунов», стремившихся во всех грехах обвинить правительство. Это как правило, грубые и невежественные люди, которые не в состоянии достойно воспитать своих детей. Комедии иллюстрировали положения «Наказа» о воспитании как первоочередном факторе, определяющем нравственный облик человека. В «Именинах госпожи Ворчалкиной» в образе прожектера Некопейкова Екатерина II порицает тех, кто осмеливается рассуждать о государственных делах и давать свои «нелепые советы» правительству. Данный мотив комедии повторяет положение «манифеста о молчании» 1763 г., в котором императрица писала: «...противу всякого чаяния, к крайнему нашему... неудовлетворению, слышим, что являются такие развращенных нравов и мыслей люди, кои не о добре общем и спокойствии помышляют, но как сами заражены странными рассуждениями о делах, совсем до них не принадлежащих, не имея о том прямого сведения, так стараются заражать и других слабоумных»³¹.

Екатерина II стремилась также через свои литературные труды утвердить в сознании людей мысль «Наказа» о том, что недопустимо подданному рассуждать о политике правительства, поступках государя, социальных процессах, происходящих в русском обществе. Тот, кто позволяет себе подобную дерзость, убеждена императрица, будет осужден не только властью, но и народом. Недаром отповедь Некопейкову вкладывается в уста простой служанки Прасковьи: «Бедное бы состояние наше было, и несчастные б мы были люди, есть либ общее блаженство от твоей только безмозглой зависело головы, головы такой, которая и в ветошном ряду порядочного торгу производить не умела»³². Исследователи творчества императрицы склоняются к мысли, что в образе Некопейкова она высмеяла С. Е. Десницкого, поводом для чего послужил его проект реформ государственного устройства России, поданный Екатерине II в феврале — марте 1768 г.

Острые сатиры в руках венценосного автора было направлено против попыток вмешиваться в дела правительства не только со стороны подданных, но и со стороны иностранных граждан. В Оранбаре, персонаже комедии «Передняя знатного барина», все истории единодушно узнают просветителя, экономиста и правоведа Мерсье де ля Ривьера. Нам кажется более верным определение этого образа как собирательного, воплотившего в себе черты французских просветителей, писавших о России в конце 60-х — начале 70-х годов.

Оранбар, утвердившись в мысли, что жизнь в русском государстве подчинена варварским, грубым законам, приехал в Россию с целью приобщить народ российский к цивилизованному миру. Екатерина резко осуждает в пьесе попытки иностранцев вмешиваться во внутренние дела империи: «Вы, французы, — восклицает один из персонажей, — обо всем всегда говорить хотите: вы весь свет по своему переделать желаете... Всего того, чего у них не водится, то дурно, то непристойно. А зачем же, если у них дома

так хорошо, они по всему свету ездят хлеб себе доставить, браня тех, чей хлеб они кушают»³³.

Такую позицию императрица выражала не только в драматических произведениях. Известно, какое возмущение, а затем и отповедь в печати вызвало у нее описание поездки аббата Шаппа д'Оттроша в Сибирь. Предложения Дидро о реформах в России императрица назвала «сушим лепетом».

В последней из пьес 1772 г., «Невеста-невидимка», Екатерина II развивает важнейший тезис идеологической программы абсолютизма, выраженный в требовании к каждому подданному довольствоваться своим положением в социальной структуре общества. Провозглашенная здесь «умеренность во всем» в качестве генеральной линии поведения подданного лишала его активной жизненной позиции, собственного взгляда на вещи и события окружающей действительности. Герои пьесы «Невеста-невидимка» — сплетница и неряха Умкина, самовлюбленный и завистливый Умкин, крикливый тупица Мирохвват, брюзга Варчков — продолжали галерею отрицательных персонажей других комедий.

Однако обращаясь к жанру комедии, императрица преследует не только задачу вывести на посмеяние, морально унизить своих идейных противников. На сцене присутствует и группа положительных героев, контрастно противопоставленная своими взглядами на жизнь, на деятельность государственных органов и мероприятия правительства обличаемым персонажам. В их монологах затрагиваются разнообразные государственные проблемы и воплощаются авторские представления о высоконравственном человеке, благородном дворянине и благонадежном подданном. Например, на претензии Ханжахиной к властям Непустов отвечает, что «правительство имеет довольно попечения и расходов»³⁴, оно заботится о народе, являясь источником просвещения и прогресса. Он же напоминает о «должностях, которые свято наблюдать» обязаны все граждане государства, что «и снисхождение и любовь к ближнему есть также должности, законом нам предписанные»³⁵. Отправление должностей предписывалось подданному законом, четко было обозначено в «Наказе». Земледельцы «обрабатывают землю, из которой произрастающие плоды питают всякого состояния людей; и сей есть их жребий»³⁶; мещане «упражняются в ремеслах, в торговле, в художествах и науках»³⁷; основным «упражнением, приличествующим дворянам», названа военная служба³⁸. Кроме того, дворянам предписывается «любовь к отечеству, ревность к службе, послушание и верность к Государю»³⁹. Значительную смысловую нагрузку несет монолог Непустова, в котором он осуждает упадок нравственности в современном обществе, особенно среди молодежи. Здесь Екатерина стремится убедить подданных, в том, что если каждый будет заботиться о самосовершенствовании, стремиться к добродетельной жизни, то нравственный облик общества в целом станет прекрасен.

Дремов, положительный герой пьесы «Именины госпожи Ворчалкиной», восхваляет свободу мнений, царящую со времени вос-

шествия на престол Екатерины II: «Всякий волен сказать свое мнение, эту свободу у человека никто не отнимает»⁴⁰. Но устами других положительных персонажей своих комедий императрица давала понять, что свое мнение могут высказывать только люди, блюдущие «государственный интерес». Удел же остальных — повинование. С помощью того же литературного героя, Дремова, Екатерина II пыталась пресечь критику правительственного указа об учреждении сиротских домов и расхваливала это «благое постановление», разъясняя непонятным его целесообразность. Его словами она объясняла и причины нравственного упадка русского дворянства, которые заключаются прежде всего в праздности: «Когда прямога дела нет, так и всякая безделица удобна занять у людей праздных время...»⁴¹. Такой образ жизни приводит к «переговорам, злоречию, пересудам, празднословию», повышает интерес дворян к фигурам, подобным торговке Терентьевне, разносчице городских сплетен и циркулирующих в обществе слухов.

В комедии «Невеста-невидимка» Екатерина не только представила образ идеального подданного Доброва, но и показала перевоспитание брюзги Варчкова, чтобы убедить читателя и зрителя, «колько сильно действует над человеком добродетельные и добронравные примеры»⁴². В монологе Варчкова на передний план выдвигается мотив зависимости положения человека в обществе и его отношений с окружающими от нравственных качеств. Снисхождение, терпение, скромность, покорность, доброта, справедливость — вот добродетели, к приобретению коих должен стремиться каждый, дабы достичь благополучия в жизни. Показывая в пьесе конкретного героя, действующего в конкретной бытовой ситуации, Екатерина II делала свой, а значит, государственный идеал социально-пассивной, занятой нравственным самосовершенствованием личности, довольного своим положением и смиренного подданного, начертанный в «Наказе», более доступным для понимания.

В группе положительных персонажей кроме дворян введены также и слуги, усердные, честные, грамотные. С одной стороны, венценосный автор хотела убедить в том, что основой взаимоотношений повелителей и повинующихся должно быть почтение последних к первым. Бытовыми зарисовками императрица утверждала положение «Наказа» о том, что разрушение государства происходит тогда, «когда вкоренится умствование равенства до самой крайности дошедшего и когда всяк хочет быть равным тому, который законом учрежден быть над ним начальником»⁴³. С другой стороны, портреты добродетельных слуг призваны были доказать, что во всяком звании, независимо от социального положения в обществе, человек может быть счастлив и благополучен, что не система государственного устройства определяет судьбу человека, а его нравственный облик.

Однако единомыслия в обществе, образцового послушания всех подданных, одобрения и поддержки правительственной политики Екатерине II добиться не удалось. Оппозиционные на-

строения не исчезли и нападки на правительство продолжались. Русские просветители показали, что императрица оставалась деспотом и ничего общего с идеалом «просвещенного монарха» не имела. Крестьяне на заботы «матери Отечества» ответили мощной крестьянской войной под предводительством Е. И. Пугачева.

С 1773 г. вплоть до начала 80-х годов императрица не занимается литературным трудом. Главной, на наш взгляд, причиной охлаждения Екатерины II к столь любимому ею занятию и была война с крестьян. Она со всей очевидностью показала крах политики «просвещенного абсолютизма». Императрица прибегла к силе императорской власти, ужесточив цензуру, а затем и вовсе прекратив издание оппозиционных журналов. Перо писателя она сменила на перо законодателя.

Пошатнувшийся престиж монархии надо было укреплять. Огромную роль в этом сыграла одическая поэзия. Василий Петров, Ермил Костров, Ипполит Богданович воспевали в одах государыню как «премудрую мать Отечества», «законодательницу». Старалась возвысить себя и сама Екатерина II. В 1777 г. она составила «выпись из Наказа, данного Комиссии о составлении проекта нового уложения», получившую название «Российской апофегмат». Задачей данного сборника, справедливо замечает Г. П. Макогоненко, было внушить подданным мысль о наличии в России политических свобод, полного благополучия. «Апофегмат» утверждал, что блаженство уже наступило⁴⁴, что в России существует самый справедливый строй, цель которого «есть слава граждан, государства и государя», вольность. Есть, правда, бедные и убогие, но они таковы, потому что не трудятся. В «Апофегмате» была повторена программа воспитания, данная в «Наказе».

В обстановке укрепления дворянской диктатуры, полицейских функций государства Екатерина II понимала, что необходимо усилить идеологическое воздействие на общество. В начале 80-х годов она вновь начинает активно заниматься вопросами воспитания. Императрица, стремясь не допустить или по крайней мере ослабить влияние просветительских идей на подрастающее поколение и воспитать «истинных граждан-патриотов», преданных самодержавию, провела в 1782 г. школьную реформу. На нее Екатерина возлагала большие надежды. «В 60 лет, — говорила она своему статс-секретарю, В. Храповицкому, — все расколы исчезнут; коль скоро заведутся и утвердятся народные школы, то невежество истребится само собой; тут насилия не надобно»⁴⁵.

Несомненно, значение этой реформы было велико. По сути дела, создавалась система общеобразовательной школы, что отвечало возраставшим потребностям страны в образованных людях. Закрытые сословные учреждения удовлетворить эти потребности не могли. Императрица это понимала, но для нее было важно и другое. С созданием народных училищ расширялся круг людей, которые могли быть охвачены системой официального государственного воспитания. Поэтому Екатерина II и говорила, что расколы (надо понимать в обществе) через 60 лет исчезнут. Види-

мо, за такой срок она считала возможным с помощью единой системы воспитания добиться необходимого самодержавию единомыслия общества.

В 1783 г. была издана по высочайшему повелению Екатерины книга «О должностях человека и гражданина...», представляющая собой труд известного австрийского педагога Иоганна Фильбиргера⁴⁶. Русский перевод, где были опущены разделы относительно крестьян, вероятно, был отредактирован самой императрицей и объявлен обязательным учебником для всех учебных заведений страны. Книга «О должностях...» стала не только манифестом педагогических воззрений самодержавия; в ней в завершенном виде была представлена политико-идеологическая доктрина русского абсолютизма.

Исходным положением общей концепции книги служило утверждение тезиса о богоустановленности существующих общественных отношений. По этой причине религиозному воспитанию в народных училищах отводилось большее место, чем в закрытых сословных учебных заведениях. По соизволению Бога, говорилось в книге, установлены различного рода союзы между людьми: супружеский, родителей и детей, господ и слуг, гражданский. Основопологающим принципом связей людей в них объявлялся принцип повиновения: жены — мужу, детей — родителям, слуг — господам, подданных — правителям.

В книге утверждалось, что рабство существовало от сотворения мира, соответствовало и божеским и человеческим законам. Рабы и слуги должны любить и почитать своих «домонаrchальников» и «по званиям своим повиноваться... искренно и от всего сердца», во всем им угождать, полезные дела для них делать, а также «уреченною и определенною платою довольствоваться»⁴⁷. В книге последовательно проводится требование беспрекословного подчинения правителям и начальникам. Слово «гражданин» в ней если и употреблялось, то чаще как синоним слова «горожанин». Под гражданами понимались подданные — «все находящиеся в государстве люди», которые «государю или правящим особам повинуются»⁴⁸. Правитель государства, имея власть от бога, печется о благополучии своих подданных, издает и охраняет законы, со всей справедливостью распределяет общественные блага, лишая «себя покоя, забав и выгод для доставления спокойствия и выгод подданным своим»⁴⁹. Благополучие заключается не в вещах, не в богатствах, земле и так далее, а в самих людях. Благополучен человек в том случае, если его «душа хороша, от беспорядочных желаний свободна, тело здорово», а самое главное, если он доволен своим состоянием. Во всяком звании, утверждала книга, можно быть благополучным и нет.

Благополучен тот, кто добродетелен и выполняет «должности своего звания», которые должен «основательно разуметь». Исполнение обязанностей — высшая добродетель подданного. Он должен почитать правителей своих за их благодеяния и покровительство; повиноваться законам и уставам; охотно и усердно нес-

ти подати, службы, оказывать послушание и верность государю и установленным им властям⁵⁰. Самая главная должность каждого члена государства — любовь к Отечеству. Подданный должен показывать ее, строго следуя своим сословным обязанностям. Но есть общие для всех «должности», четкое соблюдение которых позволит человеку называться истинным сыном Отечества. Он не должен ничего говорить и делать предосудительного против правительства. Роптание, «худые рассуждения, поносительные и дерзкие слова» против государственного учреждения и, главное, правления — преступления против Отечества⁵¹.

Истинный сын Отечества обязан безоговорочно почитать монарха и повиноваться его законам даже в том случае, когда «думается, что законам таковым быть не долженствовало»⁵². Он должен быть уверен, что только монарх «может бесчисленные, полезные дела государству совершать». Истинный сын Отечества не имеет права рассуждать о недостатках правительства и законов, потому что отдельный человек не может «в государстве всего видеть... дабы справедливо рассуждать». Только начальники «могут и должны» видеть и определять, что способствует общему и личному благу, а что нет⁵³. Подданный должен действительно повиноваться государству, отдавая ему свои способности и умение по первому требованию всезнающего начальства.

Таким образом, в книге «О должностях...» проводилась идея полного подчинения человека государству и монарху, доказывалось, что счастье и благополучие людей зависят не от положения занимаемого ими в обществе, а от духовного воспитания. Вопрос о благосостоянии, патриотизме, следовательно, переносился из области социальной в моральную. В книге настойчиво утверждалось и пропагандировалось образцовое послушание монарху, закону, различным начальникам. Только законопослушный, преданный монарху подданный независимо от своего сословного положения может считаться патриотом, истинным сыном Отечества.

Екатерина II считала, что идеи книги «О должностях...» надо шире распространить в обществе, закрепить их в умах не только учащихся. Она вновь обратилась к литературной деятельности. В начале 80-х годов из-под пера императрицы выходят «Выбранные российские пословицы», «Продолжение начального учения», две сказки, «Записки I части», «Разговор и рассказы».

Если рассказы и сказки являлись по форме художественными произведениями, то остальные сочинения Екатерины представляли собой набор коротких сентенций морализирующего характера. Это были поучительные иллюстрации к правилам воспитания, изложенным в книге «О должностях...». Давались примеры практического применения этих правил. Практически ничего нового в них не содержалось. Все тот же примат воспитания над обучением, «благодетель» над просвещенным разумом, все то же требование умеренности в потребностях, терпения в страданиях и трудах, безусловного повиновения государю и начальникам,

скромности в поведении. Основой счастья людей, особенно простолюдинов, объявлялось, как и прежде, трудолюбие.

Среди драматических произведений императрицы 80-х годов можно выделить комедии: «Недоразумения», «Думается так, а делается инако», «Что за шутки», «Неожиданное приключение», пьесе «Разстроенная семья осторожками и подозрениями». В них она по-прежнему утверждала положения книги «О должностях...». Литературное творчество Екатерины II в 80-е годы было продолжением ее журналистской и литературной деятельности 60—70-х годов. В популярной форме она пропагандировала идеи воспитания образцово послушных монарху подданных, защищала «Наказ» и книгу «О должностях...» от критики, которую развернули русские просветители. Императрица, отмечает В. Ф. Солнцев, «принуждена была считаться с... нападками на правительство, если она сочла нужным устами действующих лиц отвечать на них»⁵⁴.

Мы столь подробно рассмотрели педагогические воззрения русской императрицы потому, что они являлись основой общегосударственной системы обучения и воспитания законопослушных самодержавию подданных, отождествляли личность государя с государством. Именно они, на наш взгляд, определяли программу социальной литературы идеологов консервативного направления. Последние считали, что воспитание должно носить сословный характер, что каждый подданный должен получать соответствующий объем знаний для выполнения своих обязанностей, утверждали вслед за Екатериной II примат воспитания над обучением. Особое внимание они обращали на дворянство, говорили о необходимости его воспитания как правящего сословия, основной привилегией которого была служба государству. Идеологи консервативного направления в целом разделяли идею образцового послушания и поддерживали екатерининское понимание гражданина и патриота⁵⁵. Но они не всегда соглашались с императрицей, указывавшей на полную зависимость дворян от верховной власти, а поэтому позволяли себе «худые рассуждения» и «поносительные, дерзкие» слова в адрес правительственной политики, двора, самой Екатерины. Это вызывало ее недовольство.

Еще большим было оно от иного понимания задач обучения и воспитания. Русские просветители верили во всеислие просвещения в деле общественного преобразования. Существующие в обществе беззаконие, несправедливость, считали они, связаны с низкими нравами, а последние зависят прежде всего от уровня культуры и образования. Путем воспитания можно переделать любого человека независимо от его сословной принадлежности. Основу воспитания просветители видели в просвещении разума науками. С его помощью они хотели сформировать высокообразованных, высоконравственных, трудолюбивых граждан, «истинных сынов Отечества», которые своей активной деятельностью будут содействовать развитию государства, борьбе со злом. У просве-

тителей государство в свете принципов общественного договора отождествлялось с обществом, а не с Екатериной II.

Я. П. Козельский одну из основ внутреннего благосостояния общества видел в добронравии. Лучшим средством его введения просветитель считал «доброе воспитание детей, которые, возмужавши в добродетельных наставлениях, сами могут пребыть добродетельными и сверх того и детям своим подадут к тому руководство»⁵⁶. Козельский не соглашался с теми, кто считал первичным в воспитании просвещение разума, а не воспитание добродетели, потому что «надежнее из добродетельного человека сделаться умным, чем из умного добродетельным»⁵⁷. До определенного возраста, говорил он, детей следует обучать добродетели, то есть «приятному, чистосердечному и безобидному с своими близкими обхождению»⁵⁸, а уже впоследствии тех, кто будет тверд в добродетели, обучать наукам для выполнения «должности в гражданском или другом каком качестве»⁵⁹. Те, кто окажутся к добродетели несклонными, не следует допускать к наукам, так как для благополучия общества и «простой злодей предан, а ученый уже не только несносен, но и совсем его погубить может»⁶⁰.

В отличие от Екатерины II и сторонников ее системы воспитания Козельский считал, что человек в любом «гражданском или ином состоянии» должен служить только обществу, а в нем «всяма бесполезны великия различия состояний человеческих... а лучше им быть посредственным так, чтоб одни люди не могли презирать и утеснять других, а другие не имели бы причины много раболепствовать»⁶¹. Назначая на должности, полагал он, следует отбросить сословный принцип, а кроме того, необходимо обращать внимание на «темпераменты, воспитание, качество разума, качество духа и качество сердца»⁶². Начальники должны требовать не слепого повиновения, чем под видом общей пользы «искусно утесняют своих близких», а «смотреть за подчиненными, чтоб они не были праздны, а находились бы в законном труде»⁶³. Козельский, как и многие просветители, находил, что улучшать положение народа следует не только просвещением, но в первую очередь через «облегчение трудностей»⁶⁴. Воспитание добродетели, исправление нравов, просвещение, не раз подчеркивали просветители, несовместимо с насилием, порочными стремлениями, угнетением человека. Поэтому гарантией воспитания истинного сына Отечества, расцвета просвещения является свобода человека, одно из его неотъемлемых естественных прав. Рейналь и Дидро в русских разделах «Истории обеих Индий» указывали, что деспотизм обрекает русских людей на беспросветное и униженное состояние. Французские просветители были убеждены в том, что именно поэтому все меры, предприятия Екатериной II для улучшения просвещения и воспитания, потерпят или уже потерпели крах. Рейналь и Дидро считали совершенно бесполезным на данном этапе посылать русских людей для обучения за границу и создавать школы: «Возвратившись из своего путешествия и приспособляясь к тем неблагоприятным условиям, в которых им при-

дется искать себе средств к жизни, эти молодые люди вынуждены будут оставить без употребления свои таланты» (III, 114). Бесплодно также приглашать в Россию ученых и специалистов из цивилизованных стран, так как эти «экзотические растения погибнут в стране, как погибают иностранные растения в наших оранжереях» (III, 114). Написано это было в начале 80-х годов, когда, как мы уже говорили, Рейналь и Дидро окончательно убедились в том, что Екатерина не является «просвещенным монархом». Русские просветители сделали такой вывод в отношении императрицы несколько раньше, а в 80-е годы их оппозиционные настроения к екатерининскому самодержавию усилились. Воспитание истинного сына Отечества, патриота, беспокойство о новых людях, судьбах подрастающего поколения неразрывно связаны в их произведениях с формой государственной власти. Наиболее ярко такая взаимообусловленность и неразрывность выражены у Д. И. Фонвизина, Н. И. Новикова, А. Н. Радищева.

Эти вопросы проходят через многие произведения Д. И. Фонвизина: «Бригадир», «Недоросль», «Добрый наставник», «Выбор гувернера», «Гофмейстер», «Письма к Фалалею»⁶⁵ и др. Но наиболее полно они представлены в его пьесах. В них Фонвизин изобразил паразитизм, невежество, скудоумие, человеконенавистническую мораль дворян-крепостников. Просветитель показал, что дворяне, кичащиеся своим благородством, утверждающие, что только они, служа отечеству, могут именоваться истинными патриотами, таковыми не являются. В образах Иванушки и Советницы осмеяны пороки модного воспитания, галломания русского дворянства, отражено, как определенные представители дворян, раболепствуя перед всем французским, презрительно относятся к своей Родине. «Тело мое родилось в России, — восклицает Иванушка, — но дух мой принадлежал короне французской», и Советница скорбит о том, что она русская и этот недостаток «ничем загладить уже нельзя». Не меньшим «патриотом» предстает перед читателем Бригадир — военный, призванный защищать Отечество. Вспоминая о сражениях, Бригадир говорит о тех моментах, когда он отличился не служа родине, а корысти своей ради. Целью службы для Советника стало личное обогащение. «Как решить дело, — излагает он свое кредо, — за одно свое жалование?... Это против природы человеческой»⁶⁶. Бригадирша, унижаемая мужем, жестоко расправляется со своими крестьянами. Советник выдает крестьянам хлеб и овес сам, переведя их на «застольное». Беспредельный эгоизм, неблагодарность господствуют в помещичьей среде. В чем причина такого положения? Почему дворяне забыли о своей чести и благородстве, превратились во взяточников, корыстолюбцев, видящих в служении Отечеству только личную выгоду, а не гражданский долг? Ответ на эти вопросы Фонвизин дает словами положительного героя Добролюбова: «Все-му причиной воспитание». Именно порочность воспитания ведет к уродству русской жизни, считает Фонвизин. «Молодой человек, — говорит один из его персонажей, Иванушка, — подобен воску. Еже-

ли б malheureusement и я попался к русскому, который бы любил свою нацию, я, может быть, и не был бы таков»⁶⁷.

«Бригадир» написан в 1769 г., когда еще свежи были воспоминания о дебатах в Уложенной комиссии, где дворяне, отстаивая свои права и привилегии, ссылались на свое благородное происхождение и заслуги перед отечеством. Фонвизин в комедии показал, что представляло собой «благородное» российское дворянство. Он, в отличие от Екатерины, подверг осмеянию типичную российскую действительность, а не отдельные пороки и их носителей. Правда, видя главную причину бедствий России в неправильном воспитании, Фонвизин еще не связывал ее в тот период с существующим самодержавным строем. Это он сделал в комедии «Недоросль», написанной в 1782 г., которую исследователи называют вершиной его литературного творчества. В этом произведении поставлены три проблемы: крепостное право, воспитание дворянина, верного служебному долгу, и форма власти. У Фонвизина они находятся в неразрывной связи. Обличая в образах Простаковой и Скотинина помещичий произвол, просветитель показал, что крепостное право развращает и уродует помещиков, превращает их в невежественных людей, думающих только о личной выгоде, забывших о чести и долге перед Отечеством. Крепостное право губительно действует и на крестьян, делая из них рабов не только по положению, но и по сознанию (Еремеевна). Среда невежд, ханжей, туенядцев порождает себе подобных.

В «Недоросли» Фонвизин высмеял методы воспитания, бытовавшие в большинстве поместий провинциальных дворян. В домашние учителя приглашали малообразованных, невежественных людей. Несведущие в науках, бескультурные родители, чтобы не отстать от моды, нанимали иностранцев, которые до этого никогда воспитанием не занимались. И таких учителей было превеликое множество. «Не я первый, не я последний, — говорит Вральман. — Три месеца ф Москве шатался пез мест, кутчер нихте не ната. Пришло мне липо с голот мереть, либо ушить»⁶⁸. Словами Простаковой Фонвизин высказал истинное отношение многих провинциальных дворян к образованию. «Без наук люди живут и жили, — говорит она Стародуму. — Покойник батюшка воеводою был пятнадцать лет, а с тем и скончаться изволил, что не умел грамоте, а умел достаточек нажить и сохранить»⁶⁹. Вот главная ценность для дворянина, а «ученье вздор».

Фонвизин не только смеется над «познаниями» Митрофана, нежеланием учиться, но и с негодованием показывает его суть — суть крепостника, готового «за людей приниматься», готового на любое предательство ради собственной выгоды. «Вот злонравия достойные плоды», — восклицает Стародум, глядя на Митрофана. Иного и быть не могло, считал Фонвизин, так как семья, где Митрофан воспитывался, была лишена благонравия и добродетели — этих главных целей «всех знаний человеческих». Крепостное право — зло, оно калечит подрастающее поколение. Это

возможно в России потому, что здесь господствует самодержавный строй.

В 80-е годы Фонвизин пришел к выводу, что Екатерина II вовсе не является «государем премудрым», потому, что «слава премудрости та, чтоб править людьми, потому что управляться с истуканами нет премудрости»⁷⁰. Здесь Фонвизин явно намекает на екатерининское желание добиться в России всеобщего послушания. «Достойный престола государь, — по его мнению, — стремится возвысить души своих подданных»⁷¹. Двор Екатерины II погряз в интригах, коррупции. При дворе «по большой прямой дороге никто почти не ездит, а все объезжают крюком, надеясь доехать поскорее», «один другого сваливает», «себя любят отменно, о себе одном пекутся»⁷². Придворные не думают об отечестве. Поэтому Стародум «ушел от двора». Воспитание и принципы не позволяли ему более там оставаться. Правдин возражает Стародуму, что с его правилами надо приглашать людей ко двору для исправления нравов, потому что к больным всегда вызывают врача. На это Стародум отвечает, что «тщетно звать врача к больным неисцельно. Тут врач не пособит, разве сам заразится»⁷³.

Россия, дает понять Фонвизин, больна. Но лечить ее должна не Екатерина II, приверженная деспотизму, виновная в преступлениях простаковых и скотининых, а истинно просвещенный монарх. Об этом просветитель писал более подробно в «Рассуждении о неперемненных государственных законах». Он возлагал надежды также на воспитание дворян в духе истинных сынов отечества. Стародум, а именно его устами говорил Фонвизин, считает, что «оно должно стать залогом благосостояния государства»⁷⁴. «Ну что, — размышляет Стародум, — для отечества может выйти из Митрофанушки, за которого невежды-родители платят еще и деньги невеждам-учителям? Сколько дворян-отцов, которые нравственное воспитание сына своего поручают своему рабу крепостному?»⁷⁵. Воспитание нравственности, а под ней Фонвизин понимал благонравие, добродетель, должно быть первостепенным. В этом Фонвизин солидарен с Я. П. Козельским. Перво-наперво необходимо воспитывать благонравие, говорит Стародум Правдину, а затем уже обучать человека, «потому что просвещение возвышает одну добродетельную душу».

Фонвизин, как и Козельский, считал, что «наука в развращенном человеке есть лютное оружие делать зло»⁷⁶. Воспитывая человека, дворянина прежде всего, ему необходимо показать, «как великие люди способствовали благу своего отечества» и как «вельможа недостойный, употребивший во зло свою доверенность и силу, с высоты пышной своей знатности низвергся в бездну презрения и поношения»⁷⁷. Воспитанный в благонравии и добродетели человек должен иметь сердце, иметь душу, потому что «невежда без души — зверь. Самый мелкий подвиг ведет его во всякое преступление»⁷⁸.

Добродетельным, по мнению Фонвизина, может быть любой человек, следует только захотеть, а там «всего будет легче не делать того, за что б совесть утрызала»⁷⁹. Только совесть человека, считал он, является единственным средством удержания его от недобродетельных поступков. Необходимо устроить в обществе так, чтоб без благонравия никто не смог выйти в люди, только за благовидные дела должен награждаться человек, места и чины получать должны те, кто их достоин⁸⁰. Счастливы в отечестве не тот, кто знатен и богат, а тот, кто сделал больше для него, кто «отсчитывает у себя лишнее, чтоб помочь тому, у кого нет нужного»⁸¹. Без знатных дел, провозглашал Фонвизин, знатное состояние ничего не значит. Знатный человек, а у Фонвизина, на наш взгляд, это синоним истинного патриота, сына Отечества, должен добиваться, чтобы всем людям было хорошо.

Таким образом, в противовес взглядам Екатерины II, стремившейся к воспитанию добродетели в смысле преданности и слепого подчинения монарху, что и делало людей в понимании императрицы патриотами, истинными сынами Отечества, Фонвизин выдвигал свою программу воспитания. Необходимо заметить, что он тоже ставил нравственное воспитание на первый план. Но цель у него была иная, чем у Екатерины II. Фонвизин утверждал, что страна должна получить не законопослушных «истуканов», а добродетельных граждан, целью жизни которых будет совершение добра, верность долгу, бескорыстное служение отечеству, борьба с угнетением и несправедливостью. В этом он видел суть воспитания и считал, что «иметь приличное себе воспитание» должно «всякое состояние людей».

Если Фонвизин в основном уделял внимание вопросам воспитания «дворянского состояния», то В. Я. Поленов в своей конкурсной работе писал о необходимости воспитания крестьян. В нем он, как и все просветители, видел средство для исправления «рабского состояния и бедности наших крестьян», общественных пороков. По его разумению, «нерадение общественного воспитания» является причиной «великим бедствиям». Поленов сожалеет о том, что об этом мало думают, что нет еще «такого расположения, которое бы с пользою могло быть употреблено в общенародном нравов исправлении»⁸².

Крайне важно понять, писал просветитель, что между воспитанием и народным благополучием существует неразрывный союз. Без первого не будет и второго. Следует «просветить народ учением, сохранить его здоровье чрез приобщение к трудолюбию и чрез телесные упражнения, наставить при помощи здравого нравов учения на путь добродетельной жизни»⁸³. Этому должно уделять особое внимание в законодательстве и «наибольшее их старание должно в сем обращаться»⁸⁴.

На пути улучшения воспитания в России, писал Поленов, имеется много препятствий — «иных нетерпение или непросорливость, других незнание или собственная корысть, не упоминая многих других подобных сим причин». Известно, замечает Поле-

нов, что простой народ подвержен великим порокам: невежеству, суевериям, невоздержанию, лени, легкомыслию. Они «делают нам его (народ. — В. М.) не только презрительным, но и в некоторых случаях и ненавистным»⁸⁵. В России некоторые думают, что для исправления пороков необходимы строгости, принуждения и казни. Однако такой подход «больше может служить крастравлению, нежели к исцелению ран». Только с помощью воспитания «можно преобразить каждого человека, какого бы он состояния не был»⁸⁶.

Высказав общие для эпохи Просвещения сентенции о воспитании, которые разделялись и просветителями и консерваторами, но использовались ими с разной целью, Поленов предложил программу воспитания крестьян. Необходимо, говорил он, учитывать условия крестьянской жизни. Дабы направить крестьян к добродетельной жизни, следует заняться их образованием, причем с малолетнего возраста. В каждой деревне, по возможности, надо учредить школу, где крестьянские дети будут учиться читать и писать и получать первые «основания веры». В малых деревнях, где свои школы завести невозможно, дети для обучения должны ходить в ближние школы. Каждый крестьянин обязан в зимнее время отсылать своих десятилетних детей в школу, «дабы они, заблаговременно научась чему должно, по их состоянию, по возмужании своем не имели никаких препятствий в работе»⁸⁷. На первый раз детей крестьян необходимо обеспечить нужными книгами бесплатно, в дальнейшем они должны им продаваться по «самой малой цене», для облегчения крестьянской бедности. Следует подготовить азбуку, где была бы «церковная и гражданская печать, также прежняя российская и ныне употребляемая цифирь, и присоединить к оной самый простой катехизис»⁸⁸. Обучение в крестьянских школах должны вести дьячки и священники, которые обязаны быть не только образованы, но и непорочны в жизни, потому что «пример такой особы может больше действия произвести, нежели высокие рассуждения, превышающие простых людей понятия»⁸⁹. Священникам и дьячкам следует хорошо разбираться в хозяйственных вопросах, «ибо крестьянин, видя пользу в своем деле, лучше может оную уразуметь, нежели на словах или с принуждения»⁹⁰.

В отличие от Козельского и Фонвизина Поленов считал, что обучение и нравственное воспитание надо проводить одновременно. «Священник, — писал он, — должен в самой церкви учить крестьян божью слову, искоренять в них суеверия, внушать почтение, любовь и верность государю, усвещивать к добродетельному житию и трудолюбию, притом сколько можно просто, с приличною кротостью и без дальних околичеств»⁹¹. Он также обязан контролировать работу школы, исправлять имеющиеся недостатки, «свидетельствовать крестьянских детей в их обучении и толковать им катехизис по воскресеньям и праздничным дням в церкви»⁹². За свой труд священник и дьячок должны почитаться, иметь пропитание и одежду, «получить впредь за свои труды

приличное награждение». «Для честного пропитания» им следует предоставить землю и дом «со всем, что принадлежит к домо-строительству». Первое обеспечивается за счет дворянина или управителя, а второе — консисторией. В своей деятельности дьячок и священник зависят только от епископа и консистории⁹³.

Таким образом, воспитательная программа Поленова предусматривала начальное обучение и нравственное воспитание крестьян, организацией которых должны были заниматься не дворяне, а государство и церковь. Она была направлена на исправление пороков, на воспитание не просто законопослушных людей, слепо повинующихся государю и помещику, а «добрых граждан», осознающих, что их благополучие немыслимо без выполнения ими «всех должностей человека», понимающих обязанности своего «состояния».

Идея воспитания «добрых граждан», счастливых и полезных отечеству, его патриотов была центральной в воспитательной программе Н. И. Новикова. Как и все просветители, он полагал, что «процветание государства, благополучие народа зависят неотменно от доброты нравов, а доброта нравов — неотменно от воспитания»⁹⁴. Если в обществе повреждены нравы, то перестают быть благотворительными законодательство, религия, благочиние, науки и художества. «Стремительная волна развращений, — рассуждал Новиков, — обессиливает законы, обезоруживает религию, прекращает успех всякой полезной науки и делает художества рабами глупости и роскоши»⁹⁵. Только воспитание — подлинный творец нравов. У воспитанного человека появляется «привычка к порядку». На истине и знании основывается его гордость за свой народ. Человек через воспитание получает любовь к простоте и «к натуре со всеми человекодружественными, общественными и гражданскими добродетелями»⁹⁶. Достижение совершенства в воспитании ведет, по мнению Н. И. Новикова, к идеальному состоянию общества и «законы успевают тогда сами собою: религия в величестве своем исполнена простоты, пребывает тем, чем вечно ей быть надлежало, то есть душою всякой добродетели и твердым успокоительным предметом духа»⁹⁷, науки являются настоящим источником выгод для государства, ремесла способствуют украшению жизни, «дают благородства чувству, становятся ободрительным следствием добродетели»⁹⁸.

Люди всякого сословия, считал Новиков, при совершенном воспитании с успехом будут выполнять свои обязанности, отличаться трудолюбием, хорошим ведением хозяйства. Все это «доставит и самому многочисленному народу безопасность от недостатка и удовольствие своим состоянием»⁹⁹. Воспитание юношества — необходимая и первая забота правителя страны, каждого отца семейства, но дело это весьма трудное и запутанное. И хотя им занимается сама императрица, родители, воспитание далеко от совершенства. Беспечность и небрежность в этом деле недопустимы. Именно из-за них среди вступающего в свет юношества «нередко бывают худые люди и негодные граждане». О том, что

это так, Новиков неустанно говорил в своих журналах и в работах о воспитании. Огромные затраты не идут на пользу воспитуемым, писал он, ибо деньги часто употребляются на то, чтобы «сообщить им некоторые знания и способности, которыми они могли бы блистать в свете», но воспитанием добродетели в то же время пренебрегают и «делают сердце их чувствительным только к малостям или совсем к глупости и пороку», а не «к добру, благородству и величеству»¹⁰⁰. От этого и появляются Безрассуды, Змеяны, Недоумы, Забылчести, Прелесты и многие другие, погрязшие в невежестве, жестокостях и пороках дворяне. Основное занятие их — есть, пить и спать. Сын одного дворянина из Каширы «упражняется в весьма полезных делах для пользы земных обитателей, ибо он изыскивает, может ли боец-гусь победить на поединке лебедя»¹⁰¹. Дворяне сами, как правило, невежественные, нанимая таких же учителей, не стараются «приучать разум их (детей. — В. М.) к правильному размышлению и вести к познанию истины и добра», а «наполняют головы их ветром».

Новиков показывает, что учителями в домашнем воспитании дворян выступают, как правило, далекие от этого люди. Безрассуд лишился рассудка, прочитав книгу Фонтенелля «Разговоры о множестве миров», потому что воспитан был «под присмотром старушки, которая все известные простонародные басни о сотворении мира в самом еще младенчестве ему затвердила». Он «не достиг... совершенного ума» к зрелому возрасту, и с годами углублялись его невежество и суеверие¹⁰². Не лучше были и учителя-иноземцы, которых нанимали дворяне, следуя моде. Довольно часто это были не только невежды, но и преступники, которые, «буде не хотят обедать, ужинать и ночевать в Бастилии», приезжали в Россию с намерением вступить в должность учителя¹⁰³. Один такой учитель-француз сформулировал свою цель: «Какая мне нужда, что они ни за что станут бросать свои деньги, лишь бы я получил оные. Добрые ли будут иметь склонности воспитанники мои или худые, для меня все равно, лишь бы только воспитались они с любовью ко французам и с отвращением от своих соотечественников»¹⁰⁴.

Мало проку, считал Новиков, и от обучения дворянских детей за границей. Развращенные невежеством и ленью дома, обучаясь там, молодые люди предаются больше веселию, праздному времяпрепровождению, чем овладению науками. Отсюда скудость их познаний, а чаще всего отсутствие таковых. Ну как не сравнить познания Митрофанушки в географии с познаниями философии лоботряса, окончившего один из немецких университетов. «Философия, — говорил он, — есть не что иное, как дурачество, а совершенный философ есть совершенный дурак»¹⁰⁵. Горько звучат слова Новикова о том, что «ученые дураки гораздо больше делают вреда государству». И в немецких университетах разума не продают, говорил просветитель, его воспитывают благовыбранным чтением, опытом и размышлением.

Пренебрежительное отношение к наукам вполне естественно для «староманерного общества», на которое обрушивался Новиков. Он дал целую галерею образов «староманерных людей, уверенных в том, что деньги получают, деревни наживают, приобретают себе покровителей не знанием, а потому не видящих в науках никакого толку. Все они убеждены в том, что «глупы те люди, которые в науках самые прекрасные лета погубляют»¹⁰⁶. Отсутствие потребности в знаниях, духовной жизни, тунеядство, ханжество, аморальность, безнравственность, поразившие дворянство и в целом общество, можно исправить только воспитанием, считал просветитель.

В трактате «О воспитании...» Новиков отмечал, что воспитание включает в себя три основные части: 1) физическое воспитание, дабы дети были здоровы и имели крепкое телосложение; 2) не менее важное воспитание нравственное, без которого «никакой человек не может быть ни довольным и счастливым, ни добрым гражданином, если сердце его волнуется беспорядочными пожеланиями, доводящими его либо до пороков, либо до дурачества, если благополучие ближнего возбуждает в нем зависть, или корыстолюбие заставляет его домогаться чужого имени, или сладострастие обессиливает его тело, или честолюбие и ненависть лишают его душевного покоя, без которого не можно никакого иметь удовольствия»¹⁰⁷; 3) главная часть воспитания — просвещение, или образование разума, которое необходимо человеку для исполнения обязанностей перед государством, соответственно его «гражданскому классу». Необходимо, считал Новиков, чтобы человек «имел большую или меньшую меру познаний, высший или низший степень просвещения». Просвещение вообще «способствует высокой степени человеческого благополучия», и самое главное — чем просвещеннее человек, тем он полезнее для государства¹⁰⁸.

Новиков выступает за целостное воспитание, в результате которого человек должен стать счастливым и полезным гражданином. Совершенно не правильно, по мнению просветителя, если родители при воспитании обращают внимание только на одну сторону его, а не на все три вместе. Новиков считал неправильной правительственную идею воспитания «новой породы» людей в закрытых учебных заведениях. Он отдаст предпочтение общественному воспитанию детей, так как оно несравненно лучше готовит человека к жизни в обществе. Новиков доказывает также, что домашнее воспитание, столь распространенное в дворянской среде, хотя и имеет определенные положительные стороны, но уступает публичному (так он именовал общественное воспитание). Последнее дает детям возможность соревноваться в приобретении знаний, что стимулирует их к учебе. Этого нет и не может быть при домашнем воспитании.

Официальная педагогика рассматривала ребенка как объект воспитания, который должен слепо повиноваться воспитателям, строго выполнять свои обязанности. В представлении Новикова ребенок — живое существо со своими способностями, чувствами,

переживаниями, со своим правом на свободу личности. Просветитель, видя в ребенке личность, считал, что тот имеет не только обязанности, но и права. «Оно (дитя. — В. М.) имеет такие же права, как и мы, — замечал он, — с тем только различием, что ему более, нежели нам, нужна чужая помощь»¹⁰⁹. Постоянное принуждение ребенка делать то, что требуют взрослые, несправедливо и вредно для воспитания. Никим образом нельзя требовать от воспитуемых слепого повиновения и «за всякое упущение оного» жестоко наказывать. Этим самым «вы распространите вокруг себя страх и ужас», дети будут чувствовать власть воспитателей, но тем самым «вы сделаете их рабами, носящими с нетерпеливостью то, вами на них наложенное, и они будут свертать его с себя столь часто, когда только думают, что могут сделать сие без великой опасности»¹¹⁰.

Выступая против принуждения и авторитарного воспитания, пропагандировавшегося официальной екатерининской педагогикой, Новиков, показал вредность и пагубность подавления личности ребенка, обосновывая мысль о том, что подлинный авторитет как учителей, так и родителей основан не на страхе и принуждении, а на уважении к ним. Формируя физические и интеллектуальные силы ребенка, говорил просветитель, воспитатель должен опираться на его положительные задатки и склонности, развивать их и на этой основе готовить не законопослушного подданного, слепо преданного монарху, чего хотела от воспитания царица, а полезного для общества и государства гражданина, владеющего определенными знаниями, высоконравственного человека, способного мыслить самостоятельно. «Воспитывайте детей ваших, — писал он, — не ласкательными невольниками, но свободно и благородно мыслящими человеками, умеющими ценить себя, любящими паче всего истину и не боящимися ее сказать, когда их должность или благо других людей того требует. Верьте, что ни один чистосердечный, честный, откровенный человек не раскаялся еще о том, что он чистосердечен, честен и откровенен, что он враг всякого притворства и ласкательства»¹¹¹. На первое место Новиков выдвигал, в отличие от Козельского и Фонвизина, а также представителей консервативного направления, умственное воспитание, ставя от него в прямую зависимость воспитание нравственное.

Чем больше образован человек, считал Новиков, тем легче стать ему более нравственным. При обучении прежде всего необходимо развивать разум, т. е. мышление детей, учить их тому, что они желают знать, учить размышлять над изучаемым предметом, отличать истинное от ложного. Необходимо всячески поддерживать детскую любознательность, так как это путь познания нового. Следует воспитывать в детях внимательность, которая является матерью всякого познания, которое должно не только увеличиваться, но и быть «основательным и верным. Гораздо лучше им знать точно немногие вещи, нежели мелкое иметь познание о многих»¹¹². Необходимо основательно обучать детей не только

теории, но и умению «смотреть на все с практической стороны», т. е. применять полученные знания.

Новиков тем самым выделял две стороны образования: изучение детьми окружающего мира и «рассуждение», основанное на истинных, т. е. научных, представлениях о мире. Человек, говорил он, должен быть образован всесторонне, а потому неправильно поступают те, кто в обучении делают упор на какой-то один предмет. Образованному человеку «пристойно знать несколько всеобщее из наук, ибо они имеют между собой великую связь и одна наука другой либо объясняется, либо украшается»¹¹³. Следует при обучении сочетать изучение точных и гуманитарных дисциплин, причем начинать надо с «элементарных оснований» наук для приобретения минимума знаний, которые должен иметь каждый человек. Только после этого можно переходить к «наукам всеобщим», т. е. к более глубокому их изучению.

Чтобы правильно и с пользой применять в жизни полученные знания, необходимо, по Новикову, нравственное воспитание, «образование сердца». Оно должно устремлять склонности детей «к самому лучшему вещам, вливать в них владычествующую любовь ко всему тому, что истинно, справедливо и добро и чрез то содействовать исполнению должности их для них удобным и приятным»¹¹⁴. Главная задача «образования сердца», как и всего воспитания, — формирование высоконравственного человека, полезного государству, патриота, «с матерним молоком всасывающего в себя любовь к отечеству». Патриотом, истинным гражданином может быть только добродетельный человек, который «имеет независимую от суждений и мнений людских и всегда действительную склонность ко всему тому, что справедливо и добро, и тот только может быть счастлив, кто умеет удовлетворяться невинностью своего сердца и одобрением совести»¹¹⁵.

Высоко оценивал Новиков такие качества, как твердость духа, мужество, неустрашимость перед трудностями, и говорил о необходимости воспитывать их в человеке. Гражданин должен быть трудолюбив, прилежен в работе, уметь целесообразно использовать время, бережно относиться к вещам, отличать преходящие, бренные блага и преимущества от тех, которые всегда принадлежат людям и должны быть сохранены ими. Приучать ребенка к труду, по мнению Новикова, следует с малых лет. Необходимо внушать ему чувство благодарности к работающим, так как труд людей способствует их взаимному благосостоянию¹¹⁶.

На страницах новиковского детского журнала «Детское чтение для сердца и разума» широко была поставлена социальная тема. Развращенному и чванливому барину противопоставляется деятельный купец, скромный, трудолюбивый ремесленник, что должно было привить детям интерес и уважение к третьему сословию. Впервые в детской литературе журнал поставил крестьянскую тему. Он писал о тяжелой жизни крестьян, учил уважать крестьянский труд. «Имейте, — внушал Добросерд дворянским детям, — всегда уважение к тем людям, сколько они заслуживают. Если со

временем бог даст вам владеть ими, облегчайте их труды и заботы, пекитесь о воспитании детей их, старайтесь, чтобы знакомые ваши, которые имеют к тому случай, также вам подражали. Будьте уверены, что получите за это неоцененную награду»¹¹⁷. «Журнал Новикова, — пишет Е. П. Привалова, — делал многое для пропаганды среди благородного российского юношества таких высоких нравственных черт, как гуманность, демократизм, принципиальность, мужество. В широком привлечении читателя к социальной теме и привитии ему высоких гражданских свойств была прогрессивная сила „Детского чтения для сердца и разума“». Исследователь верно подметила, что именно здесь «проходила черта между первым русским детским журналом и официальной литературой для детей»¹¹⁸.

Следует заметить, что не только в этом журнале, но и других, во многих своих работах Новиков требовал воспитывать в детях гуманное отношение к людям «без различия состояния», провозглашал естественное равенство между людьми. Он старался показать благородному российскому юношеству, что люди, которых называют чернь, имеют достоинство и полезны для общества.

В противовес Екатерине II и Бецкому, утверждавшим, что при воспитании необходимо изолировать детей от общества и семьи, Новиков, выступая за общественное воспитание, большую роль в этом деле отводил семье, считая ее важным и благоприятным фактором формирования человека. Воспитание детей — это не только личное дело родителей, но их обязанность перед обществом. «Обязанность родителей воспитывать своих детей как можно лучше, — писал просветитель, — основывается на должностях их детям, государству и самому себе... Должность же государству в отношении к детям их есть то, чтобы в оных, доставить ему полезных граждан»¹¹⁹.

Огромное значение в семейном воспитании с точки зрения Новикова, имеет пример родителей, их образ жизни, так как «ничто не действует в младых душах детских сильнее всеобщей власти примера, а между другими примерами ничей другой в них не впечатлевается глубже и тверже примера родителей»¹²⁰. Род занятий родителей может содействовать воспитанию, а может быть ему и препятствием. Если родители привержены грубым порокам, когда «отец расточитель или картежник, мать ведет распутную жизнь... оба сребролюбивы, несправедливы, немилостивы и жестокосердны к ближнему», то совершенно невозможно «вкоренить в детей добродетельные склонности и способности»¹²¹. Невозможно также воспитать добродетельного гражданина, если родители проводят свою жизнь в «рассеянии и легкомыслии». Видя такой пример, дети «получают отвращение от всякого важного упреждения» и еду, сон, питье, визиты, карточную игру «почитают определением человека»¹²². От легкой и праздной жизни утверждается в детях «та сибаритская нежность, расслабляющая человека, та леность, почитающая сон за высочайшее благо и унижающая состояние человека до скотского, та рассеянность, отвращающая от всякого

важного и полезного упражнения»¹²³. Если же пример родителей «хорош и нравоучителен», то это залог воспитания добродетельного гражданина. Немаловажное значение в этом деле имеет родительский пример ведения хозяйства, потому что «домостроительство есть небольшое правление, в котором дети могут видеть примеры разных отношений, разных дел, образа исполнения», и «добрые или худые» примеры в ведении хозяйства оставляют «добрые или худые» впечатления у детей, а значит, способствуют или не способствуют формированию гражданских и общественных добродетелей.

Большую роль в воспитании, считал Новиков, играет учитель, воспитатель. Но быть учителем в России крайне трудно, потому что он если не презираемый, то по крайней мере малоуважаемый человек. Часто им не платят оговоренных за работу денег, не дают принадлежностей, нужных для воспитательной работы, презрительно обходятся с ними. Нет воспитания или оно плохое, если плох и невежествен учитель. А таких воспитателей в России весьма много, потому что в выборе учителя руководствуются лишь двумя принципами: чтобы он чисто говорил по-французски и сам был урожденный француз. Оба эти, как их называет Новиков, легкомысленные рассуждения вредны, потому что дети попадают в руки учителей-невежд. Новиков горячо ратовал за то, чтобы учителями в стране были не полуграмотные иностранцы, которых берут в воспитатели только за то, что они французы или немцы, а свои отечественные, обученные в России учителя. Для этого, по его мнению, необходимо юношам, решившим стать учителями, посещать дома, где они могут вращаться в обществе благовоспитанных людей и усвоить «то поведение, которое для гофмейстера нужнее еще языков и наук»¹²⁴. В знатных домах и обществах найдут будущий учитель возможность научиться обхождению среди благовоспитанных людей, «которое вообще образует человека и особенно должно образовать того, кому других образовывать надлежит»¹²⁵. Но вся трудность, сокрушается Новиков, в том, что «дома благородных людей для его затворены». Поэтому он призывает знатных людей «отворить дома свои учащемуся юношеству, допускать их к своим столам и забавам и чрез то подавать им случай к тому образованию, которого не может дать публичное воспитание»¹²⁶.

Для того чтобы человек решился стать учителем, пишет просветитель, «нужно отвергнуть то презрение, в каком доселе, по видимому, находится гофмейстерское состояние, и дать ему тот степень почтения, который оно заслуживает»¹²⁷. Если два эти препятствия в подготовке учителей будут преодолены, то «получит нация наша в короткое время достойных собственных гофмейстеров» и они если не вытеснят всех учителей-иностранцев, то «по крайней мере вытеснят худых и принудят их возвратиться к подлинному своему званию»¹²⁸. Настоящий учитель, воспитатель, должен иметь правильный образ мыслей, характер, который отличался бы гибкостью, «чтоб поступать с детьми сообразно летам их», быть добронравным человеком, уметь хорошо себя вес-

ти, дабы быть образцом детям, иметь «ясное и основательное знание тех языков и наук, которым обучать должен»¹²⁹.

Таким образом, Н. И. Новиков считал, что воспитание подлинной нравственности, способной исправить общественные пороки, возможно только через распространение в обществе наук и просвещения, которые процветают в вольных государствах и находятся в упадке в деспотических. Огромное значение он придавал воспитанию истинных «сынов Отечества». Н. И. Новиков разработал систему воспитания граждан, способных осознанно действовать на пользу государства, патриотов своей страны, а не самодержавия, честных, благородных, добросердечных людей, что резко противоречило екатерининской программе воспитания «новой породы» людей. По сути, это была программа преобразования общества на основе воспитания, дабы общество могло обеспечить благополучие людей само, не надеясь на правительство. Это был призыв бороться со злом, встать на путь, идя по которому можно построить общество всеобщего благоденствия. В то же время Новиков пропагандировал идеал смиренного христианина, преуспевшего в кротости и терпении, отказавшегося «от самого себя и света», что было, безусловно, на руку императрице, которая всячески пыталась представить всеобщее послушание, основанное не только на любви к монарху, но и на страхе божьем, смирение и терпение главными чертами национального характера русских людей.

Против этого екатерининского представления выступил А. Н. Радищев в своей «Беседе о том, что есть сын отечества». Быть патриотом, истинным сыном Отечества, считал он, может «существо свободное, поелику одарено умом, разумом и свободною волею» (I, 215). Свобода человека заключена «в избрании лучшего, что сие лучшее познает он и избирает посредством разума, достигает пособием ума и стремится всегда к прекрасному, величественному, высокому» (I, 125). Не может быть истинным сыном Отечества человек, если «сии способности, сии человеческие чувствования» в нем подавлены. Это уже не человек, «он ниже скота». Коварство и насилие лишает людей их преимуществ, ими движут принуждение и страх. Не имеют права называться истинными сынами Отечества гордецы, насильники, люди, погрязшие в неге и любострастии, вертопрахи и щеголи.

Разве тот сын Отечества, спрашивает Радищев, кто поднимает «величавым образом на твердь небесную свой взор, попирающий ногами своими всех... терзающий близких своих насилием, гонением, притеснением, заточением, лишением звания, собственности, мучением, прельщением, обманом и самым убийством... тех, кои осмелятся произнести слова: человечество, свобода, покой, честность, святость и другие сим подобные»? (I, 217). Не может быть человек истинным сыном Отечества, если он унижен, поработен, лишен «всех средств и способов наслаждаться покоем и удовольствием». Настоящий патриот, сын Отечества любит честь — это первая черта, характерная для истинного сына Отечества. Он честолюбив, без этого он как без души, это врожденное чувство

человека. Каждый желает «быть уважаем, нежели поносим, всяк устремляется к дальнейшему своему совершенствованию, знаменитости и славе» (I, 218). Но люди, большинство их, погружены «во мрачность варварства, зверства и рабства» и лишены важнейшего человеческого чувства — чести. Это происходит от «рода провождаемой жизни», в которую людей ввергли насилием и коварством, «обессилив тем самым и дух и разум».

Чтобы сохранить рабство и насилие, пишет Радищев, «притеснители, злодеи человечества» утверждают, что необходимо сохранить строй, «требующий подчиненности». Нет, возражает он Екатерине II и дворянству, «любовь, а не насилие содержит толь прекрасный в мире порядок и подчиненность. Вся природа подлежит оному, — и где оный, там нет ужасных позорищ, извлекающих у чувствительных сердец слезы сострадания и при которых истинный друг человечества содргается» (I, 219). Самодержавие и крепостное право лишает Отечество своих верных сынов, так как бесправные люди, находящиеся под «игом рабства», лишены всех человеческих достоинств, таковыми быть не могут. Только честолюбивые люди, ненавидящие угнетателей, свободные и свободлюбивые, становятся патриотами и сынами Отечества. Истинный сын Отечества, сознательный гражданин «должен почитать свою совесть», любить ближних, потому что только «любовию приобретается любовь». Исполнять свои обязанности честный человек обязан так, как «повелевает благоразумие и честность», а не распоряжение начальства. Таким отношением к делу он должен прежде всего стремиться проявить добродетель, а не гнаться за славой, почестями и похвалами. Истинный сын Отечества свято повинуется законам, «предустановленным для блаженства его», скромно; «для него нет низкого состояния в служении Отечеству»; главное для него — принести пользу государству. Он одержим истинной любовью к своим соотечественникам, не страшится трудностей, подает благие советы и наставления, помогает несчастным, не боится отдать жизнь во славу Отечества. Если же «она нужна для Отечества, то сохраняет ее для всемерного соблюдения законов естественных и отечественных» (I, 221). Истинный патриот, гражданин вступает в борьбу, если законы нарушаются «на пагубу блаженства и совершенствования соотечественников своих». Таким образом, Радищев сформулировал вторую черту, характеризующую истинного сына Отечества, назвав ее благонаравием. Под ним он понимал бескорыстное служение родине и соотечественникам.

Третья черта истинного сына Отечества, по Радищеву, — благородство, которое «есть добродетельные поступки, оживотворяемые истинною честью», состоящей в непрерывном благотворении роду человеческому, своим соотечественникам, воздавая каждому по достоинству и по предписанному законам естества и народоправления» (I, 222), а не самодержавного монарха. Эти качества истинного сына Отечества человек не может приобрести, понять их сущность «без надлежащего воспитания и просвещения науками и значениями». Настоящий патриот стремится к трудолюбию, при-

лежанию, скромности, любви к наукам и ремеслам, расширению своих знаний, самосовершенствованию и великим делам во славу Отечества. Образцом патриота, истинного сына Отечества был для Радищева М. В. Ломоносов, оценку творчества которого он дал в «Слове о Ломоносове».

М. В. Ломоносов стоял у истоков русского просветительства. Он всю жизнь боролся за независимость научных исследований и издательской деятельности от контроля церкви, против ее стремления помешать распространению материалистических научных знаний и светского просвещения. Планы и проекты Ломоносова были проникнуты идеями научного и технического прогресса, которые должны были быть поставлены на службу стране, народу. Главной задачей государства он считал заботу об улучшении положения народа, прежде всего простых труженников.

Многогранная деятельность М. В. Ломоносова, его личность приковывали внимание современников. Академические верхи были настроены к нему крайне враждебно. Шумахер, Тауберт, Теплов и их окружение ставили одно за другим препятствия деятельности прогрессивных ученых, выступавших против устаревших научных догм и схоластики. Наибольшую опасность для академических верхов представлял, конечно, М. В. Ломоносов, который вел ожесточенную борьбу с «неприятельми наук российских, стремившимися принизить значение его работ»¹³⁰. Ценность и научная значимость исследований Ломоносова находили высокую оценку истинных ученых. В одном из своих отзывов на его работы выдающийся ученый XVIII в. Леонард Эйлер отмечал, что «все сии сочинения не токмо хороши, но и превосходны... Я совсем уверен в точности его доказательств»¹³¹. О большом научном значении трудов великого русского ученого писали Вольтер, Татищев, Вольф, Формей¹³². Признанием заслуг Ломоносова в развитии науки было избрание его почетным членом Шведской королевской и Болонской академий.

Враждебное отношение академических и придворных кругов к Ломоносову и его деятельности не изменилось и после его кончины. Узнав о ней, наследник престола Павел сказал: «Что о дураке жалеть, казну только разорял и ничего не сделал»¹³³. Сразу же после смерти Ломоносова его кабинет был опечатан графом Орловым и находившийся там архив бесследно пропал. Ни на одном заседании Академии не было даже упомянуто о кончине великого ученого. Правда, на заседании, на котором почетные члены Академии принимали французского ученого Леклерка, он, воспользовавшись случаем, в благодарственной речи высоко оценил заслуги Ломоносова перед наукой и литературой, но эта речь была опубликована только в 1867 г. Сознательно замалчивались некоторые биографические статьи о Ломоносове, не были разысканы отзывы о его работах в иностранной печати¹³⁴. Утверждалась мысль о подражании Ломоносова немецкому стихосложению, а с 80—90-е годы XVIII в. создавалась одобренная

свыше легенда о «благонамеренном» Ломоносове, «певце Елисаветы».

По-инному расценивали деятельность Ломоносова передовые люди России. Первым и единственным источником сведений о Ломоносове на русском языке вплоть до 1784 г., когда вышла в свет его академическая биография, была созданная Н. И. Новиковым биография ученого. В ней отмечалось, что «сей муж был великого разума, высокого духа и глубокого учения». Новиков отмечал стремление Ломоносова к наукам, полезным для человечества знаниям и делал вывод, что стремление «преодолевать все случившиеся ему в том препятствия награждено было благополучным успехом»¹³⁵. Эту же черту М. В. Ломоносова отмечал писатель и поэт 70—90-х годов XVIII в. М. Н. Муравьев. Он писал, что в произведениях Ломоносова перед глазами сограждан явился «не один в нем стихотворец, не один Вития, не один природы испытатель, мудрец и мира гражданин; но честный человек, сын отечества, ревнитель добрых дел, рачитель общественного блага, росс и именем и делом»¹³⁶. Передовые люди России отмечали, что славу Ломоносов приобрел не породой, а наукой и знанием, говорили о присущем ему духе глубокой учености, целеустремленности. Более глубокую по сравнению со своими предшественниками оценку деятельности Ломоносова и ее значения для России дал А. Н. Радищев.

«Слово о Ломоносове», над которым Радищев работал с 1780 по 1788 г., помещенное в заключительной главе «Путешествия из Петербурга в Москву», явилось попыткой дать оценку творчества Ломоносова с просветительско-революционных позиций. Именно этот момент недостаточно полно, с нашей точки зрения, раскрыт в исследованиях, где затрагивалась эта тема¹³⁷. Дворянские идеологи, стремясь защитить существующий строй, упрочить его, использовали слабые стороны позиции просветителей. В этом плане не было обойдено и наследие М. В. Ломоносова, прежде всего литературное. В обстановке обострения идейной борьбы Радищев, на наш взгляд, ставил перед собой задачу выявить сильные и слабые стороны в творчестве Ломоносова, показать его величие и гений, значение деятельности великого мыслителя для России.

Одной из центральных проблем в творчестве Радищева была проблема «человек и общество». По его мнению, человек стремится к личному благу, не выступает против интересов других людей, в то же время человек рожден для жизни в обществе, в нем совершенствуется, своей активной деятельностью способствует его процветанию. Развитие общества ведет человека вперед, обогащает его разум, знания, чувства. Большая роль в этом принадлежит, по мнению Радищева, великим мужам, которые «рождаются на возобновление ослабевающих пружин нравственного мира; рождаются на пробуждение разума, на оживление добродетели». Они «яко могущественные рычаги нравственности, простирая свою деятельность во все концы оныя, приводят ее во благое сотрясение, да пробудятся уснувшие души качества и силы

ее да воскреснут»¹³⁸. Великий человек даровит от природы, но, чтобы природные данные развились, недостаточно одного воспитания, для этого нужны надлежащие условия, а «без того, — с горечью замечает Радищев, — Иоган Гус издыхает во пламени, Галилей влечется в темницу, друг Ваш в Илимск заточается» (II, 129). Великие люди пробуждают к деятельности других людей, прокладывают им путь. Исходя из этих теоретических положений, Радищев оценивал Ломоносова и его деятельность.

Для него Ломоносов, безусловно, великий человек, который будет жить, «доколе слово российское ударять слух будет». Радищев пишет, что Ломоносов родился в семье, которая не могла дать ему соответствующего воспитания, «дабы посредством оного понятие его изострилось и украсилось полезными и приятными знаниями...» (I, 380). Автор «Слова о Ломоносове» считал преддверием учености изучение языков и отмечал большие трудности, которые необходимо при этом преодолеть. Ломоносов взялся за изучение латинского и древнегреческого языков. Его упорство, пишет Радищев, было вознаграждено; получив сведения латинского и греческого языков, он «пожирал красоты древних витий и стихотворцев. С ними научался он чувствовать изящности природы; с ними научался познавать все уловки искусства, кроющегося всегда в одушевленных стихотворством видах, с ними научался изъяснять чувства свои, давать тело мысли и душу бездыханному» (I, 382). С неменьшим прилежанием искал Ломоносов знания в древних рукописях своего училища и гонялся «за видом учения везде, где казалось быть его хранилище» (I, 382). Читением церковных книг «он основание положил к изящности своего слога». Радищев обращал внимание на то, что основы учености Ломоносова, выходя из народной среды, были заложены в России и что добился он широты познаний стремлением к ним, упорством, врожденной любознательностью, постоянным трудом.

Обучение Ломоносова за границей, признавал Радищев, способствовало совершенствованию и углублению его образования. Став учеником известного физика Вольфа, «отрясая правила схоластики или паче заблуждения, преподанные ему в монашеских училищах, он твердые и ясные полагал степени к восхождению в храм любомудрия» (I, 383). Ломоносова привлекали естественные науки, в которых он «хотел познать правила». Радищев обращает внимание на занятия Ломоносовым металлургией в Фрейберге и связывает с ними его известный труд «Первые основания металлургии или рудных дел» (1763), вкратце излагает содержание второго прибавления к этой книге «О слоях земных» и приводит положения работы Ломоносова «Слово о рождении металлов от трясения земли». Однако признавая, что «многие дни жития провел он в исследовании истин естественности», Радищев считал Ломоносова не новатором, а последователем других ученых и утверждал, что он «скитался путями проложенными и в нечисленном богатстве природы не нашел он ни малейших былинки, которой бы не зрели лучшие его очи, не соглядал он ниже грубейших

пружины в вещественности, которую бы не обнаружили его предшественники» (I, 390—391). Здесь Радищев, конечно же, ошибался. В естественных науках Ломоносов был новатором во многом, смело опровергая мнения признанных в его время авторитетов. Работая над корпускулярной теорией, он выступил против идеалистических построений Лейбница и Вольфа, а открыв закон сохранения материи и движения, заявил, что «славного Роберта Бойля мнение ложно». Число таких примеров можно умножить.

В области естественных наук работы Ломоносова отличались новизной, глубиной исследования, последовательностью в проведении материалистических принципов. Материалистические идеи и теории Ломоносова, значительные не только для России, но и для Западной Европы, позволяли ему достичь выдающихся успехов в решении важнейших научных проблем.

Научные работы Ломоносова способствовали развитию металлургии и горного дела, мануфактурного производства, обороны страны, мореплавания, сельского хозяйства. Другое дело, что в условиях господства крепостнических отношений его открытия не находили должного применения, а часто просто замалчивались. Радищев, видимо, просто не знал о ряде замечательных произведений Ломоносова, в которых тот предвосхитил многие научные достижения XIX—XX столетий. Возможно, что недооценка значения ломоносовских заслуг в естественных науках связана и с тем, что естественнонаучные проблемы не были для Радищева — философа и политического мыслителя — первостепенными в той острой идейно-политической борьбе, которая развернулась в 80-е годы XVIII в. Не исключено и то, что результаты научных штудий Ломоносова, во многом опережавших уровень развития тогдашней науки, их значимость для будущего оставались малопонятными даже для такого высокообразованного человека, как Радищев. Поэтому, говоря о великом муже Ломоносове, он выделял другую, с его точки зрения более значимую, сторону ломоносовского творчества. В Ломоносове мы, писал Радищев, «найдем однакоже учителя в слове и всегда достойный пример на последование». Именно своими работами в области стихотворства и языка Ломоносов оказал «услугу Отечеству». По мнению Радищева, он почувствовал себя способным к стихотворству, изучая Псалтырь, переложенную на стихи Симеоном Полоцким. Это интересное и тонкое замечание. Радищев понял, что Ломоносов, создавая новое стихосложение, не отказывался от того истинно поэтического, что было в художественной литературе древней и средневековой Руси. Действительно, в духовной поэзии он выбирал общечеловеческие, эмоционально-психологические мотивы и использовал их в своих стихах. Ломоносов создавал новый литературный язык путем синтеза живого русского и книжного церковнославянского языков, понимая их как стилистические категории общего литературного языка.

Радищев отмечал, что, создавая новое русское стихосложение, Ломоносов использовал опыт античных авторов (Горация, Вер-

гилия), немецких стихотворцев и пришел к выводу, что «слог их был плавнее российского, что стопы в стихах были расположены по свойству языка их» (I, 385). Изучив русское, античное и немецкое стихосложение, Ломоносов «вознамерился сделать опыт сочинения новообразными стихами, поставив сперва российскому стихотворению правила, на благогласии нашего языка основанные» (I, 385). Ода на взятие Хотина, присланная Ломоносовым из Марбурга в Академию наук, изумила читателей «необыкновенностью слога, силой выражения, изображениями едва не дышащими» (I, 385). Это произведение вместе с другими, по мнению Радищева, показало, что «когда народ направлен единожды к усовершенствованию, он ко славе идет не одной тропинкою, но многими стезями вдруг» (I, 38л). Иными словами, Радищев, показал, что Ломоносов, творчески используя отечественный и иностранный опыт стихосложения, создал истинно национальную форму стиха, соответствующую «благогласию языка нашего». Тем самым было разбито утверждение о несамостоятельности Ломоносова как стихотворца, его якобы слепом подражании немецкому стихосложению¹³⁹.

Далее Радищев выделяет другую, не менее важную заслугу Ломоносова, его вывод о том, что «изящность слога основана на правилах, языку свойственных» (I, 385). Ломоносов считал, что слово дано человеку «для сообщения своих мыслей» и он «преподает правила русского слова, вознамериваясь руководствовать гражданам своим». Ученый создал грамматику, которая принесла ему славу. Радищев приводит рассуждения Ломоносова о взаимоотношении языка, материального мира и человеческого сознания, о роли и месте человеческого слова в жизни общества. Они, безусловно, придавали его грамматике большую научную ценность. Ломоносов написал только одну ее часть, не успев создать вторую — синтаксис. Но, по мнению Радищева, не только грамматика сделала славу Ломоносова. В «Риторике» он разработал теорию литературной прозы и стихосложения. «Грамматика» и «Риторика» Ломоносова имели огромное значение, так как открывали «общему уму стези на познание», т. е. способствовали облегчению общения русских людей между собой, развитию и распространению просвещения, науки, культуры.

Подчеркивая значимость деятельности Ломоносова в области создания русского литературного языка, Радищев отмечает, что Ломоносов, выходя из народа и «поверженный в среду народных толщи», воздействовал на нее, стремясь «сообщить согражданам своим жар, душу его исполнявший», направить развитие мысли в сторону решения общенациональных, государственных проблем.

Почему Радищев, оценивая жизнь Ломоносова как подвиг, показывая его «твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении», особо выделял заслуги Ломоносова в области литературы и языка? Думается, дело в том, что и Ломоносов и Радищев жили и работали в то время, когда формировалась русская нация, развивалась светская национальная культура. В этих условиях

создание и развитие литературного языка, новой художественной литературы была одной из самых актуальных задач.

В период, когда творил Ломоносов, представители церкви стремились утвердить основой литературного языка давно ушедший в прошлое церковнославянский язык. Дворянская аристократия считала русский язык маловыразительным и неблагозвучным, языком низших, «подлых» сословий и старалась говорить только по-французски. Провинциальное дворянство, тянувшееся за аристократией, вводило в свою речь французские слова и выражения, часто коверкая их, создавало жаргон, который впоследствии А. С. Грибоедов назвал смесью французского с нижегородским. Представители аристократических кругов утверждали, что на русском языке нельзя создавать высокохудожественные произведения. Своими трудами в области литературы и языка Ломоносов опроверг это измышление. Будучи убежденным, что русский язык «велик перед всеми в Европе», он создал русский литературный язык, а своими лекциями, речами, научными трудами показал, что русский язык может и должен стать языком науки.

В 80-е годы XVIII в. галломания российского дворянства, в первую очередь аристократии, еще более усилилась. Аристократические круги продолжали третировать и презирать русский язык. В обстановке острой борьбы тех лет Радищев резко выступал против слепого подражания Западу, в защиту русского языка, опираясь на труды Ломоносова. Для Радищева он был великим поэтом, реформатором поэзии, создавшим высокохудожественные произведения, зачинателем «витийства гражданского», патриотом и гражданином. Идейной сутью поэзии Ломоносова был пафос становления русской нации, борьба за русскую культуру. Основной темой его поэзии была тема России. Для творчества Ломоносова характерна государственно-гражданская направленность. В его одах, как правило, ставились высокие государственные проблемы и писались они высокаторжественным ораторским стилем. Оценивая поэзию Ломоносова, Радищев выдвигал на передний план эти ее сильные стороны, противопоставляя ломоносовские оды одической поэзии 70—80-х годов, прославлявшей Екатерину II — «премудрую», «законодательницу», «матерь Отечества».

В 70-е годы как никогда была остра нужда в «карманных» поэтах, и Екатерина срочно подбирала одописцев, которые могли бы выполнить ставившиеся ею перед поэзией задачи¹⁴⁰. Оды Василия Петрова, Ермила Кострова, Ипполита Богдановича прославляли Екатерину, ее «заслуги перед Россией». Чтобы утвердить одическую поэзию такого рода, необходимо было найти в прошлом примеры. Вспомнили о Ломоносове, в одах которого были похвалы царям, прежде всего Петру I и Елизавете Петровне. Начинает создаваться легенда о Ломоносове — «певце Елисаветы».

Елисаветины душевны красоты

У Россов навсегда в сердцах оставил ты,

И покровитель твой любезен нам пребудет¹⁴¹.

На Ломоносова «набрасывается одеяние придворного и только придворного» поэта. Подретушенный лик поэта прошлого становится как бы образцом для поэтов настоящего»¹⁴². Все остальное в творчестве Ломоносова отодвигается на второй план.

В идейной борьбе 70—80-х годов идеологи самодержавия использовали некоторые стороны мировоззрения Ломоносова, его непонимание связи между самодержавием и крепостничеством, а также того, что самодержавный строй становится препятствием на пути экономического и культурного прогресса России, за который так упорно боролся Ломоносов. Он не видел и не мог видеть в России сил, способных ускорить развитие страны и все свои надежды на улучшение положения народных масс, преобразование России связывал с развитием научных знаний, просвещения и с мудрым, просвещенным монархом. Поэтому он идеализировал Петра I и его деятельность, раздавал неумеренные похвалы современному ему царям и их фаворитам. Надо иметь в виду и то, что Ломоносов вышел из среды крестьянства и, как правильно заметил Д. Д. Благой, в его политических воззрениях отразилась правда, очень своеобразно, вера в «доброе царя», характерная для крестьянских масс¹⁴³.

Ломоносов никогда не был льстецом, он всегда держался с честью и достоинством. Убежденный в необходимости просвещенной монархии, он в своих произведениях выдвигал перед монархами собственную программу и пытался направить их в сторону ее реализации. Мы согласны с Д. Д. Благой в том, что Ломоносов «придавал огромное значение тому, что, благодаря своему положению официально-должностного поэта, он получал возможность литературным путем проповедовать свою образовательную программу»¹⁴⁴. Осуществлять это Ломоносов мог только в рамках хвалебно-торжественных од, в которых он создавал образ идеального, с его точки зрения, монарха. Заслуживает внимания и мнение М. Т. Белявского о том, что восхваление Ломоносовым личности и деятельности Петра «носило черты явного противопоставления политики преобразований, проводившихся в петровское время, той политике, которую проводили во времена Ломоносова преемники Петра I»¹⁴⁵.

Конечно, всего этого Радищев учесть не мог, так как не мог выйти за те рамки, которые «ему ставила собственная эпоха». Однако он увидел и слабые стороны ломоносовской поэзии, которые использовали в борьбе его идейные противники. «Не завидую тебе, — писал Радищев, — что, следуя общему обычаю ласкати царям, нередко недостойным не токмо похвалы, стройным гласом воспетой, но ниже гудочного бряцания, ты льстил похвалою в стихах Елисавете» (I, 388). Это замечание Радищева вполне понятно. Он, как мы уже отмечали, представитель качественно нового этапа в развитии просветительской идеологии в России, когда просветители изживали веру в мудрого, просвещенного монарха. Радищев, не признавая монархию как форму государственного устройства, выступал также и против «просвещенных монархов»,

не верил в их добрые деяния. «Скажи, — писал Радищев, — в чьей голове может быть больше несообразностей, если не в царской» (I, 348).

Радищев обратил также внимание на то, что поэтическое творчество Ломоносова, воздействуя как на современников, так и на последующие поколения, «могло размахистый сделать шаг в образовании стихотворческого понятия его современников» (I, 389). В то же время достойного преемника «в витийстве гражданском», по мнению Радищева, Ломоносов не имел, хотя на «общий образ письма оно распространилось» (I, 389). Поэтому если «писатель оды» и захочет пойти вслед Ломоносову, «позавидует прелестной картине народного спокойствия и тишины, сей сильной оградой градов (намек на оду Ломоносова «На день восшествия на престол Елизаветы Петровны». — В. М.) и сел, царств и царей утешения, позавидует бесчисленным красотам твоего слога», то вряд ли когда-либо достигнет «твоего в стихах благогласия» (I, 388). В данном случае Радищев имел в виду современных ему одописцев, которые, подражая стилю Ломоносова, не достигали высокой государственно-гражданской программности его од. Поэтому, говоря об огромном значении его творчества для дальнейшего развития русской поэзии, просветитель считал, что ее движение вперед Ломоносовым же и было остановлено, так как он, «подав хорошие примеры новых стихов... надел на последователей узду великого примера и никто доселе отшатнуться от нее не дерзнул» (I, 253). Мы согласны с Б. И. Краснобаевым в том, что это положение направлялось Радищевым против современных ему поэтов-эпигонов.

Автор «Путешествия...» писал, что «красноречие Ломоносова «чувствительного или явного удара не сделало, что он чужд был чувствительности» (I, 389). Как можно понять эти слова? Поэтические произведения Ломоносова написаны в стиле классицизма. Одной из наиболее ярких черт этого литературного направления был государственно-гражданский пафос, что исключало наличие личной тематики в произведениях. Человеческие страсти, как бы сильны они ни были, уступали теме священного гражданского долга перед государством. Обратиться от общего к индивидуальному «значило из мира вечных ценностей перейти в сферу эгоистических интересов сословий и людей»¹⁴⁶. Поэтому в произведениях Ломоносова мы не найдем сочувственного отношения к положению крепостных, прямой критики крепостного права, даже наиболее вопиющих его сторон. Вот это и вызывало неудовлетворенность и возражения Радищева.

Классицизм оставался во второй половине XVIII в. господствующим литературным направлением. Но в обстановке разложения крепостничества, обострения социальных противоречий, особенно между помещиками и крестьянами, он постепенно утрачивал прогрессивную роль, становился литературой узких реакционно-крепостнических кругов. Несоответствие классицизма из-

менившимся условиям ставило задачу создания иных литературных форм, наполняя их новым содержанием.

В России во второй половине XVIII в. появляются драмы, романы. На первый план выходит сатирическо-обличительное направление. В сатирических произведениях просветителей 60—70-х годов содержится острая критика наиболее вопиющих сторон крепостничества, быта и нравов помещиков, проявляется сочувственное отношение к бедственному положению крестьянства. Но все надежды на исправление недостатков авторы возлагают на нравственное совершенствование людей, которого намереваются достичь распространением просвещения и деятельностью просвещенного монарха. Радищев же выступает против монархической формы правления, в защиту задавленных крепостным правом крестьян и видит в народной революции единственный путь уничтожения существующего строя. Радищев понимает, что народ к революции не готов, и в том, чтобы готовить его к ней «словом вольности», видит главную задачу писателя-патриота. Писатель и поэт, по мнению Радищева, должен наполнять свои произведения не только состраданием, чувствительностью к угнетенным массам, их бедственному положению, но и показывать пути освобождения от тирании. Поэт — «прорицатель вольности» и политический деятель — обязан бороться с заблуждениями и произволом, воспитывать в этом духе общество, умножать число своих сторонников. Радищев выдвигает задачу противопоставить официально-охранительной литературе литературу, наполненную революционным содержанием.

Основоположник революционного направления в литературе России создавал произведения, опираясь на опыт предшественников. Высоко оценивая государственно-гражданский пафос поэзии Ломоносова, он в то же время подчеркивал ее слабые стороны. Тем самым Радищев предостерегал своих последователей от восприятия недостатков ломоносовских литературных произведений. Всесторонне оценивая поэзию Ломоносова, он лишал своих идейных противников возможности затушевать государственно-гражданскую направленность его произведений. Такой подход был вызван остротой идейной борьбы и той принципиальностью, с которой вел эту борьбу Радищев. «Истина, — отмечал он, — есть высшее для нас божество» (I, 390). Ставя имя Ломоносова «в достойную его лучезарность, — писал Радищев, — мы не ищем здесь вменить ему и то в достоинство, что он не сделал или на что не действовал...» (I, 391).

Отдавая дань уважения Ломоносову и учитывая условия, в которых проходила его деятельность, просветитель отмечал, что не меньшей признательности достойны «мужественные писатели, восстающие на губительство и всеислие», хотя они и «не могли избавить человечество из оков» (I, 391). Он считал, что нельзя сравнивать Ломоносова с Рейналем и Франклином, которые, выступая против абсолютизма, призывали к вооруженной борьбе с ним, потому что произведения Ломоносова были лишены анти-

самодержавной, антикрепостнической направленности. В то же время Радищев сравнивал его с «рукой всемогущей», которая, «толкнув вещественность в пространство, дала ей движение... Первый мах в творении всесилен был; вся чудесность мира, вся его красота суть только следствия... Вот как понимаю я действие великия души над душами современников или потомков... разума над разумом» (I, 392). Именно Ломоносов сделал «первый мах» и дал толчок развитию российской словесности, и в этом заключается, по мнению Радищева, огромное значение его деятельности.

Радищев, прослеживая шаг за шагом жизнь-подвиг М. В. Ломоносова, показывает «биографию великого человека, разрушает представление о Ломоносове как чудом появившемся одиночке, поддержанном лишь монархами и меценатами»¹⁴⁷. «Сей муж, — пишет он, — был великого разума, высокого духа и глубокого учения. Сколь отменна была его охота к наукам и ко всем человечества полезным знаниям, столь мужественно и вступил он в путь к достижению желаемого им предмета... Бодрость и твердость его духа оказывались во всех его предприятиях» (I, 390). Да, в творчестве Ломоносова были слабые стороны, но это, считал просветитель, отнюдь не дает оснований принижать значение его деятельности для России. Раскрывая величие человека, по праву занимающего первое место в «стезе российской словесности», Радищев подчеркивал, что Ломоносов вышел из «среды народных» и всегда был тесно с ней связан.

Во второй половине XVIII в., когда народные массы почти не имели доступа к образованию, когда самодержавие сознательно насаждало в просвещении сословный принцип, отдельные представители низших сословий путем огромных усилий, преодолевая множество преград, не только получали образование, но и создавали замечательные научные труды, произведения искусства, вписывая славные страницы в историю нашей Родины. Это — И. И. Лепехин, С. П. Крашенинников, И. П. Кулибин, И. И. Ползунов, А. К. Нартов, В. И. Баженов, А. Н. Воронихин, И. П. Аргунов, А. Г. Венецианов, Ф. И. Шубин, В. Ф. Зуев и другие. А первым в этой блестящей плеяде был М. В. Ломоносов. Помещая в «Путешествии из Петербурга в Москву» рассказ о его жизни-подвиге, Радищев как бы подчеркивал силу народного крестьянского характера, показывал, на что способен русский народ. Веря в его светлое будущее, он утверждал, что если бы самодержавие было свергнуто, из народной среды вышли бы «великие мужи для заступления избитого племени, но были бы они о себе других мыслей и права угнетения лишены» (I, 368). Радищев, как и Ломоносов, был глубоко убежден, что

Может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Русские просветители, таким образом, отстаивая свой идеал свободной человеческой личности, выступали против правитель-

ственной программы воспитания законопослушного, преданного самодержавию подданного. Они выдвигали, обосновывали и отстаивали свои программы воспитания юношества, в которых, несмотря на некоторые различия, общим было стремление формировать людей высокообразованных, граждан государства, основанного на законах, обеспечивающих их благо, ненавидящих угнетение человека человеком, мыслящих, а не слепо повинующихся, истинных патриотов своей Родины, которые своей активной деятельностью будут постоянно содействовать борьбе со злом.

ПРОСВЕТИТЕЛИ И КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС

Учитывая тот факт, что крестьянский вопрос в произведениях просветителей России второй половины XVIII в. рассматривался многими исследователями, автор в рамках данной работы считает необходимым показать широкий разброс мнений просветителей по крестьянскому вопросу в сравнении с представителями консервативного направления.

Мы проследим точки соприкосновения и различия в предложениях по решению крестьянского вопроса у французских и русских просветителей. Целесообразно также, на наш взгляд, представить эволюцию мнений просветителей по крестьянскому вопросу от предложений о смягчении положения крестьян, регламентации их повинностей, ликвидации власти помещика над крестьянами, предоставлении крестьянству собственности на землю и движимое имущество в рамках существующей системы к признанию Радищевым возможности уничтожения этой системы путем вооруженного выступления народа.

В 60-е годы XVIII в. в условиях начавшегося разложения феодально-крепостнической системы хозяйства усилилось крепостное право, в результате чего крестьянин стал «крещеной собственностью» помещика, лишенным даже права обжаловать его действия. Дворянин, владелец крепостных, мог продавать их, менять, закладывать, наказывать плетью, ссылая в Сибирь и на каторгу. Не мог он их по закону только убивать, но история России полна примеров, когда крестьяне погибали от «жестокосердного» обращения с ними владельцев. Усиление крепостного права вызывало рост сопротивления крестьян в самых разнообразных формах, вылившегося в 1773—1775 гг. в самую мощную в России крестьянскую войну под предводительством Е. И. Пугачева. Ведя борьбу за землю и волю против феодальной ренты и налогов, крестьяне объективно выступали за создание таких условий, при которых крестьянское хозяйство могло бы развиваться как основная ячейка производства. Упадок и обнищание крестьянского хозяйства в условиях роста крепостничества вели к падению доходности помещичьих вотчин, замедлению темпов развития ремесла, мануфактурного производства, торговли. Вопрос о крепостном праве и положении крестьян, возникший в 60-е годы, был поставлен прежде всего экономическим развитием страны и упорной борьбой крестьянства против усиления крепостнического гнета. Это был один из центральных вопросов, рассматривавшихся общественной мыслью России второй половины XVIII в.

И. А. Федосов прав в том, что не следует преувеличивать остроту крестьянского вопроса в 60-е годы XVIII в., ибо как вопрос об освобождении крестьян он тогда «вставал эпизодически и в очень неопределенной, расплывчатой форме»¹. В эти годы, как мы отмечали, его решение не могло идти по пути обоснования необходимости уничтожения крепостного права. Страна к этому была не готова, поэтому на передний план выступал вопрос о борьбе с расширением и углублением крепостничества. В 60—70-е годы просветители критиковали наиболее вопиющие стороны крепостного строя, показывали бедственное положение крестьян, предлагали меры по ограничению произвола помещиков и регламентации крестьянских повинностей. По мере того как углублялось разложение феодально-крепостнической системы и усиливалась антикрепостническая борьба крестьянства, вопрос о крепостном праве ставился все более остро и происходила дальнейшая поляризация мнений. В ходе эволюции просветительства его идеологи от осуждения отдельных сторон крепостничества перешли к критике системы в целом. Как отмечал М. Т. Белявский, просветители 60—70-х годов только приблизились к пониманию того, что без ликвидации крепостного права и привилегий дворянства, без утверждения буржуазного правопорядка невозможно построение справедливого общества². Последующие же поколения просветителей (Радищев, радищевцы, декабристы), ведя критику феодально-крепостнической системы по всем направлениям, разрабатывали конкретные пути и способы ликвидации крепостного права.

Крестьянский вопрос во второй половине XVIII в. включал в себя ряд проблем, которые диаметрально противоположно решались представителями консервативного и просветительского направлений. Острые споры шли о предоставлении крестьянам права собственности, как движимой, так и недвижимой, в том числе земли, о регламентации крестьянских повинностей.

Вопрос о крепостном праве и положении крестьян был поднят на заседаниях Уложенной комиссии, что явилось полной неожиданностью для Екатерины II, генерал-прокурора Сената Вяземского и Маршала Уложенной комиссии Бибикова. Судя по «Наказу», императрица вовсе не собиралась давать ему хода. По ее инициативе в Вольном экономическом обществе (ВЭО) был в 1766 г. объявлен конкурс на лучшую работу по вопросу о возможности предоставления крестьянам права собственности на движимое имущество и землю, давший на него отрицательный ответ. Екатерининский «Наказ» говорил о крепостном праве весьма туманно. Видимо, это связано с тем, что значительное место в нем было уделено обоснованию необходимости самодержавной власти, которая своими законами должна обеспечивать благосостояние граждан и защищать их «от всех сему праву противных предприятий». Самодержавие, как утверждалось в «Наказе», блюдет и обеспечивает равенство всех граждан, повинующихся законам³. Екатерина II утверждала необходимость «избегать случаев, чтоб не приводить людей в неволю, разве крайняя необходи-

мость к учинению того привлечет, и то не для собственной корысти, но для пользы государственной, однако и та едва не весьма редко бывает». Несколько статей «Наказа» критиковали рабство в Лакедемоне и Риме, которым противопоставлялись Афины, где «строго наказывали того, кто с рабом поступит свирепо»⁴.

Но наряду с объявлением равенства в «Наказе» много места уделено принципам деления общества на тех, «которые правят и повелевают», и тех «которые повинуются». Крестьяне в этом утверждаемом императрицей по роду занятий сословном делении общества были отнесены, естественно, к последним. «Земледельцы, — говорилось в «Наказе», — живут в селах и деревнях... и сей есть их жребий»⁵; они являются «нижним родом людей». Уравнивать в правах людей разных состояний, по мнению императрицы, было бы гибелью для общества. Туманность, неопределенность и противоречивость положений «Наказа» о крепостном праве объясняется, на наш взгляд, тем, что этот документ должен был показать Европе Екатерину-законодательницу, «просвещенную монархиню», помышляющую только о благе подданных, но этот замысел явно расходился с практическими действиями императрицы. Законодательные акты Екатерины о крестьянах и дворянах были направлены на сохранение и упрочение крепостного права, не предусматривали его смягчения и ограничения помещичьего произвола⁶. Стоит вспомнить хотя бы указы 1763, 1765, 1767 г. Екатерина II продолжала прокрепостническую политику Елизаветы и Петра III. Более того, ее крепостническая направленность даже усилилась, а отличия сводились лишь к формам и методам проведения политики⁷.

Дореволюционные историки отмечали «возвышенные идеи» «Наказа», стремление императрицы к улучшению быта крестьян, уничтожению произвола помещиков и утверждали, что только сопротивление дворянства в Уложенной комиссии заставило ее отказаться от этого⁸. Реальная политика Екатерины II показывает, что пойти на ликвидацию или даже ограничение крепостного права она не могла и не хотела, потому что Россия была экономически не готова к такому повороту. Индивидуальное крестьянское хозяйство, существовавшее в рамках общины и общинного землеустройства, не стало и не могло стать в то время самостоятельной обособленной ячейкой сельскохозяйственного производства. Екатерина II понимала, что пойти на какое-либо решение крестьянского вопроса — значит, вызвать взрыв дворянского негодования и порушить сущность политики «просвещенного абсолютизма». А она заключалась в укреплении позиций самодержавного государства через усиление прав и привилегий дворянства — его социальной опоры. Поэтому социальная политика во второй половине XVIII в. была консервативной, самодержавие все больше склонялось к поддержке дворянства, которое страстно желало упрочения существовавших социальных отношений.

Дорожившая властью императрица опасалась ущемлять права дворян, которые за это могли свергнуть ее с престола. Повто-

рять судьбу своего супруга Петра III Екатерина II вовсе не хотела. Все ее преобразования и реформы даже в области экономики, где она, руководствуясь идеями физиократов, отменяла откуп, выступала за свободу предпринимательской и торговой деятельности, невмешательство государства в торговлю, не выходили за рамки феодально-абсолютистского строя, укрепляли его и удовлетворяли в целом интересы дворянства. Мы согласны с А. Б. Каменским в том, что движение вперед в период правления Екатерины II шло в рамках феодального строя и в это время «русский феодализм достиг высшей ступени своего развития... окончательно исчерпав практически все внутренние ресурсы дальнейшего роста»⁹. Искать в деятельности русской императрицы какие-либо буржуазные, демократические мотивы — дело абсолютно безнадежное. Свою политику совершенствования феодальной системы она стремилась идеями обосновать. Это заставляло ее в идеологическом плане находиться на консервативных позициях и всячески их отстаивать.

Итоги объявленного по настоянию императрицы конкурса сочинений о собственности крестьян ВЗО подводило как раз в то время, когда в Уложенной комиссии бушевали страсти по крестьянскому вопросу. И там и там высказывались различные точки зрения. На конкурс ВЗО поступило 140 работ, в том числе от иностранных авторов. Свои сочинения прислали французские просветители Вольтер, Мармонтель, физиократ Граслен. Немало было работ, носивших продворянский, прокрепостнический характер. Имелись сочинения, в которых вопрос решался с просветительских позиций. Характеризуя основные положения конкурсных работ авторов как просветительского, так и консервативного направлений, мы опираемся на исследования отечественных ученых, прежде всего В. В. Орешкина и М. Т. Белявского. В книгах и статьях названных авторов подробно освещены вопросы, связанные с ходом конкурса, обсуждением, опубликованием, премированием работ, подробным анализом их содержания¹⁰.

Вольтер и Мармонтель считали, что крепостное право лишает человека свободы, равенства и собственности, т. е. его неотъемлемых естественных прав. Человек, лишенный собственности, находящийся в рабстве, утверждал Вольтер, имеет мало склонности к работе, его «мастерство подавляется, душа огрублена и его силы никогда не используются во всем его многообразии»¹¹. Предоставление крестьянам собственности, в том числе на землю, важно и для земледельца и для государства, потому что «дух собственности удваивает силы человека», люди работают с удовольствием и энергией. Это в свою очередь ведет к тому, что земледелие процветает и способствует развитию ремесел, промышленности, торговли. Развитие земледелия способствует увеличению поступлений в государственную казну. Не менее выгодно предоставление крестьянам земли и для ее владельца, так как «он будет действительно богат лишь настолько, насколько будут богаты зависимые от него крестьяне»¹². Предоставление крестья-

нам земли при условии уплаты за это оброка приведет к тому, что для ее обработки будет хватать рабочих рук и излишняя рабочая сила «вольется в города и армию»¹³, что даст возможность производить огромные блага.

Несомненно, Вольтер понимал, что для прогресса страны необходимо развитие мануфактурного производства, а это невозможно без расширения рынка свободной рабочей силы. В то же время он, на наш взгляд, не мог предположить, что масса пауперизированного крестьянства, скапливавшаяся в городах, будет питательной средой для возникновения бунтов черни, которых Вольтер так боялся. Именно пауперы стали в городах Франции в годы революции наиболее активной частью ее движущих сил.

Мы уже отмечали, что для французских просветителей было характерно буржуазное понимание священных и неотъемлемых прав человека. Отстаивая принцип собственности на землю, Вольтер считал, что такая собственность может существовать в различных видах. Он утверждал, что одним из них, способствовавшим процветанию Англии, Франции и свободных немецких городов, было наделение крестьян землей за выкуп и освобождение их тоже за выкуп от обязанностей и повинностей в пользу землевладельца. Вовсе не нужно, считал Вольтер, чтобы все крестьяне были богаты, потому что бедняки, которые не будут иметь ничего, кроме рабочих рук и желания трудиться, станут свободно продавать свой труд тому, кто лучше за него заплатит. «Эта свобода, — писал он, — заменит им собственность»¹⁴. В то же время, исходя из опыта Франции, он полагал, что для государства будет полезным определить, «до каких пор эта уступка (освобождение крестьян и наделение их землей. — В. М.) может простираться». Невозможно, чтобы освобожденный и разбогатевший крестьянин скупал земли дворян, «присваивал себе их фамилии». Это унижает старую знать и вызывает презрение к высочкам. Дабы не допустить этого, надо установить, по мнению Вольтера, «пределы земельных владений для простолюдинов, которые могли бы их купить», и «запретить им приобретать большие имения сеньоров»¹⁵.

Положения Вольтера о необходимости уничтожения крепостного права и предоставления крестьянам права собственности на землю разделял Мармонтель. Рабское состояние, в котором находятся крестьяне, лишение их собственности, считал он, противоречат разуму человека и его природе. Крестьяне должны быть свободны, им следует предоставить право собственности на землю, равные права перед законом; барщину и другие повинности следует уничтожить. Надо создать систему «разъездных судов», назначаемых монархом для защиты крестьян от произвола властей. Если в стране будет сохраняться крепостное право, то она весьма быстро придет в упадок. Крестьяне не будут заинтересованы в существовании и защите государства, где дворянство тешит свои «прихоти и тщеславие» за счет их ограбления. Народ получает «лишь горечь, унижение и страдание» и терпение его

может истощиться. Никто не сможет убить в людях «ростки чести и доблести... понятия благородства, равенства и свободы», и если не последует освобождение, то наступит «момент революции»¹⁶.

Вольтер и Мармонтель вовсе не хотели взрыва черни, а потому шли на компромисс с дворянством. Вольтер считал, например, что государь не имеет права принудить дворян освободить крестьян и наделить их землей (это было бы наступлением на дворянскую собственность) и должен воздействовать убеждением, давая им собственный пример, освобождая дворцовых крестьян. Мармонтель полагал, что получившие землю крестьяне должны платить бывшему землевладельцу фиксированный государством оброк или налог¹⁷.

Буржуазный подход к проблеме крестьянской собственности характерен для работы физиократа Граслена, положившего в основу своей работы теорию трудовой стоимости. Общество, считал он, существует на основе эквивалентного обмена результатами труда между всеми его членами, а потому никто не должен иметь привилегий. Именно труд определяет право на собственность для члена общества. За свой труд крестьянин должен получить землю в собственное владение, но при этом не иметь привилегий. «Интересы общественного блага, — писал Граслен, — требуют, чтобы земля принадлежала исключительно и единственно тем, кто ее обрабатывает, то есть крестьянам»¹⁸. Если в России не смогут решиться на освобождение крестьян, то все равно сохранить положение, при котором крестьяне лишены собственности на землю, невозможно. Кстати, Граслен не связывал наделение крестьянина собственностью на землю с его освобождением.

Французские просветители, принявшие участие в конкурсе, рассматривали его, после секуляризации церковных земель, как еще один шаг Екатерины II в сторону создания «просвещенной монархии», постепенного освобождения крестьян. Они вполне искренне высказали предложения по вопросу о крестьянской собственности, так как, будучи не осведомлены о действительном положении дел в России, реальной политике императрицы, основываясь в основном на заявлениях Екатерины в личных письмах Вольтеру, Дидро, Мармонтелю, считали, что в России при Екатерине II возможно проведение в жизнь их идей. Просветители Франции выступали против рабства, крепостничества, любых форм угнетения как в 60-е, так и в последующие годы.

Разочаровавшись в конце 70-х годов в идее «просвещенной монархии», придя к выводу, что несмотря ни на что Екатерина II является деспотом, французские просветители продолжали выступать против рабства и крепостничества, но теперь предоставление крестьянам собственности на землю связывали с их обязательным освобождением. Наиболее четко это прозвучало в «Замечаниях на „Наказ“» Дидро и позже в книге Рейналя. На высказывание Екатерины II о необходимости «избегать случаев, чтоб не приводить людей в неволю» и «предотвращать злоупотребления

рабства», Дидро ответил следующим образом: «Чтобы воспрепятствовать злоупотреблению рабством и предотвратить проистекающие от него опасности, нет иного средства, как отменить само рабство и управлять лишь свободными людьми». В «Наказе» Екатерины II писала, что надо предупреждать «причины, приводящие в непослушание рабов». Дидро в одном из своих замечаний посоветовал императрице средство «предупреждения восстаний крепостных против господ: сделать так, чтобы вовсе не было крепостных», для чего дать им «прежде всего личную свободу, а после предоставить право на движимое и недвижимое имущество». Он считал, что без освобождения крестьян и предоставления им собственности на землю даже самые совершенные и мудрые законы действовать не будут. Земледелие процветает, «население растет быстро... там, где люди чувствуют себя хорошо; чувствуют же они себя хорошо там, где свобода и собственность священные». «Тот, кто трудится на земле», не имея свободы и собственности, на других, «теряет уважение к себе и начинает склоняться к рабству. Став же рабом, он погиб»¹⁹. В «Истории обеих Индий» на фоне резкой критики рабства и крепостничества (и в этих разделах книги чувствуется рука Дидро) дано оправдание уничтожения этих зол не сверху, а снизу, в результате «момента революции».

Критикуя деспотизм, Рейналь осуждал колониальные захваты и грабеж колоний европейцами и призывал уничтожить рабство — это наиболее жестокое порождение феодализма, сковывавшее прогрессивное развитие стран: «Европейские варвары! Слава ваших походов не могла обмануть меня. Успех их не скрыл от меня их несправедливости. Мысленно я часто поднимался на борт кораблей, увозивших вас в дальние страны. Но сойдя вместе с вами на берег и увидев ваши злодеяния, я покинул вас. Я поспешил встать в ряды ваших врагов, я поднял оружие против вас, я омыл руки в вашей крови. И ныне я торжественно клянусь, если я когда-либо перестану смотреть на вас, как на стаю алчных и свирепых стервятников, лишенных, подобно хищным птицам, морали и совести, пусть мое творение и память обо мне, если не суждено ее оставить, будут преданы полному забвению и проклятию» (I, 271—272).

Колонии управляются плохо, считал Рейналь, потому что их власти еще более безумны, чем в Европе, администрация еще более жестока (VII, 210). Это — следствие безумства феодальных законов, царящих в европейских странах и приносимых в завоеванные страны. В какой-то мере, говорил Рейналь, жестокость можно было бы оправдать, «если бы вы предложили привести его (дикаря. — В. М.) к более цивилизованной жизни, к правам, которые казались вам предпочтительнее его нравов» (I, 399). Но европейцы пришли в страну, чтобы «отнять ее у него», отнять его хижину, превратить в животное, которое трудится под кнутом землевладельца. Европейские завоеватели вовсе не поднимали «дикаря» к свету разума, а еще более «умственно отуп-

ляли его». Единственная сила, двигавшая европейцами, — алчность (I, 399). Рейналь призывал покоряемые народы к сопротивлению: «Убегайте, уходите в глубь ваших лесов. Жестоким зверям, которые населяют ваши леса, менее страшны, чем чудовища, под власть которых вы попали. Тигр может растерзать вас, но лишит вас только жизни. Другие похитят у вас невинность и свободу. Или, если вы чувствуете в себе храбрость, возьмите ваши топоры, натяните ваши луки, заставьте сыпаться на этих иностранцев ваши отравленные стрелы» (I, 399—400).

Рейналь говорил, что справедливой прибылью считается лишь прибыль, полученная без ущерба, нанесенного кому-либо другому, когда эта прибыль не вырвана из благосостояния другого человека. Испанцы же обогащались за счет жесточайшей эксплуатации своих рабов. «И вы, — восклицал Рейналь, — чтобы иметь золото, переплыли моря, вы завоевали страны. Чтоб иметь золото, вы для этого убили большую часть жителей. Чтобы иметь золото, вы выбросили со всеми вещами с земель тех, кого пощадили ваши кинжалы. Чтобы иметь золото, вы ввели на земле позорную торговлю человеком и рабство» (V, 150—151).

Колонизаторы, поставив единственной целью обогащение, не изучали (да и не считали нужным это делать) нравы и обычаи той или иной страны. Они, писал Рейналь, не бросят взгляд «на реки, горы, леса, деревни, различные климаты, на рыб, насекомых» (IV, 189—190). Только золото интересовало европейцев в колониях. Ради него людей заставляли погибать. Европейцы забыли о необходимости быть справедливыми. Присваивая себе целые страны, колонизаторы говорили: «Эта страна принадлежит нам», «Эта страна для нас» (IV, 250). Но присвоить, считал Рейналь, можно только ненаселенную пустынную территорию. В стране заселенной нужно жить с «диким» человеком в мире, на условиях договора, жить так, чтобы не посягать на его свободу, не считать его своей собственностью (IV, 247). Вместо кротости и человеколюбия европейцы избрали жестокость, коварство и обман. Автор «Истории обеих Индий» писал, что «их жест будет жестом благородным, их взгляд человеческим, но жестокость, предательство в глубине их сердца» (I, 400). В колониях европейцы лишали жителей естественных прав: права защиты своих близких, права собственности.

История не дала Рейналю примеров ни человеколюбивого отношения к местным жителям колоний со стороны колонизаторов, ни добровольного освобождения рабов. Исходя из теории естественного права, он оправдывал вооруженное выступление против колонизаторов. «Бесчеловечные хозяева, — обращался Рейналь к колонизаторам, — против естественного права, против права людей вы располагаете своими жителями колоний, как стадом животных, вы уступаете их без их согласия: и если бы они прибегли к факелу в одной руке и кинжалу в другой, если бы они подожгли испанские корабли, если бы они убили носителя поряд-

ков мадридского двора, есть ли какие-то презренные уста, которые осмелятся их хулить?» (VIII, 210).

Он был твердо убежден, что рано или поздно жестокие колонизаторы окажутся под судом угнетенных народов. «Я вижу вас, — восклицал просветитель, — медленно идущими в тюрьмы, которые вы заслуживаете... Я вижу вас бледных и трепещущих перед вашими судьями. Я слышу крики разъяренного народа, собравшегося вокруг своих судов...» (II, 268).

«Рабство, — писал Рейналь, — состояние человека, который силой или соглашениями потерял собственность над своей личностью», а хозяин может располагать им как своей вещью (VI, 117). Хотя это «отвратительное состояние», говорил он, было известно не всегда, но «естественное равенство» продолжалось недолго. С прогрессом цивилизации «самые сильные и самые ловкие захватили лучшие земли и самые слабые были приведены в подчинение теми, которые могли их прокормить или защитить» (VI, 117). С течением времени «этот порядок» еще более ухудшился, так как те, «которые правила, легко приучились считать себя более высокой породы, чем те, которые им повиновались» (VI, 118).

С дальнейшим развитием торговли, промышленности, когда «слабый нашел защиту в магистрате, а бедный — ресурсы в различных областях промышленности» (VI, 118), рабство исчезает, оно становится все более и более редким. На смену рабству приходит крепостничество. Все владельцы фьефов, писал Рейналь, заявляли, что «человек (не дворянин, — В. М.) мог иметь только мало обеспеченную собственность и прибегал к их щедрости» (VI, 120). Зависимые не могли уходить с земли без разрешения, они не имели права располагать своими владениями «ни по завещанию, ни по какому-либо другому акту». Когда у них не было потомства или «оно жило на другой территории», сеньор становился их единственным наследником. Свободно жениться могли только те, кто покупал на это разрешение. Правители боялись, чтобы народы не узнали о своих правах, поэтому зависимым людям не давали возможности учиться (VI, 120). Эти последние были обязаны выполнять самые унижительные работы, избавлять от расходов своего тирана. Они облагались произвольными, несправедливыми налогами. Их имущество, стада — все разграблено. Таково было угнетение, от которого стонал класс людей, подвергнутых самому грубому обращению (I, 121).

Надо отметить, что термин «рабство» в понимании просветителей имел очень широкое значение. Этим термином они характеризовали любую несвободу, любое явление, которое противоречило буржуазным нравам и нормам, разрабатываемым, пропагандируемым и утверждаемым просветителями. Частое употребление слов «раб» и «рабство» подчеркивало антифеодальную направленность взглядов просветителей.

По мнению Рейналя, рабство стоит на пути прогресса, тормозит развитие промышленности и торговли. Оно нарушает естест-

венные права человека, лишает его свободы. Свобода, писал автор «Истории обеих Индий», — это право, «которое природа дала всякому человеку располагать собой, своей волей» (VI, 126). Это свобода естественная. Но существует еще свобода гражданская и политическая. «Гражданская свобода — право, которое общество должно гарантировать каждому гражданину»; по этому праву гражданин получает возможность делать все, что не противоречит закону. Политическая свобода наблюдается тогда, когда народ сам создает свои законы или частично привлечен к законодательству (VI, 126). Всего этого лишен раб, лишен естественно.

Право владеть рабами, по мнению Рейналя, есть право совершать преступления. Владельцы рабов постепенно убивают свои жертвы: «Я не могу убить раба, но я могу заставить течь его кровь капля за каплей под хлыстом палача, я могу отягчать его горе, работы, лишения, я могу нападать со всех сторон, могу подрывать принципы и основы его жизни, я могу душить медленными муками плод несчастного, который негритянка носит в себе» (VI, 170).

По убеждению Рейналя, можно было бы получать продукты колоний, созданные и собранные руками свободных людей. Он предлагал реформы, которые уничтожат рабство. Начать освобождение рабов, считал просветитель, надо с детей. Необходимо до 20 лет оставить их работать в мастерской господина, чтобы оплатить расходы за воспитание. Следующие 5 лет они находятся в услужении господина за плату, установленную законом. После этого они свободны (VI, 136).

Рейналь обращался к королям: «Короли земли, только вы можете совершить это изменение. Откажитесь от печати вашей власти на преступную и позорную торговлю людьми, превращенных в низменные толпы. Соберитесь однажды для счастья мира, соберите ваши силы и ваши проекты» (VI, 138). Но история не дала примеров, когда правители добровольно идут на освобождение своих подданных. Абсолютный монарх не может совершать «добрые деяния», в этом Рейналь почти уже убедился.

Будучи сторонником теории естественного права, Рейналь настойчиво утверждал правомерность вооруженного выступления угнетенных против своих угнетателей: «Что я говорю? Нации Европы, слушайте меня еще. Ваши рабы не нуждаются ни в вашем великодушии, ни в ваших советах, чтобы разбить кощунственное иго, которое их угнетает. Природа говорит более громко, чем философия» (VI, 138). Неграм не хватает только вождя, чтобы повести их к мщению. Набатным колоколом звучит обращение Рейналя к неграм-рабам: «Где же этот великий человек, которого природа задолжала своим обиженным, угнетенным и измученным детям? Где он? Он появится, не сомневайтесь, он появится, поднимет священное знамя свободы. Этот почетный стяг соберет вокруг него собратьев по несчастью. Более стремительные, чем горные потоки, они повсюду оставят неизгладимые следы своего

справедливого гнева. Испанцы, португальцы, англичане, все их тираны станут добычей железа и огня. Поля Америки восторженно упьются кровью, которой они жаждали столько времени, а кости несчастных, скопившиеся за эти столетия, содрогнутся от радости. Старый свет будет рукоплескать вместе с новым» (VI, 139).

В ряде работ, поданных российскими авторами на конкурс ВЭО, также высказывались просветительские положения. Для них характерна критика крепостничества, показано бедственное положение крестьян, содержались требования прекратить произвол помещиков и предложения регламентировать крестьянские повинности. Наиболее ярко и резко это, как отметил М. Т. Белявский, проявилось в работах № 71 и 99 неизвестных авторов, в сочинениях С. Александрова, А. Поленова, И. Эйзена. Их авторы выступали также за предоставление крестьянам собственности на движимое и недвижимое имущество, но, в отличие от французских просветителей, у них отсутствовало буржуазное понимание собственности.

Русские просветители весьма часто, например, отождествляли право частной собственности крестьян на землю с правом пожизненного, часто наследственного права пользования землей. В отличие от французских просветителей, в частности Вольтера, русские просветители не поднимали вопроса о выкупе крестьянами права частной собственности на землю и освобождения от обязанностей и повинностей.

Неизвестные авторы конкурсных работ № 71 и 99 по уровню образования сильно различались. В первой из них широко использовались материалы античной и средневековой истории и рассматривалась проблема предоставления крестьянам права собственности в теоретическом плане. Автор утверждал, что «природные законы» должны быть основаны на «добрых и беспристрастных» законах, поэтому недопустимо, что «крестьянин лишен собственности земли» и, «будучи сам нищ, приводит в нищету и общество». Он должен быть свободен и обладать правом «пользоваться всеми жизненными удовольствиями равно с другими людьми». Нарушение же его прав «превращает его в нечеловечество», что «является крайнею несправедливостью» и приносит «явный вред обществу».

Двухстраничная конкурсная работа № 99, написанная малограмотным автором (вероятно, крестьянином), отражала позиции русского крестьянина. Крестьянин, говорится в ней, приносит пользу обществу, когда он «исправен в земледелии», а для этого надо ему «отдать движимое или землю», которая должна стать или его собственностью, или находиться в его вечном наследственном владении, тогда «движимое его имение размножится, недвижимое в лучшем порядке будет»²⁰.

За предоставление крестьянам собственности на движимое имущество и землю, регламентацию их повинностей выступал в работе № 88 С. Александров. Он говорил о земельной собственности крестьянина как о его исконном естественном праве, но

под ней автор понимал наследственное владение землей и считал, как отметил М. Т. Белявский, что «в этом случае крестьянин будет в состоянии платить подати, как „государственные, так и господские“»²¹.

На таких же позициях в отношении собственности и крестьянских повинностей находился пастор И. Эйзен. Он, как и авторы названных выше работ, не затрагивал помещичьего землевладения, считая, что там, где крестьянин свободен, особенно когда он владеет своим хутором на правах собственника, там господское имение является владением, так как крестьянин хозяйствует самостоятельно и наряду с этим исполняет известные работы и повинности для своего верховного господина, последний же непосредственно господствует над ним²². Главное для Эйзена, конечно, улучшение положения крестьян, но он не склонен к тому, чтобы их освобождение нанесло урон помещику. Он за то, чтобы были созданы условия, в которых гармонично развивались бы и крестьянское и помещичье хозяйства. Пусть, рассуждает Эйзен, помещик наполовину ограничит свое хозяйство, поселит на эту землю новых крестьян или разделит ее между «старыми и присоединит то, что потеряет в связи с названным ограничением, к прежним повинностям крестьян. Тем самым он предоставит самим крестьянам больше заниматься своим хозяйством, чем быть только рабами, и дух собственности разовьется в известной мере в крепостном состоянии, что не бесполезно и для самого господина»²³.

Предложение добиться развития духа собственности в крепостном состоянии и вообще дать крестьянину в собственность землю, «насколько это допустимо принципами крепостного права», носило явно утопический характер, потому что на пути освобождения крестьян и предоставления им собственности на землю как раз и стояли незыблемые принципы крепостного права. Наряду с помещичьим землевладением пастор Эйзен предлагал сохранить и подати крестьян, которые должны «состоять... только из сельскохозяйственных продуктов» и отдаваться крестьянином «в виде известной части своего ежегодного урожая».

Эйзен выступил против положения как французских, так и русских просветителей о необходимости длительного просвещения и воспитания русских крестьян перед их освобождением — положения, которое охотно воспринимали дворянские идеологи. Такой путь, считал пастор, совершенно противоестествен в силу того, что «освобождение является настоящим политическим возрождением, оно возвращает душе ее естественное положение... вольное состояние слишком существенно отличается от предшествующего... неосновательно рассчитывать, что крестьянин еще в крепостном состоянии будет таким, каким он может стать, будучи свободным». Подготовку освобождения, если уж оно должно свершиться, — писал Эйзен, — «следует начинать с подготовки положения, а не личности крепостного», так как «если крепостной является плохим», то это только «потому, что он крепостной, он может стать

лучше тогда, когда перестанет им быть». Что же касается воспитания души и образования, то «это растение цветет лишь на свободной почве». Следовательно, прежде чем просвещать крестьянина, надо его освободить, и сделать это обязан помещик, отказавшись «от своих прав от одного за другим, которые он сейчас имеет над крестьянином и перенесет их с этим отказом на крестьянское поле»²⁴.

Резкой критике подверг помещичий произвол, показал бедственное положение крепостных в своей конкурсной работе А. Я. Поленов. Его практические предложения во многом совпадали с предложениями авторов работ, рассмотренных выше. Как и они, Поленов не ставил вопроса об уничтожении помещичьего землевладения и крепостного права, а говорил о возможности смягчения положения крестьян в рамках существующей системы. Он, как и большинство просветителей, верил в силу просвещения народа и выдвинул свою программу по этому вопросу, о чем выше уже говорилось. Наряду с просвещением, для облегчения положения крестьян он предлагал помещикам наделить крестьян землей, которой было бы «довольно... для сеяния хлеба и паствы скота». Владеть ею, согласно проекту Поленова, земледелец мог «наследственным образом», чтобы помещик никоим образом не мог его угнетать и отнимать землю, если крестьянин «исправно будет соблюдать свои должности»²⁵. Крестьянин не мог выделенный надел продать, дарить, делить между детьми, закладывать. Если земли «при размножении семей» крестьян будет недостаточно, помещику следует немедленно принять «надлежащие меры». Дворяне, у которых мало земли, должны либо покупать ее дополнительно, либо отпускать крестьян по паспорту для работы в город, либо отдавать их учиться такому ремеслу, «с которым бы они в деревне могли найти пропитание»²⁶.

Французские просветители, как уже говорилось, придавали огромное значение развитию земледелия, видя в нем основу процветания ремесла, промышленности и торговли. Вольтер предусматривал пополнение числа городских жителей за счет обедневших крестьян, которые «будут свободно продавать свой труд», что будет способствовать развитию ремесленного и промышленного производства. Поленов также считает, что «земледелие самое нужное, самое прибыточное для всякого общества богатство», но пребывание деревенских жителей в городах, по его мнению, «весьма много вредит земледелию», потому что оно «в конечном остается в запущении», а крестьяне «портятся от городского своевольства и роскошей, привыкают к праздности и делают себя не способными к понесению деревенских трудов»²⁷. Необходимо в связи с этим, по мнению Поленова, удерживать крестьян от ухода в город и «строго принуждать, чтобы они жили по своему назначению». Однако он понимал, что такое предложение нанесет городу ущерб и «могут оказаться великие недостатки», так как «у нас нет среднего сословия»²⁸. На пути проведения в жизнь своего предложения Поленов видел большие трудности, предлагал «подумать надлежа-

щим образом», чтобы найти возможности для увеличения числа «среднего состояния» людей.

Отличие во взглядах французских просветителей и Поленова на земельную собственность и на обеспечение рабочей силой городов объясняется особенностями социально-экономического развития Франции и России, отставанием последней от развитых европейских стран, а следовательно, и разными задачами, решение которых вело бы эти страны по пути прогресса.

Землю Поленов предлагал оставить за помещиками, которые отдадут ее крестьянам в наследственное наделное пользование. Что касается «движимого имущества, состоящего в скоте и получаемых от земледелия плодах», то он считал, что в распоряжении им «крестьянам должно дать полную власть и волю», потому что в обществе каждый его член должен свободно пользоваться результатами своего труда и быть уверен, что в случае насильственного или скрытого нарушения этих его прав правосудие должно их защищать...»²⁹. Помещик не может и не должен иметь власти на движимую собственность крестьян, так как тогда «крестьянство никогда не сможет подняться; опасность конечного разорения воспретит ему искать в суде помощи, и, служа жертвою беспрестанным гонениям и испытаниям, всегда будет находиться в упадке»³⁰.

Поленов писал, что в «рассуждении налогов» государство и господа «с великим благоразумием поступать» должны. Он считал, что надо обязательно регламентировать законом размеры податей, повинностей и работы крестьян. Подати и повинности в пользу казны, по его мнению, должны составлять не более десятой части крестьянского дохода, а объем работы крестьянина на помещика должен составлять всего один день в неделю, с тем чтобы все остальные дни он работал на себя. Необходимо также создание специальных административно-судебных учреждений: деревенских судов для решения споров между помещиками и крестьянами. Задача крестьянских судов «защищать крестьян от наглости помещиков, которые их без всякой пощады и милосердия мучат, отнимая все то, что им на глаз попадется, и чрез то приводят в несказанную бедность, от которой они никогда не в состоянии избавиться»³¹.

Конечно, у просветителей России второй половины XVIII в. мы не встретим радикального варианта разрешения аграрного вопроса — безвозмездного наделения крестьян землей, которое предлагали французские просветители. Претворение в жизнь этого варианта было утопично в российских условиях второй половины XVIII в., так как объективно крестьянское хозяйство не могло еще стать самостоятельной хозяйственной единицей. Неприятию решения аграрного вопроса, предлагаемого просветителями Франции, русским просветителям мешало не только отсутствие в России реальных исторических условий экономического характера, но и отсутствие развитой политической жизни, реальной силы, способной отстаивать требование времени и народных масс. Просве-

тители в своих сочинениях уделяли основное внимание теоретическому обоснованию своих положений и не говорили об их практическом воплощении в жизнь. Для них в то время важно было убедить общество в правильности своего учения, его способности решить все проблемы наиболее справедливым образом. Предложения просветителей были проникнуты заботой о крестьянстве, направлены на значительное ограничение и смягчение крепостного права.

Именно такой подход в решении крестьянского вопроса отличал просветителей от идеологов консервативного направления, позицию которых четко выразил А. П. Сумароков в своем письме ВЗО в ответ на объявление конкурса о крестьянской собственности. Он утверждал, что «сыны общества» и «рабы общества» на поставленный вопрос ответят однозначно: что крестьянам нельзя иметь в собственности землю, «ибо земли все собственные дворянские». Если освободить крестьян и дать им в собственность землю, то что же дворянину останется, вопрошал Сумароков³².

Консервативные идеологи в своих конкурсных работах настаивали на том, что давать крестьянам собственность на землю не следует ни под каким видом, так как они-де не знают ей цену и, будучи необразованными, не смогут отличить свободу жизни под сенью законов от свободы делать все, что захочется. Крестьяне ленивы, плохо знают свои обязанности, нерадетельны, злобны, склонны к обману и воровству, поэтому предоставление им в собственность земли приведет к упадку хлебопашества. В стране будет ощущаться недостаток в хлебе, ибо крестьяне будут пропивать его излишки. Ни в коем случае нельзя освобождать крестьян и давать им в собственность движимое имущество, потому что без власти помещика умножатся случаи воровства, разбоя и пьянства. Столица останется в запустении, так как все разбегутся в поисках легких заработков и все, что заведено нынешними владельцами, придет в запустение. Необходимо сохранить земли за дворянами, их власть над крестьянами. Так как «народ родится и воспитывается в самом рабстве и невежливости, то он уже и требует во всем принуждения и строгого содержания»³³. Следует отнять у крестьянина все средства и возможности для существования, кроме хлебопашества.

Сторонники сохранения крепостного права отстаивали незыблемость и сословного строя, говоря, что «каждый счастлив в своем сословии», при его ремесле и деле. Русский крестьянин доволен своим положением и не хочет его менять, считали охранители, с отвращением смотрит на самую возможность покончить со своим невежеством. «Я знаю крестьян, которые лучше потеряли бы все, что они имеют, даже скорее покинули бы свою страну, чем захотели отправить своих детей в школу», — писал, например, лифляндский помещик Э. И. фон Мекк³⁴.

С противоположных позиций выступали представители просветительского и консервативного направлений общественно-политической мысли России в Уложенной комиссии. Как показал М. Т.

Белявский, ожесточенная борьба шла в комиссии «по главным вопросам жизни страны и народа — положение крестьян, крепостное право, проявления и порождения крепостничества»³⁵. В ходе этой полемики интересы и нужды крестьянства отстаивали не одинокими, как это хотелось бы правительству. Только в 1768 г. в комиссии прозвучало 58 антикрепостнических выступлений. В защиту крестьянства высказались 26 депутатов (4 дворянина, 4 депутата городов, 2 казака, 7 однодворцев, 7 крестьян и 2 депутата нерусских народов), причем многие из них выступали по 3—7 раз³⁶. Ход работы Уложенной комиссии и полемики в ней по крестьянскому вопросу наиболее полно представлен в капитальном труде М. Т. Белявского «Крестьянский вопрос в России накануне востания Е. И. Пугачева». Соглашаясь с ним в оценках позиций, занятых представителями просветительской и консервативной мысли, мы считаем, здесь достаточно будет кратко их изложить, не вдаваясь в описание деталей обсуждения крестьянского вопроса.

В начале работы комиссии (июль — декабрь 1767 г.) в ряде выступлений при обсуждении крестьянских наказов говорилось о грузе повинностей государственных крестьян, тяжелом положении крестьян приписных, о запрете крестьянству заниматься торговлей и ремеслами, захватах помещиками крестьянских земель³⁷. Но единственным выступлением, где содержались элементы критики отдельных сторон крепостного права, была речь депутата от казаков А. Алейникова. Он выступил против покупки на Украине и в казачьих землях крестьян казацкой старшиной, чиновниками и купцами, превращавшими их в своих крепостных. Депутат требовал запретить им приобретать земли, деревни, угодья, а то, что уже куплено, отобрать. Закрепощаемых старшиной крестьян следовало, считал Алейников, перевести в разряд государственных, а на фабриках производить работы не крестьянам, а вольным людям. Отвечая представителям казацкой старшины, выступавшим за распространение крепостного права на Украину и казацкие земли, он заявил: «Мы видим целую Европу, которая в крепостных крестьянах никакой нужды не имеет. И не большее ли будет предосуждение всем гг. депутатам и всему нашему государству перед другими европейскими странами, когда по окончании сей высокославной Комиссии узаконено будет покупать и продавать крестьян как скотину?»³⁸

Вскоре после этого в работе Уложенной комиссии на два месяца был объявлен перерыв в связи с переводом ее из Москвы в Петербург. В столице она возобновила свою работу 16 февраля 1768 г. 7 апреля комиссия начала рассмотрение указов о беглых крестьянах, в которых планировалось ужесточение наказаний за бегство и укрывательство беглых, чего неустанно требовали дворяне.

Полемика между просветителями и представителями консервативного направления разгорелась с новой силой. Разногласия выявились уже по вопросу о причинах крестьянских побегов. Депутаты, выступавшие в защиту крестьян (А. Маслов, В. Кипен-

ский, И. Сухопрудский, Г. Коробьин, И. Чупров, И. Жеребцов, Я. Козельский и др.), отмечали, что главная причина массового бегства заключается в «несносном по нестерпимости» их положении, происходившем «от роскоши помещиков... от жадности сребролюбия управителей их»³⁹. Г. Коробьин дал развернутую характеристику положению крепостных. «Довольно в свете таких владельцев, — говорил он, — которые с крестьян своих берут против обыкновенной подати... отдают своих людей, отлучив их от земледелия, зарабатывать одни хотя следуемые проценты ежегодно к уплате»⁴⁰. Имеются и такие дворяне, «кои, увидев своего крестьянина, трудами рук своих стяжавшего малый себе достаток, лишают вдруг всех плодов его старания». «Горестнейшая бедность» земледельца, говорил Коробьин, достойна сожаления и «с человеколюбием сходства никакого не имеет»⁴¹.

То, что причиной бегства крестьян являются помещики, «отягчающие толь много их своим правлением», которые, «не рассуждая о пропитании в жизни крестьян», заставляют их практически каждый день быть на господской работе⁴², утверждали выступившие в поддержку Коробьина, Чупров, Жеребцов, Маслов. Более того, они отметили, что крестьяне «чрез некоторых дворян неустройство не только в их домах имеют, но и в судебных местах неповинно страждут». Крестьянин не может в суде найти защиты, так как если не признана вина земледельца, то помещик его бьет, если же по суду вина владельца будет признана, то «бьют крестьянина в судебных местах»⁴³. В тяжелом положении, как показали депутаты, находились не только помещичьи крестьяне, но и однодворцы, которые бежали от произвола помещиков, отбравших у них землю, имущество, выгонявших их из своих домов.

Несогласие с тем, что основной причиной массовых крестьянских побегов было «отягощение их (крестьян. — В. М.) помещичьими работами и оброками», высказывали дворянские депутаты (Б. М. Глазов, М. Щербатов, П. Степанов, А. Протасов, А. Похвиснев, Г. Бровцын и др.), желавшие не только сохранения крепостного права, но и его укрепления. Бегство крестьян, утверждали они, всегда в убыток не самим крестьянам, а прежде всего их владельцам, которые вынуждены платить за них всякие государственные поборы. Крестьяне бегут вовсе не от плохой жизни, а от собственного пьянства и лени, воровства, разбоя. Пороки, им присущие, «всевают всякого рода зло в них». Имея пороки, «люди должны неотменно искать убежище, где безопаснее и свободнее злым намерениям своим последовать могли, и, следуя единственно худой склонности, безрассудно оставляют дома свои, кои ленью и беспутством их совсем разорены, промотаны, бегут от господ своих, коих они непорядками своими раздражили»⁴⁴, бегут от справедливого гнева помещиков. Мысль о том, что владельцы обременяют и разоряют крестьян и государство, для сторонников крепостного права была ужасна. Но для государства, считали они, она безопасна, потому что все граждане в России

проявляют «усердие и повиновение царю» и «никакой другой народ ревностнее не защищал права своего царя и не полагал живота с таким усердием, как наш в защищении безопасности отечества»⁴⁵.

Ожесточение у большинства дворянских депутатов вызвали предложения просветителей о собственности крестьян и регламентации их повинностей. «Где никто не имеет своего собственного имени, — говорил Коробьин, — там земледелие процветать или в хорошем состоянии быть не может»⁴⁶. Этот вопрос должен был быть решен в законодательном порядке. Просветители предлагали осуществить земельную реформу в рамках существующей системы: сохранив помещичье землевладение, часть земель помещиков отдать крестьянам в собственность. Однако условия, на которых могла бы предоставляться земля, выдвигались разные. Козельский считал, что крестьяне должны иметь в собственности землю на праве наследования и потому «прилежнее в земледелии упражняться будут». Однако продавать и закладывать землю они «без дозволения помещика не властны». Коробьин же говорил, что полученную в собственность землю крестьянин «может без опасения пустить в обращение, как-то: заложить, продать, подарить и оставить по себе кому хочет, не думая, что оное (владение. — В. М.) когда-нибудь отнято будет его помещиком»⁴⁷.

Просветители в Уложенной комиссии требовали для крестьян безусловного и законом оформленного владения движимой собственностью. Законодательным путем, по их мысли, должны были быть ограничены крестьянские повинности в пользу помещиков. За исключением, может быть, Маслова, просветители не ставили вопрос об обязательном освобождении крестьян. Стремление улучшить положение крестьян в рамках феодально-крепостнической системы, сохраняя их личную зависимость, по словам Г. В. Плеханова, стало «тем порогом, о который споткнулась мысль даже самых передовых и наиболее расположенных к трудящейся массе дворянских депутатов»⁴⁸. Ждать от них полного отрицания крепостного права было бы такой же утопией, какой были сами их предложения, так как эти люди действовали в условиях России 60-х годов и не могли выйти за рамки, которые ставило им время.

Просветители выдвигали различные варианты регламентации крестьянских повинностей. Коробьин предлагал, чтобы крестьянская «дань» была «мерной», с учетом условий той или иной местности. В зависимости от этого, говорил он, надо определять, где лучше получать ее деньгами, а где продуктами⁴⁹. Его поддерживали Чупров, Жеребцов, Козельский. Последний выступил за то, чтобы помещик и крестьянин сами договаривались о форме выполнения повинностей — барщине или денежном оброке, но чтобы работа на помещика не превышала двух дней в неделю; еще два дня крестьянин выполняет государственные повинности, а остальное время работает на себя⁵⁰. Такое же, по сути дела, предложение высказал депутат Кипенский.

С ними не согласился Маслов. «Хотя бы и надлежало так только, — сказал он, — между тем мною я, чтобы быть не без погрешностей», что владелец «может двумя днями наверстать на всю неделю и в 2 дня может неустроенною без умеренности тяжкою работою всех крестьян поделать пеших без лошадей и привести их в самое изнеможение и самих, принуждая их, не оставить при том без побоев»⁵¹. Не спасет и законодательное регулирование повинностей, возражал Маслов Коробьину. Ведь земли для пахоты бывают разные и помещик может дать пахать такую землю, на которой крестьянин не сможет выполнить установленный урок. Чтобы избежать обнищания крепостных, избавить их от произвола помещика, считал Маслов, надо учредить особую коллегия или контору, в ведении которой и находились бы крестьяне. Она должна защищать крестьян, обеспечивать сбор подушной подати, рекрутские наборы. Коллегия будет собирать налоги с крестьян в пользу помещика и отдавать «тому господину, или от него поверенному с роспискою»⁵². До выступления Маслова представители просветительской мысли говорили о возможном предоставлении собственности крестьянам по воле помещиков, законодательном расширении их имущественных прав, регламентации и сокращении повинностей, ликвидации произвола в отношении имущества и личности крестьян. Маслов же предложил уже не ограничение помещичьей власти, а ее уничтожение, передачу крестьянам помещичьей земли, сведение отношений крестьян с бывшими владельцами к уплате «душевого сбора»⁵³.

Возмущенные дворянские депутаты — сторонники крепостного права бросились доказывать, что дворяне своих крестьян берегут, как велит им «долг отца и хозяина». Помещиков, отягчающих жизнь крестьян, утверждали они, совсем немного. Земли даны дворянам в собственность «за их верную службу отечеству», они заслужили ее своей кровью «за сопротивление татарам и полякам, за неоднократное освобождение Москвы». Помещики уплатили за землю практически всю ее стоимость. Давать землю крестьянам, ослаблять над ними власть помещиков нельзя. «У владельца, — говорил Глазов, — земля купленная, а ему (крестьянину, — В. М.) она дана во владение для севу хлеба, ни продать, ни заложить он ее не должен, а продаст или по лености своей не обрабатывает, знает, что от владельца будет за то наказание...» Нельзя давать крестьянам собственности на «недвижимое имение», вторил ему Щербатов, потому что они не имеют «добровольного попечения о земледелии или, быв несчасными какими принуждены, продадут их (земли. — В. М.) посторонним»⁵⁴. Разорвать цепь, связующую помещиков и крестьян, невозможно, считал Щербатов, потому что она определяет благоденствие крестьян и целостность государства. Не будет ее — крестьяне ударятся в разбой, воровство, уменьшатся доходы государства и оно придет в упадок, а самое страшное заключается в том, что само имя свободы произведет в «сих непрощенных людях умствование неподданства», «ненависть и огорчение противу их господ»⁵⁵. Сходные мысли высказал Похвиснев,

заявивший, что разрушение связи между помещиками и крестьянами приведет к ослаблению «домостроительства» крестьян и прекратит почитать помещика «как защитника своего и охранителя». Протасов считал, что вольность вредна для всех государств и во все «бесполезна нашему государству». От вольности «хлебопашцы, расточивши свои имения, не будучи связаны помещичьей властью, разбредутся, и тогда те земли останутся совсем пустыми, а вместо размножения хлебопашества последует совершенное оно истребление»⁵⁶.

Вопрос о предоставлении воли крепостным возник на следующем этапе работы Уложенной комиссии, в июле — декабре 1768 г. при обсуждении «Проекта прав благородных», в котором среди прочих содержались пункты о том, что дворяне могут переменить свое право владения деревнями «на право деревень свободных», передавать по наследству, продавать, покупать их и «крепостным своим давать свободу».

Сторонники крепостного права сочли эти пункты вредными и опасными, несправедливыми по отношению к дворянству. Кроме вреда, заявили эти депутаты, государству они ничего хорошего не принесут. Необходимо, чтобы дворяне поступали со своими деревнями по своей воле, как это было всегда⁵⁷. В ответ Г. Коробьин и депутат Л. Татищев (чиновник одной из коллегий) возразили, что предоставление свободы крестьянам отнюдь не причинит вреда, что их освобождение сделает земледельцев еще более полезными для государства и помещика. По их мнению, дворяне получили редкий случай показать пример служения отечеству, пожертвовав одним из своих прав, что безусловно делает им честь, а крестьяне, перестав быть «рабами помещиков», будут их подданными. Коробьин прямо предлагал «дозволить деревню освободить», а Л. Татищев говорил, что примером того, что дает государству свобода крестьян, является «народ английский»⁵⁸. Выступали они, как показал М. Т. Белявский, в крайне сложных условиях: депутаты, защищавшие крепостное право, вели себя враждебно, маршал комиссии прерывал речи, запрещал говорить о свободных крестьянах в других странах, об Англии и т. д.⁵⁹

Таким образом, при обсуждении крестьянского вопроса в Уложенной комиссии в острой борьбе со сторонниками сохранения и укрепления крепостного права представители просветительской мысли показали бедственное положение крестьян, выразили их нужды и чаяния, говорили о необходимости предоставить им права собственности на движимое и недвижимое имущество, в том числе и на землю. Они доказывали, что крепостное право — главная причина разорения, нищеты и невежества крестьян и, стараясь улучшить и облегчить их положение, предлагали ограничить и регламентировать крестьянские повинности. На заседаниях комиссии прозвучала мысль о необходимости конфискации крестьянских наделов и крестьян у помещиков, ликвидации помещичьей власти над крестьянским имуществом и личностью крестьянина. Правда, просветители считали, что провести эти меры в жизнь

можно, не ликвидируя существовавшей системы. Но, как мы уже не раз отмечали, в 60-е годы иных путей улучшения положения крестьян они видеть не могли.

Роспуск Уложенной комиссии не прекратил обсуждения крестьянского вопроса, на что рассчитывали Екатерина II и большинство дворянства. Оно продолжалось на страницах многочисленных сатирических журналов, в публицистических, философских, литературных произведениях, письмах, записках, проектах, предложениях представителей как просветительского, так и консервативного направлений.

В приложении к «Представлению о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской Империи» С. Е. Десницкий писал, что крепостных крестьян следует именовать главной частью «нижнего рода людей», которая лишена «всех выгод» и не имеет «ни малейшей собственности»⁶⁰. Отсутствие собственности является, по его мнению, полной несправедливостью и препятствует развитию земледелия. Для того чтобы положить предел злоупотреблениям в отношении крепостных, пагубным и для них и для государства, следует создать «благоразумные учреждения», с помощью которых «можно поставить нечто в пользу сих жителей». Они должны устанавливать для крестьян путем распоряжений определенные выгоды и «означить некоторый род собственности», предоставить которую им для «умножения их трудолюбия» обязан помещик⁶¹.

«Противна человеколюбию, пагубна для государства, вредна самим помещикам», писал Десницкий, существующая продажа крестьян оптом, в розницу и без земель. Это зло наиболее всего препятствует росту народонаселения и благонравию людей, и его «надлежит совсем искоренить и внести в закон, дабы некоторый помещик своих крестьян без их согласия не продавал»⁶². Одновременно просветитель настаивал на том, что нельзя никому жаловать и продавать однодворцев, пахотных солдат, черносотенных, ясачных крестьян, жителей приграничных районов, что стало в период правления Екатерины II нормой и почти правилом. Десницкий предлагал четко определить повинности и подати этих категорий крестьянства, размеры их собственности и возможность ее завещания⁶³. Резко выступал он против превращения крепостных крестьян в дворовых людей. Помещики, говорил он, делают это произвольно, по большей части через своих управляющих, а те «при таком наборе мало наблюдают правила человеколюбия и правосудия», разбивая семьи, в результате чего семьи лишаются кормильца, а государство «полезных граждан». Чтобы помещик имел необходимых ему дворовых, Десницкий предлагал учредить орган, «могущий удовлетворять помещиков без удручения крестьянства и земледелия»⁶⁴.

Главным и единственным правом, которое нужно, по его мнению, предоставить крестьянам, это свобода. Вольность они должны получить от помещика сразу и не только для себя, но и для своего потомства «с запрещением вступить снова в крепость»⁶⁵.

Подобно Поленову, Коробьину, Козельскому и другим просветителям 60-х годов, Десницкий надеялся в деле освобождения крестьян на законодательство и на гуманность помещиков и считал, что эту меру надо подготовить и провести так, чтобы не нарушить спокойствие государства, «не учинить во вред помещиков, ниже не подать крестьянству поползновения к непослушанию и верности»⁶⁶.

Десницкий осудил крепостное право с экономической точки зрения. Сделал он это в переводе книги Томаса Боудена «Наставник земледельческой или краткое английского хлебопашества показание...», вышедшее в 1780 г. в новиковской типографии. Как показал П. С. Грацианский, книга в процессе перевода была дополнена положениями «других английских агрономов», а «ряд мест написан самим Десницким»⁶⁷. Описывая новые методы ведения хозяйства в Англии, просветитель предупреждал, что они не всегда приемлемы для России, потому что в Англии работы выполняют наемные работники, в России же для этого нет денег. Он осуждал проведение земледельческих работ трудом крепостных, противопоставляя России Англию. «Нет нужды, — писал Десницкий, — за производимым хлебопашеством английским в таковых приставах и прикащиках, о каковых в России даже и в пословицу взошло: не купи деревни, а купи прикащика. Все земледелие проводится там добровольно, честно и с несказанным рачением, успехом и совершенством». Нам представляется правомерным вывод П. С. Грацианского, что Десницкий «был близок к мысли о том, что применение новых методов ведения сельского хозяйства должно повлечь ликвидацию крепостничества», и не случайно подчеркивал, что «земледелие всей Европе послужило... дарованием вольности»⁶⁸.

Если Десницкий считал, что облегчение положения крепостных следует провести так, чтобы не возбудить их неповиновения, то секретарь правительствующего Сената философ Я. Козельский (брат депутата Уложенной комиссии от Днепровского пикинерного полка Я. Козельского) высказывался о правомерности восстания для установления справедливого общества. В главном труде Козельского «Философические предложения» нельзя найти слов «крепостной», «крестьянин», «крепостное право». Речь в нем идет о «невинном и терзаемом человечестве», угнетателях и угнетателях, но не о русском крепостном крестьянине. Причиной этого, не без оснований предполагает Ю. Я. Коган, в немалой степени была цензура, по-видимому, и вынуждавшая Козельского... маскироваться, скрывать, вуалировать свои подлинные мысли, схематизировать их и придавать им абстрактную форму⁶⁹. Но сама книга, положения, высказанные в ней, были несовместимы с крепостническим строем. За абстрактными формами читатель видел русскую действительность. «Начальникам, — писал Козельский, — пристойно смотреть за подчиненными, чтобы они не были праздны, а находились бы в законном труде», но тяжелы поступки тех людей, «которые от подчиненных своих требуют неусыпных трудов,

хотя со всем тем от таких трудов натурально приходит меньше плода, нежели от умеренных». Более того, при такой системе одни люди «имеют ревность к общей пользе не по разуму», а другие «под видом искания общей пользы искусно утесняют своих ближних и презирают в них подобное себе человечество»⁷⁰.

Козельский говорил о людях, «которые привыкли жить на счет чужого поту», уверенных в том, что роскошь в обществе нужна, так как без нее «могут пропасть науки и художества»⁷¹. По мнению просветителя, каждому человеку необходимо исполнять свои должностные обязанности и быть трудолюбивым, потому что трудолюбие «не допускает заражаться пороком». Однако труд каждого должен быть «уравненный», чтобы человек «мог содержать себя, престарелых родителей и малолетних детей». При этом, если не допустить «одних людей в небрежении держать, во зло употребляя или нарочно трудом других выработанные вещи от роскоши портить», то общество будет существовать бедно. Всегда будет достаточно, да еще останется запас на будущее. Если же одни люди будут трудиться больше, то другие придут «в крайнюю лень» и общество «уподобится тому полку, в котором командиры очень богато одеты, а солдаты ободраны»⁷².

Как мы уже отмечали, Козельский был не согласен ни с консервативными идеологами, ни с теми просветителями, которые считали, что освобождению народа должно предшествовать его просвещение. Одни, писал Козельский, так говорят по незнанию, другие потому, что «почитают в неумеренном господствовании над людьми лучшую для себя пользу». Он был убежден, что просвещение народа должно идти «через облегчение его трудностей»⁷³. Для человека не свойственно долго копить обиду и скрывать свою досаду, особенно это характерно для притесняемых людей. Но злоба и добродетель не совместимы в человеке, а потому люди ищут случая, чтобы излить свою злость, отомстить за обиды. «Как то и натурально рассудить можно, — писал Козельский, — что река, плотину долго удерживаемая, как найдет место к своему проходу, то тело с большим стремлением силится туда пройти и потому тем больше рвет плотину, чем долее той реки течение сдерживано было; так равномерно и к долговременному терпению принужденные люди по долгом притворстве, как только найдут удобный случай, то тем больше истощают наружу свою досаду, и такие люди иногда бывают сами и обидчики их, а иногда одни обидчики волнованию сердец их причиною, и в сем другом случае по справедливости почесть можно почти за невинных»⁷⁴. Таким образом, просветитель пришел к выводу о возможности освобождения не только «сверху», но и «снизу», он оправдывал борьбу против угнетения. Как заметил Ю. Я. Коган, у Козельского «необходимая для установления справедливого общества добродетель... выступала в форме морально оправдываемого насильственного ниспровержения „утеснителей“»⁷⁵. Конечно, это был еще не прямой призыв к восстанию, а предупреждение угнетателям и утверждение морального права народа на насильственный переворот.

Но в 60—70-е годы такая точка зрения не была поддержана и развита просветителями, так как у них сильны были надежды разумить помещиков, уговорить их облегчить участь крестьян и исправить вообще положение в обществе за счет развития просвещения и деятельности «просвещенного монарха». Именно с этих позиций рассматривали крестьянский вопрос Н. И. Новиков и Д. И. Фонвизин.

Сатира была важнейшим средством развернувшейся идейной борьбы между просветителями и консервативными идеологами. В решении крестьянского вопроса просветители руководствовались морально-гуманистическими принципами. Исходя из просветительского учения о человеке, Новиков и Фонвизин выступили в защиту угнетенного крестьянства, его достоинства. Своими произведениями они утверждали мысль о том, что труд крестьян, «питателей России», является основой существования русского общества, что благополучие крестьян — благополучие России. Считая, что виновниками бедственного состояния земледельцев являлись помещики, Новиков и Фонвизин обличали, осмеивали, осуждали поведение «худых» дворян, критиковали пороки дворянского общества.

Перед читателем со страниц комедий и сатирических журналов предстает галерея «извергов человечества». Простакова и Скотинин, Фалалей, его дядюшка и родители, помещик Григорий Сидорович, владелец деревни Разоренной, Григорий Терентьевич, Змеян, Безрассуд, Злорад и другие дворяне. Они паразитируют, живут за счет крестьян, обдирая их. «А с мужиков, — жалуется Фалалею отец его Трифон Пакратьевич, — ты хоть кожу сдери, так не много прибыли. Я, кажется-таки, и так не плошаю, да что ты изволишь сделать: пять дней ходят они на мою работу, да много ли в пять дней сделают; секу их нещадно, а все прибыли нет, год от году все больше мужики нищают... ума не приложу, что с ними делать»⁷⁶. Особенно трагичной предстает судьба крепостных в образе Филатки, оставшегося с «четверыми робятками» без лошадей, которые пали. Хлеба ему «достать не на чем и не с кем, пришлось пойти по миру»⁷⁷. Но помещик Григорий Сидорович приказывает объявить Филатке, «чтобы он впредь пустыми своими челобитными не утруждал и платил бы оброк без всяких отговорок и бездонмочно»⁷⁸.

Крестьяне, угнетаемые помещиками, терпели нужду и лишения, создавая богатство помещиков и всего государства. «Бедность и рабство, — говорил неизвестный и поныне автор «Отрывка путешествия В***, И***, Т***», — повсюду встречается со мною в образе крестьян. Маленькие, покрытые соломою хижин из тонкого заборника, дворы, огороженные плетнями, небольшие одонья хлеба, весьма малое число лошадей и рогатого скота подтверждали, сколь велики недостатки тех бедных тварей»⁷⁹. Помещиками движет, доказывали Фонвизин и Новиков, не человеколюбие и добродетель, а стремление к личной выгоде, наживе, получению выгодных теплых местечек, страсть к чинам, обогащению любыми

средствами. Они избегают общественной деятельности, государственной службы, у них отсутствует чувство патриотизма, долга, о чем с горечью говорит Стародум Милону, Правдину, Софье. Высмеивая с помощью широких обличительных средств жестокосердных помещиков, Фонвизин и Новиков отдавали их как бы на суд общественности, взывали к их совести, гуманности. Читая гневные тирады против крепостников, общество должно было убеждаться в аморальности крепостничества.

Однако вывода о необходимости уничтожения крепостного права Фонвизин и Новиков не делали. Фонвизин, утверждая в «Недоросле» мысль о том, что оно имеет пагубные последствия и что унижать рабством себе подобных недопустимо, видит возможность защиты крестьян от зверств помещиков типа Простаковой и Скотинина, отобравших у крестьян все, что у них было, во взятии под опеку государства их имений. Новиков считает, что введение крепостного права государством для прекращения побегов, переходов крестьян, и, «нерачения» в трудах, для предотвращения крестьянских восстаний было мерой хоть и вынужденной, но вполне разумной. В то же время в письме Г. В. Козицкому он пишет, что дворяне, которые должны заботиться о хлебопашестве «наиболее прочих», потому что они «люди, которым государь вверил некоторую часть людей же во всем им подобных, в их надзирание»⁸⁰, стали считать себя собственниками крестьян и от этого в значительной мере произошло повреждение их нравов и они «нужное подчинение» превратили в несносное иго рабства.

Государь, полагали Фонвизин и Новиков, может и должен призвать помещиков к порядку, человеколюбию и благородству в отношении крестьян. Но это может сделать только «просвещенный монарх». Екатерина II, по мнению Новикова и Фонвизина, таковым не является, так что честным людям исправить что-либо при дворе императрицы вряд ли возможно. Напомним приведенную выше мысль Фонвизина. «Тщетно, — говорит он устами Стародума, — звать врача к больным неисцельно. Тут врач не пособит, разве сам заразится»⁸¹. Через речи Стародума пытается драматург разъяснить зрителям всю бессмысленность надежд на Екатерину II, лживость ее заявлений о том, что она стремится обеспечить свободу и права подданных российского государства. Это же в своих сатирических журналах, прежде всего в «Трутне» и «Живописце», делал и Новиков. Просветители показали, что политика Екатерины II обеспечивает господство Простаковых, Скотининых, Фалалеев, Змеянов и им подобных с их грубыми нравами, самодурством, жестокостью и расцвет рабства для простых тружеников. Выход в изменении положения дел в стране они видели в создании общественного мнения, направленного против помещичьего произвола, поэтому апеллировали к обществу, а не к государыне.

На основе просвещения и дворян и крестьян, считали Фонвизин и Новиков, можно добиться мирного урегулирования их взаимоотношений. Помещиков надо перевоспитать, смягчить их нравы,

только тогда появятся «много людей разумных и честных, упражняющихся в домостроительстве». Новиков и Фонвизин верили, что есть в России добродетельные дворяне, которые крестьянам своим являются истинными отцами. Отсюда в их произведениях постоянное противопоставление добрых дворян жестоким: Стародума, Правдина, Милона — Простаковой и Скотинину, Мирена — Змеяну, Г. Г. Орлова, у которого крестьяне живут богаче иного дворянина, — Трифону Панкратьевичу, деревню Благополучную — деревне Разоренной и т. д. Л. А. Дербов пишет, что для Новикова «упоминание о „помещиках-отцах" не были простыми литературными противопоставлениями с целью контрастного заострения образа или тактическим приемом, продиктованным цензурными соображениями (на чем настаивал в своей работе М. Т. Белявский⁸². — В. М.), но являлись важнейшей органической частью новиковской концепции»⁸³. Думается, что утопическая вера в «помещиков-отцов», рассматриваемая Л. А. Дербовым как социальный идеал Новикова, была характерна и для Фонвизина.

Была ли позиция Новикова и Фонвизина антикрепостнической, можно ли об этом говорить с полным основанием? Они не требовали ликвидации крепостного права как системы ни в 60-е, ни в 70—80-е годы, хотя в условиях реакции, усилившейся после пугачевской войны, продолжали выступать в защиту угнетенных и обездоленных крестьян, против крепостнических порядков и наиболее жестоких форм, в которых они проявлялись («Недоросль», «О торговле вообще», «Московское ежемесячное издание» и др.). В 80-е годы они разочаровались в просвещенности монархического правления Екатерины и старались убедить общество, что ее политика носила прокрепостнический характер. Фонвизин и Новиков понимали, что такое положение бесконечно продолжаться не может. Но они считали, что непр просвещенный народ не может подняться к чувству свободы, а обратится к кровавому мщению. Крестьянская война еще более убедила их в этом. Поэтому они продолжали настаивать на мирных путях преобразования общества и страны. Их критика крепостного права, не всегда последовательная, но весьма острая, их выводы, хотя в них прямо не говорилось об уничтожении крепостного права, «подводили к мысли об этом, скрывали за собой идею всесословного равенства, „вольности" народа, ликвидации... крепостнических порядков»⁸⁴. Поэтому, с нашей точки зрения, их позиция была в целом антикрепостнической, наносившей удар по системе феодальной эксплуатации и сословности.

Выступления Новикова и Фонвизина в защиту крестьян были лишены желания приспособить существующую систему к новым развивавшимся в недрах феодализма капиталистическим отношениям, характерного для предложений по крестьянскому вопросу Н. И. Панина, Д. А. Голицына, И. П. Елагина, С. В. Гагарина, Я. Е. Сиверса. Последние, рассуждая о необходимости облегчить участь крестьян, видели в этом путь повышения доходов своих имений. Об этом напрямую в беседе с Дидро высказалась

Е. Р. Дашкова. «В моем орловском имении, — говорила она, — мною установлено такое управление, которое, думаю, может сделать крестьян свободными и счастливыми и в тоже время оградить их от притеснения мелких чиновников. Благоденствие наших крестьян увеличивает и наши доходы; помещик должен быть совершенно безмозглым, чтобы самому иссушать источник собственного богатства. Дворянство — так считают и крестьяне — служит посредником между ними и государством, потому в интересах самих помещиков защищать крестьян от лихоимства губернаторов и их чиновников»⁸⁵.

Н. И. Панин в записке, поданной в 1763 г. с целью ограничить помещичьи неслучайные повинности, предлагал секретно, дабы не возмутить крепостных, установить надзор губернаторов за невоздержанными помещиками, запретить торговлю рекрутами и продажу крестьян в розницу, но оставить помещикам возможность продавать их целыми семьями. Выдвинул он и идею составления примерного положения о крестьянских повинностях. Предлагая ввести довольно умеренный душевой оброк с крепостных в размере двух рублей, он ратовал одновременно за то, чтобы помещик не мог требовать с крестьян барщину более четырех дней в неделю⁸⁶.

Об освобождении крестьян Панин ничего не говорил. Об этом повел речь в своих письмах к вице-канцлеру А. М. Голицыну видный ученый и политический деятель князь Д. А. Голицын. Он предложил освободить крестьян и «даровать им собственность», так как несвободный труд менее производителен и естественными его спутниками являются леность, небрежность, крестьянин лишается бодрости духа и предприимчивости. Дворянам, считал Голицын, следует освободить крестьян по своей инициативе, правительство не должно оказывать на них давление. Более того, императрица сама обязана подать пример, начав освобождение с дворцовых крестьян. Но предоставлять в собственность крестьян землю не следует. «Мне, — писал он, — никогда не приходила в голову подобная нелепость. Земли принадлежат нам; было бы вопиющей несправедливостью отнять их у нас». Под дарованием крестьянам собственности Голицын подразумевал предоставление им через освобождение права собственности на свою личность и на движимое имущество и разрешение тем из них, кто имел средства, покупать земли на собственное имя, что со временем и должно было составить их поземельную собственность. Освобожденный крестьянин, рассуждал он, будет арендовать землю у помещиков, достаточную «не только для его пропитания, но и для обогащения его, ибо чем состоятельнее он будет, тем за высшую цену он будет снимать мою землю». Свободу крестьянин тоже должен был выкупить у помещика. Князь считал следующим образом: «Теперь крестьяне платят помещикам средним числом под два рубля с души; между тем, получив 200 рублей выкупа (что было выше обычной цены. — В. М.), господин будет иметь, считая 5% — 10 рублей с души, а кроме того, у него останется еще земля»⁸⁷.

«Князь Д. Голицын, — пишет В. И. Семевский, — прекрасно понимал, как было бы выгодно для помещиков безземельное освобождение крестьян; он прямо даже строил на нем расчеты увеличения доходности своего имения, а потому мы не можем считать его человеком, искренно желавшим блага народу»⁸⁸.

С полным основанием данную характеристику можно отнести к С. В. Гагарину и Я. Е. Сиверсу. Первый предлагал предоставить крестьянам право выкупаться на свободу за 250 рублей, причем 200 рублей должен был получить помещик, а 50 рублей — государство. Второй считал, что за свое освобождение крестьянской семье, состоящей из 2—3 человек мужского пола, следует заплатить 500 рублей. После уплаты выкупного платежа, — писал С. В. Гагарин, — крестьяне освобождаются от подушной подати, рекрутской повинности и других повинностей в пользу государства. Земли крестьянин не получает, а получает право расселиться в других местах империи или остаться на прежнем месте, на земле помещика на определенных условиях. Делать все это надо постепенно, чтобы не привести к заметным изменениям в государственном устройстве России.

Я. Е. Сиверс, выступая за освобождение крестьян без земли и за выкуп, был еще более скромнее, чем Гагарин, в предоставлении им различных прав. По Сиверсу, господин не должен иметь права наказывать своих крестьян кнутом без судебного разбирательства, они получают полную свободу в деле женитьбы. Он высказался также против поселения крестьян в Сибирь⁸⁹.

И. П. Елагин предложил дать земледельцу надел земли в потомственное пользование и определить размеры его денежных взносов и работ. Пример этому должна показать императрица, начав с дворцовых имений. Для крестьян предлагалось установить душевой оброк 3 рубля, что превышало уже существующий оброк, и шестнадцатичасовой рабочий день. Елагин высказался за насильственное разрушение общинного землепользования и установление дворов одинаковой величины по 4 работника в каждом. В доме, по его мысли, должен назначаться старший и устанавливаться беспрекословное подчинение хозяину⁹⁰. М. Т. Белявский справедливо замечает по этому поводу, что у П. Е. Елагина «забота о благосостоянии крестьян» завершилась предложением установить для них режим крепостной казармы⁹¹.

Большинство дворянства вообще не хотело идти ни на какие уступки крестьянам. Екатерина II метко сказала об этом: «Где только начнут его (крестьянский вопрос. — В. М.) трогать, он нигде не поддается»⁹². Особенно такое нежелание усилилось после крестьянской войны. Рупором крепостников стал вновь князь М. М. Щербатов. Работа «Размышления о неудобствах в России дать свободу крестьянам и служителям, или сделать собственность имений», вышедшая в 1785 г. анонимно, по мнению В. И. Семевского, Г. Любомирова, И. А. Федосова, принадлежала его перу. Мы разделяем это мнение и считаем, что в ней Щербатов развил и углубил свои положения по крестьянскому вопросу, выска-

занные в 60-е годы. Он продолжал отстаивать свой тезис о необходимости сохранения крепостного права и вредности его отмены для государства. И земли и крестьяне — вековая собственность дворян, — писал Шербатов, — царская власть на них не имеет никакого права. Князь выступал не только против освобождения крестьян, наделения их землей, но и против любой попытки улучшения их положения, боясь, что оно приведет к ослаблению власти помещика, возникновению мятежных мыслей. На все поставленные вопросы Шербатов отвечает категорическим «нет». Он «грозит страшными бедствиями для государства, если хоть сколько-нибудь будут затронуты сложившиеся отношения между помещиками и крестьянами»⁹³. Программа Шербатова, сохранявшая неизменными крепостнические отношения, предусматривавшая подъем сельскохозяйственного производства за счет развития крепостного права ширирь и вглубь, отражала «настроения дворянского класса, достигшего ко второй половине XVIII века вершины своего могущества и исчерпавшего прогрессивные возможности феодального хозяйства»⁹⁴.

С иной программой по крестьянскому вопросу выступил А. Н. Радищев, пошедший дальше других русских просветителей. Русские крепостники, оправдывая крепостное право, как правило, ссылались на Аристотеля, высказавшего мысль об извечности рабства. Рабство, считал Радищев, преходяще, так как «причиною тому или род провождаемой жизни, обстоятельства, в коих быть принуждены, или малоопытность, или насилие в рагов праведного или законного возвышения природы человеческой, подвергающих оную силою и коварством слепоте и рабству, которое разум и сердце человеческое обессиливает, налагая тяжчайшие оковы презрения и угнетения, подавляющего силы духа вечного». «Не оправдывайте себя здесь, притеснители, злодеи человечества, что сии ужасные узы суть порядок, требующий подчиненности, — писал он. — О, ежели бы вы проникли цепь всея природы, сколько ж вы можете, а можете много! то другие бы мысли вы ощутили в себе...» (I, 218).

Радищев был непримиримым противником крепостного права. «Он едет, — писал А. И. Герцен, — по большой дороге, он сочувствует страданиям масс, он говорит с ямщиками, дворовыми, с рекрутами и во всяком слове его мы находим с ненавистью к насилию — громкий протест против крепостного состояния»⁹⁵. На страницах «Путешествия...» даны картины вопиющей жестокости и насилия помещиков над крепостными. «Зверь лютый, чудовище, изверг...», — так именовал Радищев помещика, продающего своих крестьян. Русские крепостные были сведены до положения рабов, рабочего скота. Радищев так пишет об эксплуатации крепостных крестьян: «Для достижения своей цели он (помещик. — В. М.) отнял у них малый удел пашни и сенных покосов, которые им на необходимое пропитание дают обыкновенно дворяне, яко в воздаяние за все принужденные работы, которые они от крестьян требуют. Словом, сей дворянин некто всех крестьян, жен их и де-

тей заставил во все дни года работать на себя. А дабы они не умирали с голоду, то выдавал он им определенное количество хлеба, под именем месячное известное» (I, 325). Изобилие «земли во многих краях России» создавалось, по мнению Радищева, потом, слезами и стенанием русских крепостных крестьян.

«Варвар! — восклицает, обращаясь к помещику, Радищев, — недостоин ты носить имя гражданина... Богатство сего кровопийца ему не принадлежит. Оно нажито грабежом и заслуживает строгого в законе наказания...» (I, 325—326). Радищев описывает ужасающие условия жизни крепостных крестьян. «Четыре стены, до половины покрытые так, как и весь потолок, сажеею; пол в щелях, на вершок, по крайней мере, поросший грязью; печь без трубы, но лучшая защита от холода, и дым, всякое утро зимою и летом наполняющий избу; окончины, в коих натянутый пузырь смеркающий в полдень пропускал свет; горшка два или три (счастливая изба, если в одном из них всякий день есть пустые шти!). Деревянная чашка и кружки, тарелками называемые; стол, топором, срубленный, который скоблят скребком по праздникам. Корыто кормить свиней или телят, буде есть, спать с ними вместе, глотая воздух, в коем горящая свеча как будто в тумане или за завесою кажется. К счастью кадка с квасом, на уксус похожим, и на дворе баня, в коей, если не парятся, то спит скотина. Посконная рубаха, обувь, данная природой, онучки с лаптями для выхода» (I, 378—379). Вот так, писал Радищев, почитается «источник государственного избытка, силы, могущества» (I, 379).

С одной стороны, положение крепостных крестьян показывало «недостатки и злоупотребление законов». Но с другой стороны, пишет просветитель, здесь «видна алчность дворянства, грабеж, мучительство наше и беззащитное нищеты состояние» (I, 379). Русский крестьянин «в законе мертв». Правда, закон запрещает лишать жизни крепостного, но «разве мгновенно. Сколько способов отъяти ее у него постепенно!.. Се жребий заклепанного во узы, се жребий заключенного в смрадной темнице, се жребий вола в ярме» (I, 379). В России помещик — законодатель, судья и исполнитель своего решения.

А. Н. Радищев помещает на страницах «Путешествия...» проект освобождения крестьян путем реформ: «Первое положение относится к разделению сельского рабства и рабства домашнего. Сие последнее уничтожается прежде всего, и запрещается поселян и всех, по деревням в ревизии написанных, брать в дома. Буде помещик возьмет земледельца в дом свой для услуг или работы, то земледелец становится свободен. Дозволить крестьянам вступать в супружество, не требуя на то согласия своего господина. Запретить брать выводные деньги. Второе положение относится к собственности и защите земледельцев. Удел в земле, ими обрабатываемой, должны они иметь собственностью, ибо платят сами подушную подать. Приобретенное крестьянином имение ему принадлежать долженствует, никто его одного да не лишит самопроизволь-

но. Восстановление земледельца во звании гражданина. Надлежит ему судиму быть равными, то есть в расправах, в кои выбирать из помещичьих крестьян. Дозволить крестьянину приобретать недвижимое имение, то есть покупать землю. Дозволить невозбранное приобретение вольности, платя господину за отпускную известную сумму. Запретить произвольное наказание без суда» (I, 322).

Но автор «Путешествия...» прекрасно знал русскую действительность. История многих стран убедила Радищева, что нет добрых правителей, что великие «отчинники» не пойдут на добровольное уничтожение крепостничества. Всем своим повествованием Радищев доказывал, что крепостное право противоестественно, потому что лишает человека права собственности, свободы, равенства, права защищать свою жизнь и благосостояние. Видя невозможность освобождения крестьян сверху, Радищев пришел к выводу, что крепостничество должно быть уничтожено силой восставшего народа. Свободы надо ждать не от «зверей алчных, пиявиц ненасытных», «жестокосердных помещиков», а от «самой тяжести порабощения». Он звал к восстанию: «Сокрушите орудия его земледелия, сожгите его риги, овины, житницы и развейте пепел по нивам, на них же свершалось его мучительство, ознаменуйте его яко общественного татя...» (I, 326). «О, если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловеческих своих господ и кровию нашею обагрили нивы свои. Что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгнулись великие мужи для заступления избитого племени, но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены. Не мечта сие, но взор проникает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие!» (I, 368—369).

Истина, писал Радищев, не бывает в царских чертогах, ее место в народе. Только сокрушив «трон рабства», люди добьются свободы. И будет величайший праздник, когда царь, который был избран «равенство в обществе блюсти» и «мечом расторгший уставы», будет казнен. Меч, поднятый народом, решит исход борьбы. Люди скажут: «Злодей, злодеев всех лютейший, умри, умри же ты сто крат» (I, 360). С падением престола не падет общество, возражал Радищев тем, для кого престол был опорой и крепостью общества, потому что из народа бы «исторгнулись великие мужи для заступления избитого племени, но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены» (I, 368).

После народной революции с участием широких народных масс

На вече весь течет народ,
Престол чугунный разрушает (I,8).

Народ сам занимает престол и управляет страной, судит царя, издает законы:

Законом строит твердь природы,
Велик, велик ты, дух свободы,
Зиждителен, как сам есть бог (I,8).

На месте государства, где господствует угнетение, возникает государство свободы, где царит «справедливость», «правосудие» и «дух свободы», где все граждане равны, трудятся для себя, существует свобода вероисповедания, собственности, женщина равна в правах с мужчиной. В таком государстве

...дух свободы ниву греет,
Бесслезно поле вмиг тучнеет;
Себе всяк сеет, себе жнет (I,10).

Идеологи консервативного направления, осознанно или неосознанно отстаивая неизбежность существующей государственной системы и ее порождения крепостного права, защищали интересы дворян-владельцев земельной собственности, их преимущества в социально-экономической и политической сферах. Предлагая определенные меры по ограничению помещичьего произвола и регламентации крестьянских повинностей, они, возможно, и думали о некотором улучшении положения крестьян, но только лишь потому, что оно способствовало бы повышению доходности дворянских имений, давало бы возможность сохранить свое господство, систему получения ренты, состыковать существующую систему с развивавшимися элементами капитализма.

Просветители же, исходя, как мы уже отмечали, из идеи внесловной ценности человека, обеспечения его благосостояния, отрицали самодержавие и искали такую форму правления, которая может обеспечить «всеобщее благоденствие», гражданскую и политическую справедливость. Это вело к критической оценке всей феодально-крепостнической действительности, протесту против крепостного права. Как заметил А. Г. Белебрух, «их (просветителей. — В. М.) волновало (в отличие от консервативных идеологов. — В. М.) не само по себе повышение производительности сельскохозяйственного труда, хотя учитывалось, безусловно, и это, не повышение заинтересованности поселян в земледельческой работе, — они ставили задачу неизмеримо шире, как проблему создания нового общественного строя, избавленного от всех язв предшествующих социальных систем... думали о такой общественной системе, которая принесла бы сельским труженикам подлинное благополучие»⁹⁶, и стремились убедить в этом общественное мнение. Просветители, желая избавления крестьян от неравенства в гражданских правах, зависимости от помещиков, объективно выступали с позиций крестьянства в защиту их социальной и хозяйственной самостоятельности. Положения по крестьянскому вопросу, высказанные русскими просветителями, во многом совпадали с идеями французского просветительства, хотя и отставали от него в плане буржуазного понимания естественных и неотъемлемых

прав человека, прежде всего собственности. В ходе своей эволюции русское просветительство второй половины XVIII в. шло от предложений о смягчении положения крестьян, регламентации их повинностей, ликвидации власти помещиков над крестьянами, конфискации надельной крестьянской земли у дворян, предоставлении крестьянству собственности на землю и движимое имущество в рамках существующей системы к признанию возможности ее уничтожения путем вооруженного выступления народа.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА. ПРОСВЕТИТЕЛИ И РЕВОЛЮЦИИ XVIII в.

В 80-е годы XVIII в. русская просветительская мысль в лице Радищева пришла к выводу о возможности уничтожения самодержавия революционным путем. Таким образом она вырвалась гораздо выше того уровня, который, казалось, мог быть подготовлен социально-экономическим развитием страны.

Почему русское просветительство в эти годы переходит с просветительно-реформистских позиций на просветительно-революционные, когда в России не могло быть и речи о буржуазно-демократической революции, когда Радищев не мог опереться на революционную практику внутри страны? Несомненно, российская действительность, крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева, само развитие русской просветительской мысли — все это подготовляло почву для такого перехода.

Огромное значение для появления в русском просветительстве революционной идеи имели факты мировой истории, революционный опыт передовых стран Запада, победа североамериканских штатов в Войне за независимость и, особенно, буржуазное направление французского просветительства, также эволюционировавшее в сторону признания вооруженного пути борьбы с деспотизмом. Об этом, на наш взгляд, следует сказать несколько подробнее.

В XVIII столетии, особенно во второй его половине, в экономической, социально-политической жизни Франции произошли крупные перемены, выразившиеся в разложении феодальных отношений, развитии капиталистического производства и торговли, росте самосознания буржуазии, развитии буржуазной идеологии. С начала века абсолютизм начал клониться к упадку. Разложение феодального строя, все более усиливавшиеся противоречия между дворянством, духовенством и третьим сословием, рост массовых крестьянских выступлений, часто смыкавшихся с выступлениями городской бедноты, — все это нашло отражение в идеологической борьбе. Прогрессивные мыслители Франции повели планомерную идеологическую атаку на существующий строй. Это была фронтальная критика всей системы в целом.

Буржуазное направление в просветительстве Франции начало развиваться в первой половине XVIII в. У его истоков стояли Монтескье и Вольтер, выступавшие непримиримыми противниками деспотизма, феодальных порядков, религиозного мракобесия. Однако их политическая программа отличалась умеренностью и

предусматривала не революционное уничтожение существующего строя, а его реформирование в соответствии с интересами буржуазии. Они верили во всецелое просвещение, а основной силой в деле переустройства общества считали «просвещенного монарха».

40—60-е годы XVIII в. ознаменованы дальнейшим развитием просветительской идеологии во Франции. Почву для ее развития создавало дальнейшее углубление кризиса феодально-абсолютистского строя, разложение правящих верхов, рост всеобщего недовольства, выразившийся в народном восстании 1749—1750 гг. Вскоре после этого восстания началось издание знаменитой «Энциклопедии», имевшей колоссальное значение для развития антифеодальной идеологии. «Она («Энциклопедия». — В. М.) впервые в истории идейно-политической борьбы во Франции, — пишет А. З. Манфред, — объединила на единой платформе, в рамках одного литературного издания и под одним знаменем сторонников передовых идей, всех противников отжившего феодального строя»¹. «Энциклопедия» нанесла сокрушительный удар по институтам и идеологии абсолютизма. Именно в 50—60-е годы были выработаны основные лозунги предстоящего революционного переворота. Однако и в этот период французские просветители не делали революционных выводов из своей критики существующего строя, а продолжали сохранять иллюзии о возможности мирного переустройства общества, возлагать надежды на всецелое просвещение и благотворную преобразовательскую деятельность «просвещенного монарха», хотя в их произведениях уже начинают появляться рассуждения о революции как об одном из возможных средств изменения существующего строя.

70-е годы XVIII в. во Франции характеризовались углублением кризиса феодально-абсолютистского строя. Страну потрясали крестьянские восстания, нередко объединявшиеся с вооруженными выступлениями городских низов. Натолкнувшись на упорное сопротивление дворянства и придворной знати, рухнули попытки Тюрго провести необходимые для оздоровления государства реформы.

На усиление борьбы народных масс правительство ответило усилением реакции. В стране все шло по-старому, правительство вело политику, которая могла лишь ускорить революционный взрыв, а не предотвратить его.

В обстановке назревания революционной ситуации буржуазные идеологи, думая о дальнейшем развитии Франции, искали пути борьбы с феодально-абсолютистским строем. В этот период окончательно рухнули надежды на мирное преобразование общества, на благотворную деятельность «просвещенного монарха».

В конце 70-х — начале 80-х годов внимание идеологов буржуазии Франции было приковано к Войне за независимость США, которая одновременно решала задачи буржуазной революции. Именно американская революция наряду с обстановкой внутри Франции убедила французских просветителей в том, что только

вооруженным путем можно уничтожить ненавистный феодальный строй. В начале 80-х годов они переходят к пропаганде революционного пути борьбы как единственного. Наиболее ярко, как уже отмечалось, эти тенденции проявились в третьем издании «Философской и политической истории заведений и торговли европейцев в обеих Индиях» аббата Рейналя, вышедшем в Женеве в 1780—1781 гг.

Эволюция взглядов французских просветителей XVIII в. отражается и в эволюции лексического значения слова «révolution». В работах 40—60-х годов это слово употреблялось в значении «изменение», «эволюция»; в 70—80-е годы оно начинает приобретать смысл, близкий к современному, обозначая вооруженную борьбу с существующим строем, насильственное его ниспровержение, хотя весьма часто еще встречается в прежнем значении. Эволюция взглядов просветителей и эволюция лексического значения «révolution» идут как параллельные процессы².

Книга Рейналя, как мы уже отмечали, была хорошо известна в России и оказывала определенное влияние на взгляды русских просветителей. В этом плане представляется интересным рассмотреть взгляды Н. И. Новикова и Рейналя о торговле. Вопрос о развитии торговли был одним из центральных вопросов второй половины XVIII в. По словам К. Маркса, XVIII в. был веком торговли³. Именно в период с середины XVII в. и до конца XVIII в. «торговля и судоходство расширялись быстрее, чем мануфактура, игравшая второстепенную роль; колонии начали приобретать значение крупных потребителей; отдельные нации в длительных битвах делили между собой открывавшийся мировой рынок»⁴. Во второй половине XVIII в. все острее вставали вопросы развития товарного производства и внешней торговли, активизации и улучшения платежного баланса, товарных цен, организации кредита, увеличения государственных доходов, народонаселения. Историческая роль коммерции заключалась в том, что ее рост помогал вытеснению феодальных общественных порядков.

Развитие торговли и промышленности в феодальном обществе «вело еще в то время к капитализму», «выделению нового класса — капиталистов»⁵. Уровень развития торговли был показателем успехов нового строя, вызревавшего внутри феодализма. Именно с этих позиций рассматривали вопросы развития торговли представители антифеодальной идеологии. Они видели в коммерции источник благосостояния государства и общества, утверждали, что феодальный строй тормозит развитие торговли. Для второй половины XVIII в. эта проблема была не только экономической, но и политической.

Вопрос о торговле занимал важное место в трудах русских просветителей. В центре внимания исследователей истории русской экономической мысли во второй половине XVIII в. находятся, как правило, работы Третьякова, Поленова, Десницкого, Радищева⁶, но практически не рассматриваются работы Н. И. Нови-

кова, посвященные торговле, его главный труд — трактат «О торговле вообще». Обращаясь к этому трактату, историки чаще всего лишь пытались уяснить, являлся ли Новиков автором этого сочинения или это перевод или компиляция из сочинений иностранных авторов, в первую очередь «Истории обеих Индий» Рейналя. В 1939 г. Л. Лехтблау писал: «Первые переводы из „Философской и политической истории Индии“ встречаются в новиковском журнале „Прибавления к Московским ведомостям“ за 1783—1784 гг., где был напечатан ряд извлечений из произведений Рейналя: „О торговле вообще“, „Понятие о торговле невольниками“»⁷.

Г. П. Макогоненко утверждал в конце 40-х — начале 50-х годов, что трактат «О торговле вообще» — это оригинальное русское сочинение, а не перевод работы Рейналя, причем, доказывая авторство Новикова, полностью отвергал возможность влияния французского просветителя⁸. В последнее время Макогоненко считает, что автором трактата является Новиков, но не отрицает использования труда Рейналя и сочинений Локка и Юма⁹.

Э. С. Виленская в рецензии на «Избранные сочинения» Н. И. Новикова назвала статью «О торговле вообще» компиляцией из иностранных, главным образом немецких, сочинений¹⁰.

Л. А. Дербов считает, что сочинение «О торговле вообще» «представляло собой не только крупный экономический трактат, написанный в духе меркантилизма, но и политическое произведение с ярко выраженными буржуазно-республиканскими симпатиями», которое создано под влиянием республиканских идей Рейналя¹¹.

Надо отметить, что, говоря об авторстве Новикова, признавая или отрицая влияние иностранных источников, в том числе Рейналя, исследователи не подвергли сравнительному анализу труд Новикова и «Историю обеих Индий» Рейналя, не рассмотрели основных положений новиковской работы, ограничившись лишь ее фрагментарным изучением.

Н. И. Новиков обратился к вопросам экономики, и в частности торговли, в начале 80-х годов. Этот интерес совпал у него с усилившимся интересом к вопросам внутренней и внешней политики России и других государств. Новиков проявлял внимание к революционным событиям в Америке, истории стран, где победили буржуазные революции. Публикуя подробные сведения о событиях в Северной Америке в газете «Московские ведомости» и «Прибавлениях к Московским ведомостям», он вряд ли прошел мимо третьего, женевого (1780—1781 гг.), издания «Истории обеих Индий» Рейналя, девятый том которой был посвящен Американской революции. Восторженный рассказ Рейналя о революции в Америке пропагандировал насильственное уничтожение деспотизма.

Н. И. Новиков хорошо знал труд Рейналя. В «Московских ведомостях» он с 68-го номера публиковал «Примечания о некото-

рых славных людях нынешнего столетия, взятые из одного новейшего французского сочинения». В этих заметках была помещена биография Рейналя и дана оценка его деятельности: «Он приобщил народы размышлять о своих важнейших интересах»¹². Дважды упоминается имя Рейналя в трактате «О торговле вообще». Заинтересовавшись проблемой торговли, Новиков, на наш взгляд, не мог не изучить «Историю обеих Индий» Рейналя, где развитие мировой торговли излагалось с просветительских позиций. Как нам представляется, его в «Истории обеих Индий» интересовали не только чисто экономические аспекты, но и политические: резкая критика абсолютизма, требование уничтожения сословных прав и привилегий, рабства, крепостничества, работорговли и т. д.

Как широко образованный человек, Новиков знал также труды Юма, Шмидта, Таубе, Зонненфелса, Пинто, Фортбоне и многих других авторов, произведения которых и «открыли подлинные правила торговли и показали весьма ясно все ее отношения»¹³.

При сравнении сочинения «О торговле вообще»¹⁴ во вступлении и главой «Торговля» тома X «Истории обеих Индий», т. е. тех разделов, где содержатся основные теоретические рассуждения о торговле, можно прийти к выводу, что принцип построения очерка об истории торговли у Рейналя и Новикова одинаков. Начинается очерк с рассказа о торговле финикийцев, Греции, Тира и Сидона, Карфагена (правда, у Новикова, в отличие от Рейналя, после Карфагена идет рассказ о торговле Александрии), а затем и у того и у другого идет речь о римской торговле, торговых делах Италии, Пизы, Флоренции, Ганзейского союза, Фландрии, Португалии, Голландии, Англии и т. д.

В рассказах двух авторов о торговле разных государств можно встретить и текстуальные совпадения. Например, говоря о создании Ганзейского союза, Рейналь писал: «Север также казался пробуждающимся, но несколько позже и труднее. Гамбург и Любек, предприняв открытие торговли в Балтийском море, вынуждены были объединиться для защиты от разбойников, которые опустошали эти места. Успех этой малой компании побудил другие города вступить в этот союз. Вскоре он состоял из 80 городов, простиравшихся цепью от Балтийского моря до Рейна. Это было первое общество, имевшее в современную эпоху правильную систему торговли» (I, 24—25). А вот что писал о создании Ганзейского союза Новиков: «Народы, жившие около Балтийского моря, весьма еще были дики и на всех водах наводили опасность морскими своими разбоями. Сие побудило города Либек и Гамбург вступить в общий защитительный союз для приведения в безопасность своя торговля. От сего соединения получили они великие и важные выгоды, так что в краткое время более 80 знатнейших германских народов, от самых последних краев восточного моря даже до Кельна, пристали к славному Ганзейскому союзу... Члены сильного сего общества начертали первый систематический план торговли...»¹⁵. При описании Голландии Рейналь указывал,

что причиной ее расцвета и торговли была вооруженная борьба против деспотизма испанского короля Филиппа и последовавшее вслед за этим образование республики. «Первые усилия их (семи провинций на севере Брабанта и Фландрии. — В. М.) союза, — писал он, — не были счастливыми; но если голландцы начали с поражения, то окончили победой. Испанские войска, которых голландцы победили, были лучшими в Европе. Мало-помалу новые республиканцы заставили их потеряться... Мудрые законы, великолепный порядок, конституция, которая сохраняла равенство среди людей, прекрасное благоустройство, веротерпимость и сделали из этой республики могущественное государство» (I, 305—306). В том же ключе высказывался Новиков, отмечавший волюнтаризм своего Филиппа, короля испанского; однако не одна волюнтаризм сия, но и самое время той войны, когда республика, необходимостью принуждена будучи свергнуть с себя тиранское иго, напрягла все свои силы; сие время была эпоха, в которой торговля их утверждалась» (519). Примеров таких совпадений и перекличек можно умножить. Они показывают, что «История обеих Индий» Рейналя являлась для Новикова одним из источников, откуда он черпал богатейший фактический материал, находил подтверждение многим своим мыслям и идеям.

И у Новикова и у Рейналя мы находим мысль о том, что переход от естественного состояния к цивилизации происходит вследствие замены натурального продуктообмена денежным обращением, а в дальнейшем все серьезные изменения в отношениях между государствами связаны с переходом торговой гегемонии от одних государств к другим.

В начале своего трактата Новиков писал, что торговля важным влиянием, «которое может она иметь во всякую часть государственного состава» (507). Развивая эту мысль, он отмечал далее, что история сохранила «нам сии действия торговли по ее успехам и по важным следствиям у самых древних народов; она изобразила сильными чертами преимущественное пред прочими процветание, могущество и богатство торгующих народов» (518). Новиков считал, что торговля — источник благосостояния общества. Это его утверждение созвучно мыслям Рейналя, высказанным двумя годами раньше в женеvском издании «Истории обеих Индий». Рейналь писал, что промышленность и, главное, торговля играют в жизни общества решающую роль. «Видя... прекрасные страны, где цветут науки и искусства, и которые столь долгое время были покрыты тьмою варварства, я себя спрашивал: кто прорыл эти каналы? Кто осушил эти равнины? Кто основал эти города? Кто собрал, одел и просветил эти народы? И тогда голоса всех просвещенных людей... отвечали мне: торговля, торговля» (I, 5). «Проходя по земле, пересекая моря, устраняя препятствия, мешающие общению народов, расширяя сферу потребностей и желание наслаждений, торговля увеличивает объем своей дея-

тельности; она становится в некотором роде двигателем общества» (X, 231).

Новиков тоже считал, что торговля связана со всеми частями гражданского благосостояния (535), что посредством ее люди, сознавая свои потребности, объединяются в общество (555).

Торговля зависит от ремесленного производства. Но ни то ни другое, писал Рейналь, не может развиваться без земледелия, дающего продукты питания и промышленное сырье. «Без обработки земли любая торговля непрочна, так как у нее нет сырья, которое является продуктом природы» (X, 279). Государства, где лучше всего была развита торговля, должны были стать земледельческими государствами, считал Рейналь, потому что «все зависит и является результатом земледелия. Оно является внутренней силой всех государств, оно привлекает богатства извне» (X, 293). Процветание городов невозможно без процветания полей. «Торговые точки, коммерческие порты, которые, кажется, из-за своих судов владеют всем миром, которые распространяют богатства больше, чем имеют в своем распоряжении, имеют возможность получить все эти богатства только благодаря продукции окрестных деревень» (X, 294).

Развивать ремесла без земледелия, рассуждал Рейналь, нельзя, так как способствовать «развитию ремесла и забывать о земледелии — то же самое, что выламывать камни из фундамента пирамиды, чтобы соорудить из них вершину» (X, 296). Французский просветитель в конечном итоге делал вывод о том, что «неограниченная свобода в торговле продуктами питания делает одновременно народ и земледельцем и торговцем; она нацеливает земледельца на торговлю, а торговца на земледелие, она связывает торговлю с земледелием, и эти отношения последовательны и постоянны» (X, 288). Земледелие, по его мнению, может породить ремесла тогда, когда оно достигло изобилия и совершенства и возросло численность населения. «Любая земледельческая нация должна иметь ремесла, чтобы использовать продукты земледелия, и должна увеличивать эти продукты для поддержки своих ремесленников. Если бы она занималась лишь земледелием, то ее промышленность была бы ограничена в делах, средствах и производительности» (X, 304).

В трактате Новикова мы встречаем сходные мысли о роли земледелия. Пренебрежение к земледелию, считал он, приведет к уменьшению в государстве продуктов питания, а это в свою очередь вызовет увеличение дороговизны ремесленных изделий. При росте цен на промышленные товары, недостатке продукции земледелия, увеличении числа жителей страны внимание с необходимостью будет привлечено к обработке земли, «которой награждающие плоды обещают тогда прибыль» (546). Поэтому Новиков говорил, что развитие ремесел и мануфактур должно быть соразмерно развитию земледелия. «Если же земля не может пропитать большого множества народа, то заведение торгового хлеба есть остальное средство к замене сего недостатка» (547). Новиков

утверждал, что в государстве, где граждане заняты земледелием, нужно прежде всего развивать торговлю сельскохозяйственными продуктами, так как «единая и достаточная пружина земледелия есть известный расход и соразмерно прибыльная цена жатвы земледельца» (550). Без этого земледelec работает только для собственных нужд и государство лишается многих выгод от торговли продуктами земледелия (550).

Государство, по мнению Рейналя, должно оказывать всяческую помощь земледельцу, защищать его. Однако крестьяне Франции были бесправны, подвергались жестокой эксплуатации. «Французский земледelec, — писал Рейналь, — еще не удостоился счастья, чтобы платить налоги в зависимости от своих возможностей. Беззаконные налоги продолжали беспокоить и убивать его... Жестокий сборщик налогов, гордый сеньор... деспотичнее, чем все другие, могут унижить земледельца, ударить его, ограбить — словом, лишить его всех прав человека, лишить его собственности, безопасности, свободы. Опустившийся от подобной гнусности, он становится предметом насмешек всех других сословий из-за своей одежды, своих манер, своей речи, а власти своим поведением поддерживают эту чрезмерную экстравагантность» (X, 285). Бесчеловечно, считал автор «Истории обеих Индий», исключать крестьянина из класса собственников, так как это тормозит прогресс земледелия, и тот, кто «вспахивает землю, вынужден ее вспахивать не для себя, а для другого» (X, 287). Но если сельский житель не может наслаждаться мирно тем, чем он владеет и что собирает, если «он не может взрастить добродетель в себе, потому что у него отнимают доброту; если стража, барщина и налоги вырывают у него его сына, его быков, его зерно, что же ему остается еще, как не проклясть небо и землю, приносящие ему горе» (X, 298). Поэтому, делал вывод просветитель, надо оказывать помощь земледельцу, а не дворянству, которое является ненавистным классом, не приносит пользу государству, попрошайничает при дворе, стремясь вознаградить себя местами и почестями, «которые оскорбительны и тягостны для народа» (X, 295).

То, что писал Рейналь о положении французского крестьянина о дворянах Франции, с полным правом может быть отнесено и к находившимся в еще более бесправном положении русским крестьянам и российскому дворянству. Поэтому Новиков полностью разделял позицию Рейналя по этому вопросу. Но в трактате «О торговле вообще» он прямо не говорил о крестьянах и дворянах, а рассуждал о бедных и богатых людях. «Когда видим мы скудость граждан и слабость и повреждение государств, последующие вообще от недостатка управления и путей к пропитанию; когда рассуждаем мы о печальном жребии бедных, которые... становятся тягостью государству либо частным его гражданам и которых праздная и худая жизнь равную склонность к праздности и пороку вливает в потомство их, столько же сожаления достойное, когда, наконец, рассуждаем мы о гражданине,

который с пролитием пота и со всею охотою к работе не может приобрести себе более, нежели сколько необходимо ему на содержание себя и домашних своих» (558), то можно высоко оценить выгоды торговли. Счастливым то государство, где «граждане находят обильные источники питания, где гражданин может возвыситься прилежностью и предприимчивостью», где отсутствует неравенство «в имуществе граждан, навлекающее на бедных все публичные тягости, которых, однако, не могут они сносить, не разоряясь совсем, и увольняющее богатых от принятия в том участия, ибо имеют они способы отвращать от себя все тягости» (558).

Говоря о бедных и богатых, Новиков, на наш взгляд, имел в виду русских крестьян и дворян. Ведь именно в России крестьянин, работавший в поте лица, не мог часто приобрести необходимое для себя и для своей семьи; в России, где не было «равенства в имуществе», крестьяне должны были платить многочисленные государственные подати, оброки помещику, что подрывало и разоряло крестьянское хозяйство, а дворяне были свободны от уплаты любых налогов. Приведенные высказывания о бедных и богатых Н. И. Новикова были прямо направлены против дворян-крепостников в защиту угнетенных русских крестьян. Конечно, они не столь резки и ярки, как материалы «Трутня» и «Живописца», но, как нам представляется, даже столь приглушенные высказывания напоминали читателю о Змеянах, Недоумах, Безрасудах, трагическом образе крестьянина Филатки, деревнях и селах из «Отрывка путешествия В***, И***, Т***». Нужно отдать должное гражданскому мужеству Новикова, который восемь лет спустя после Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева, в обстановке дворянской диктатуры продолжал говорить о бедственном положении русского крестьянина.

Если земледelec видит «верный расход и награду за свою работу, усугубляет рачение и старается сколько возможно возвысить доход со своей жизни», — писал Новиков (549). Наличие имущества у земледельца дает ему возможность содержать семью, а это ведет к увеличению земледельцев и доходов земледелия (549). По мнению русского просветителя, именно земледельцы являются полезными членами государства, а не те, кто, «отягощая трудящихся, сами не споспешествуют нисколько общему благосостоянию... Таких граждан надо почитать мертвыми в политическом смысле, бесполезными, отягчительными, для государства, могущими истребить прочие его силы, получаемые от полезных своих членов» (559).

Таким образом, Новикова и Рейналя объединяла мечта о процветании государства, где все богатства создаются свободным трудом.

Показав неразрывную связь торговли и земледелия, их благотворное влияние на ремесла, Новиков и Рейналь утверждали, что государство должно изыскивать средства для процветания мануфактур. Развитие мануфактур, по их мнению, ведет к совершенствованию мастерства, более прилежной и упорядоченной

работе, что способствует производству изделий высокого качества, продажа которых приносит значительную прибыль государству (Рейналь, X, 317; Новиков, 547—548). Прогресс ремесел и мануфактур невозможен без развития знаний, науки, техники. Новиков отмечал, что «действенность и трудолюбие, владычествующие между рукодельцами, производят всегда некоторую степень просвещения, познания, благонравия» (Новиков, 555). Рейналь писал следующее: «Как много предметов, достойных восхищения и дающих знания, может найти самый образованный человек на мануфактурах и в мастерских... Все ветви генеалогического древа наук развивались вместе с развитием искусств и ремесел. Рудники, мельница, суконные и красильные фабрики расширили сферу естественной физики и истории» (X, 306—307). Интенсивное развитие ремесла и мануфактурного производства, писали Рейналь и Новиков, привели к развитию искусств (Рейналь, X, 307; Новиков, 556). Развитие науки и техники, в свою очередь, порождает «дух и ум нации», составляет счастье жизни, облегчает труд, исправляет пороки, совершенствует нравы (Рейналь, X, 308, 309; Новиков, 556). В то же время развитие ремесел, мануфактур и торговли, богатства, получаемые от них, порождают роскошь, стремление к ней. Роскошь, по мнению Новикова и Рейналя, не страшна, если не преступает разумных пределов, более того, она необходима, так как разумное пользование роскошью полезно для общества, она способствует стремлению к совершенству производимых товаров, к «утончению нравов», развитию искусства. Неразумное же пользование роскошью погружает нацию в «леность и бездействие» (Новиков, 556), порождает пороки праздности, развращает людей (Рейналь, II, 411—412; X, 240—242, 313).

Считая торговлю движущей силой общественного развития, Новиков и Рейналь писали, что она расширила общение между нациями, увеличила потребности людей и степень их удовлетворения, что способствует совершенствованию жизни человеческого общества. Поэтому большое значение Новиков и Рейналь придавали роли купцов в развитии торговли.

Рейналь

Он (негоциант. — В. М.) должен предвидеть влияние времен года на богатый урожай, на неурожай, на качество продуктов питания, на отплытие и возвращение судов; а также влияние политических дел на коммерческие революции, так же как войны и мир должны оказывать действие на цену и курс товара в совокупности и в выборе продовольственных запасов, на богатство городов и портов всего мира; последствия, которые может иметь союз двух северных стран в жарком поясе; успех различных торговых ком-

Новиков

Внимание купцов простирается на близкие и отдаленные нации чрез земли и моря, узнает потребности народов, ищет изобилия таких товаров, которых взаимный промен составляет предмет их торга. Купцы, умеющие получать отовсюду известия, узнают через то всегда, какие перемены приключаются при всякой отрасли прилежания и по сему знанию ей определяются правильно цены товаров по правилам сходства (515).

паний в зависимости от их величия или упадка; отклик в Африке и Америке на падение могущества Европы и Индии; застой, которые будут иметь место в некоторых странах... (X, 247).

Развитию торговли кроме деятельности купцов способствовал, по мнению Новикова и Рейналя, ряд факторов: географический (положение страны), исторический (предприимчивость нации) и политический (политика правительства). Последний фактор они считали главным. Новиков и Рейналь утверждали, что торговля может принести успех только в том случае, если она ведется в свободных государствах, свободными людьми, если законы благоприятствуют ее развитию и освобождают людей, занимающихся торговлей. «Торговля, — писал Рейналь, — упражнение той драгоценной свободы, к которой природа призвала всех людей, закрепила их счастье и даже добродетели. Скажем больше, мы видим свободных только в торговле, они становятся ими только по законам, которые реально благоприятствуют торговле» (X, 247—248).

Новиков отмечал, что торговля развивается у народов «остроумных и трудолюбивых, там останавливалась она на несколько времени и скорыми шагами восходила на знатную высоту» (518); торговля превращала развалины в цветущие государства «и не оставляла ничего, кроме видимого упадка бедности и нищеты, там откуда угнетающие налоги и тиранское насилие ее изгоняли» (514). Новиков и Рейналь были убеждены, что в странах, где господствует абсолютистский строй (они называли его деспотизмом), торговля не может процветать и люди обречены на бедность и нищету.

В «Истории обеих Индий» Рейналь дает много примеров слабого развития торговли в странах с феодально-абсолютистским строем. Говоря о российской торговле, например, он писал, что наибольшее сопротивление ее развитию оказывали «оковы, заключающиеся в нравах» (III, 102), и что экономические успехи России «были бы более быстрыми, более значительными, если бы преимущества физические и природные не были бы сражены причинами нравственными или политическими» (III, 103). Из анализа состояния торговли в деспотических государствах Рейналь делал вывод о невозможности процветания торговли «под сенью рабства, среди постоянных беспорядков... Промышленность развивается только под сенью мира: она особенно боится рабства. Умение развиваться, когда есть надежда, соревнование, и там, где совсем нет собственности, нет ни надежды, ни соревнования» (II, 279—280).

Новиков в трактате «О торговле вообще» отмечал, что развитие торговли в деспотических государствах недостаточно, но примеров не приводил. Эту мысль он развивал в статье «Краткое описание нынешнего состояния Турции», опубликованной в № 37 «Прибавлений к „Московским ведомостям“» за 1784 г. «Народ,

беспрестанно притесняемый государем, пашами и их подчиненными, — писал Новиков, — оставляет в запустении прекрасную землю и не хочет приобретать себе собственности, которая не осталась бы у него, но, наконец, перешла бы в руки деспотических его владельцев. Нация, знающая свое невольничество, становится ленива и ослабевает». В торгующих же нациях господствует всеобщее соревнование, которое возбуждает ум, при котором «самый прилежнейший, остроумнейший, бережливый гражданин в каждом состоянии получает награду» (547).

Во второй половине XVIII в. во Франции и в России наблюдался рост внешней и внутренней торговли, однако феодальный строй, господствовавший в этих странах, был прочным барьером на пути ее развития. Во Франции развитие торговли сдерживалось наличием внутренних таможенных границ, различием мер и весов, употреблявшихся в разных районах Франции, королевской монополией права торговли, политическим бесправием буржуазии. В России привилегированное гильдейское купечество требовало монопольного права заниматься торговлей. Торговлю, как и жизнь всего общества, понижывали в России XVIII в. сословные принципы. Торговлей занимались представители разных сословий, часто противостоящих друг другу, борющихся между собой, что в немалой степени задерживало рост русской торговли.

Рейналь резко выступал против привилегий, поскольку они «враждебны ремеслам и торговле». Если бы кто и мог претендовать на привилегию, писал он, так это правитель, который, однако, этого сделать не может, так как является первым гражданином среди других. Правитель, если он не тиран, не может присвоить себе исключительные привилегии в торговле и ремесле, а тем более дать их кому-то другому. Но что же произошло, спрашивал Рейналь, в тех странах, где существуют такие привилегии? Они разорили Старый и Новый свет, потому что для человека, имеющего привилегии в торговле или промышленности, «его интерес является всем для него, а интерес нации для него ничего не значит» (X, 261). Из своей монополии он стремится извлечь максимальную выгоду в самые короткие сроки. «Владелец монополии, — заключал Рейналь, — является хозяином всего, из-за своего сумасбродства, неопределенности, неограниченных размеров предоставленных ему полномочий, благодаря могуществу того, кто ему это пожаловал или кто ему покровительствует, он вмешивается во все, стесняет все, разрушает все, он ослабит и уничтожит отрасль промышленности, которая служит для всех, чтобы насадить ту отрасль, которая, вредя всем, будет служить ему...» (X, 262). От этого страна впадет в нищету.

Еще большие препятствия, по мнению Рейналя, стоят на пути развития внешней торговли, потому что «небольшое количество невежественных, низких или испорченных людей наполнили Европу, целый мир массой невыносимых противоречий, которых становится все больше и больше. Суша и море покрылись постами часовых и барьерами. Путешественник лишен покоя, а торговец —

права собственности; тот и другой рискуют попасть в ловушки коварного законодательства, которое сеет преступления своими запретами, и горести из-за преступлений. Можно оказаться виновными, не зная и не желая этого, вас арестовывают, облагают налогом, грабят, хотя вам не в чем себя упрекнуть» (X, 266). Торговля же объединяет народы. Для расцвета торговли, писал Рейналь, необходимо разрушить «мерзкие стены, которыми окружили себя народы» (X, 274). Та страна, которая первой освободится от преград, пошлин, запретов, сдерживающих и подавляющих торговлю, будет счастливой, «так как привлеченные свободой, легкостью и безопасностью, множеством товаров, кораблями, продукцией, товары, negociants со всех сторон мира заполняют ее порты. Причины столь яркого процветания не замедлят распространиться, и страны, отрекаясь от своих прежних заблуждений, разрушительных предрассудков, поспешат принять эти столь плодотворные принципы. Изменение будет всеобщим. Повсюду разойдутся тучи. Ясный свет прольется на весь мир. Природа будет править миром. Тогда, или никогда, наступит всеобщее благоденствие... И если новый порядок вещей не даст блага, которого так желали и на которое так мало надеялись, то, по крайней мере, всеобщее благоденствие будет иметь крепкую основу» (X, 278). Но для того чтобы этого достичь, надо уничтожить абсолютизм. Рейналь в «Истории обеих Индий» пришел к выводу, что наиболее эффективным путем к изменению существующего строя является вооруженная борьба.

В работе Новикова нет столь развернутой критики препятствий, мешавших развитию торговли. Видимо, такой цели он не ставил перед собой, а стремился показать, что торговля «более всех умножает вещественный доход граждан» (552). Рассуждения Новикова о торговле, принципах ее ведения, пользе для государства, общее указание на то, что деспотизм мешает развитию торговли, давали русскому читателю возможность самому увидеть те препятствия, которые стояли на ее пути в России. С нашей точки зрения, Новиков разделял критику Рейналем монопольных привилегий в торговле; видел он и самое главное препятствие — существующий строй. Русская действительность показывала Новикову, что абсолютизм тормозит развитие не только торговли, но и всей страны в целом. Резкая критика абсолютизма Рейналем, показ им тех преимуществ, которые получены странами, освободившимися от него, расширяли кругозор Новикова, убеждали его в правильности занятых позиций, усиливали интерес к жгучим политическим проблемам.

Таким образом, Новиков и Рейналь утверждали, что расцвет торговли как источника благосостояния общества немаловажен в условиях деспотизма и тирании, что только политическая свобода является залогом общественного прогресса, развития экономики. Отсюда то внимание, с которым оба просветителя изучали развитие Англии и Голландии, где в результате буржуазных революций был уничтожен абсолютизм. Революционная борьба с деспотиз-

мом, установление республиканского строя стали основой процветания Голландии и ее торговли. Новиков пришел к выводу о том, что республиканский строй в особенности способствует развитию торговли, говорил об «удобности оной в республиках» (536). Интерес Новикова к Голландии не был для того времени единичным фактом. «Эта торговая республика со своим буржуазно-демократическим строем, — пишет П. Н. Берков, — очевидно, представлялась передовым русским людям конца XVIII в. одним из наиболее удачных решений социально-политических вопросов»¹⁶. Внимательно изучали в XVIII в. и революционные события в Англии, опыт этой страны в борьбе с абсолютизмом, ее государственный строй.

Много внимания Новиков и Рейналь уделяли и развитию английской торговли. В Англии, по мнению Рейналя, проявили «неистовую волю в борьбе с деспотизмом» и эта борьба закончилась триумфом. Там на вполне законном основании был возведен на эшафот король, создана конституция, хотя и не совсем свободная от недостатков, однако благоприятнейшая для торговли Англии, развития всех способностей человеческого разума, обеспечившая личную свободу, сделавшая гражданина составной и неотъемлемой частью нации и государства (IV, 347—348). Рейналь считал, что английская государственная форма правления наиболее близка к идеальной¹⁷. Установление конституционной монархии в Англии, по его мнению, обеспечило подъем этого государства и расцвет в нем торговли. Поэтому мы не можем согласиться с Л. А. Дербовым, охарактеризовавшим идеи Рейналя как республиканские¹⁸. Взгляды французского просветителя отражали интересы буржуазии и по сути своей были буржуазными. Но вряд ли Рейналя можно назвать республиканцем. Он все-таки сторонник конституционной монархии по типу английской, а республиканскую форму правления считал возможной в странах с небольшой территорией, таких, как, например, Голландия¹⁹.

Новиков в 80-е годы XVIII в. проявлял повышенный интерес к конституционной монархии в Англии, считал это устройство наиболее разумным²⁰. Как и Рейналь, он писал, что Англия своим подъемом и расцветом торговли обязана мудрому правлению, служит примером «цветущего умножения народа, учрежденной наилучшим образом государственной экономии, прилежания и мануфактур... торговли, производимой по разумнейшим и здравейшим правилам» (531).

Сравнение трактата Новикова «О торговле вообще» с «Историей обеих Индий» Рейналя показывает, что он не является переводом из труда французского просветителя. В 10-томной книге Рейналя нет разделов, которые соответствовали бы разделам работы Новикова. Последняя не повторяет даже главу «Торговля» тома X «Истории обеих Индий». Книга Рейналя посвящена истории мировой торговли; мысли и выводы автора по конкретным вопросам ее развития разбросаны по всем томам. Не является работа Новикова и компиляцией труда Рейналя. Как нам пред-

ставляется, он лишь послужил для Новикова одним из источников. Совпадение же многих мыслей Новикова и Рейналя вполне естественно, так как оба автора исходили из просветительских позиций. Если Новиков и брал какой-то материал у Рейналя, то осмысливал его применительно к России. Есть еще один важный момент. Чтение Рейналя расширяло общение Новикова. Через работы Новикова русское общество имело возможность познакомиться с передовой мыслью предреволюционной Франции, найти подтверждение своим идеям, укрепиться в правильности занятых позиций, пойти, может быть, дальше того, что подсказывала российская жизнь. Для понимания развития русского просветительства это очень важно, так как в 80-е годы во взглядах Новикова наметилась определенная эволюция.

В 60—70-е годы Новиков выступал с резким осуждением любых форм неограниченной диктатуры, деспотизма и тирании, против сословного неравенства, расширения и углубления крепостничества. Он разделял в этот период идеи о «благодетельной роли просвещенного абсолютизма».

В 80-е годы, как мы уже отмечали, у Новикова усилился интерес к политике, к истории и развитию тех европейских стран, где победили буржуазные революции, к революции в Америке. У него появились конституционные и республиканские идеи.

Во всем этом выразилась эволюция русской просветительской мысли, начавшаяся в конце 70-х годов XVIII в., когда в Америке победоносно завершалась революция, когда в обстановке углубления разложения феодально-крепостнической системы, обострения социальных противоречий, усиления дворянской диктатуры рушилась вера в благодетельную роль «просвещенного абсолютизма», «мудреца на троне» как основной силы преобразования общества. Ситуация побуждала просветителей, и Новикова в том числе, искать новые пути борьбы с существующим строем, его ликвидации. Отсюда пристальное внимание к истории Голландии, Англии и, в первую очередь, к американской революции. Наряду с этим огромное значение имело изучение трудов французских просветителей, особенно третьего Женевского издания «Истории обеих Индий» — произведения, в котором логика исторических фактов заставила Рейналя прийти к выводу о вреде реформ, проводимых государями, сохранявшими неограниченную власть. Новиков не поднялся до революционных выводов, но его многогранная деятельность подготовила, на наш взгляд, почву для теретического осмысления исторического процесса и перехода просветительской мысли с просветительно-реформистских позиций на просветительно-революционные.

Для радикализации буржуазного направления просветительства как во Франции, так и в России большое значение имели труды крупнейших идеологов американской революции.

Одним из таких идеологов был Томас Пейн. 10 января 1776 г. в Филадельфии вышел в свет его памфлет «Здравый смысл», «явившийся высшим достижением антиколониальной мысли, ее

венцом, и совершивший, по свидетельству современников, переворот в устроениях американцев»²¹. Pamфлет приобрел огромную популярность — за три месяца было распродано 120 тыс. экземпляров. Всего же за годы революции тираж этого произведения достиг невиданной для того времени цифры — 500 тыс.²². «Здравый смысл» читали перед боем солдаты революционной армии. Влияние идей его автора в годы наивысшего подъема борьбы североамериканских колоний за независимость было весьма велико. «Пейн одним из первых отождествил революционную борьбу за независимость с задачами демократического переустройства Америки, с созданием нового общества, утверждающего равенство прав его членов. Идеи Пейна отвечали чаяниям масс: уничтожение монархии, политических, религиозных, расовых привилегий и ограничений»²³.

В томе IX 3-го издания «Истории обеих Индий», где множество страниц посвящено революционным событиям в Америке, Рейналь поместил свой пересказ «Здравого смысла», особое внимание уделяя революционным идеям памфлета. «Здравый смысл» Пейна — призыв к американскому народу подняться на борьбу против британского владычества. Он появился в тот момент, когда было ясно, что разрыв колоний с метрополией неизбежен, но в американском обществе еще сохранялись иллюзии относительно возможного примирения с Англией, приверженность конституционной монархии английского образца. Сторонники компромисса утверждали, что разрыв с метрополией приведет к ухудшению условий экономического положения колоний, что только военная мощь Британии в силах защитить Америку. Пейн резко выступил против этого. Он доказывал, что независимость обеспечит Америке экономическое развитие, выгодные экономические связи со всем миром, избавит от опасности вовлечения в военные авантюры Британии. Он резко критиковал конституционную монархию Англии, считавшуюся образцовым государственным строем.

Рейналь и Пейн — сторонники теории договорного происхождения общества. Оба они называли абсолютизм злом, которое несет людям ущерб и унижение. Еще большим злом они считали принцип престолонаследия, утверждая, что он является не чем иным, как обманом и оскорблением потомства. «Ибо, — писал Пейн, — все люди по происхождению равны, и ни у кого не может быть прирожденного права давать своей семье преимущество перед всеми другими» (29)²⁴. «Природа, — вторил ему Рейналь, — не создала мир для подчинения, природа установила законы равенства, которым она следует как на небесах, так и на земле» (IX, 250). Абсолютизм, по мнению Пейна и Рейналя, лишает людей свободы, права защиты своей личности и собственности. Из резкой критики абсолютной монархии оба мыслителя делали вывод о необходимости ее уничтожения, так как, по словам Пейна, эта та форма правления, «против которой свидетельствует слово божие и за которой следует кровь» (33). Рейналь писал, что власть образуется или «согласием подданных, или

силой правителя», но деспотизм может быть насильно уничтожен, ибо «ничего не предписано для свободы против тирании» (IX, 21).

Следует отметить, что если Пейн считал республиканскую форму правления идеалом и выступал против любой монархии, как абсолютной, так и конституционной, полагая, что эта форма правления «покрыла кровью и пеплом не только то или иное королевство, а весь мир» (33), то Рейналь, резко высказываясь против абсолютной монархии, отмечал, что при определенных условиях возможно существование конституционной монархии по типу английской, хотя и писал, что конституция Англии была «не свободна от неуместностей» (IV, 347)²⁵. Это положение Рейналя свидетельствует, на наш взгляд, о том, что часть французской буржуазии, выступавшая против абсолютизма, была склонна добиваться улучшения своего положения путем компромисса в рамках конституционной монархии. Такая позиция буржуазии особенно ярко проявилась на первом этапе французской революции²⁶. В начале же 80-х годов для нее на первом месте была борьба с абсолютизмом. Поэтому Рейналь выступал против любых проявлений деспотизма в мире. Одним из таких проявлений Пейн и Рейналь считали господство Англии над своими американскими колониями. Пейн в памфлете «Здравый смысл» подверг резкой критике английскую конституционную монархию, считая, что Англия недалеко ушла от деспотизма (25—26).

По мнению Рейналя и Пейна, власть Англии над колониями — деспотизм, а англичане хотят сделать американцев своими рабами. «Власть Великобритании над этим континентом, — пишет Пейн, — это форма правления, которая рано или поздно должна иметь конец... не в силах Британии явить справедливость нашему континенту... ибо если она не может нас покорить, она не может и управлять нами» (38, 40). Рейналь развивает эти мысли Пейна: «Англичане называют американцев преступниками, потому что те не хотят быть их рабами. Народ, подчиненный воле другого народа, — раб» (IX, 220). Такое рабство еще хуже, чем «рабство, которое испытывалось бы при тиране», так как власть одной нации над другой может быть основана либо завоеванием, либо соглашениями, предложенными и принятыми. Но свобода ни на что не может быть обменена, так как нет ничего ценнее свободы.

Пейн и Рейналь выступали против утверждения англичан и сторонников компромисса с Англией в Америке о том, что Британия для своих колоний является родиной-матерью. «Тогда, — восклицал Пейн, — еще более позорно ее поведение... слова родина или родина-мать иезуитски использовались королем и его туземцами с низким папистским умыслом повлиять на наши легкие и слабые умы. Отечество Америки — это Европа, а не Англия» (36). Рейналь писал, что укрепление власти Британии над Америкой не может рассматриваться с точки зрения «Британия — родина-мать», так как «приходят времена, где власть родителей над детьми прекращается: это то время, когда дети могут управляться сами» (IX, 226).

Отделение от Англии необходимо, считал Пейн, так как речь шла о судьбе целого континента, а не графства или провинции. Этого же требовала и забота о будущих поколениях американцев. «Нам, — говорил Пейн, — следует взять на себя заботу о наших детях и укрепить свое положение» (38). Британия не может управлять колониями, потому что «поездки за три или четыре тысячи миль с докладом или петицией, ожидание по четыре или по пять месяцев ответа, который, в свою очередь, потребует еще пяти—шести месяцев разъяснений, все это через несколько лет будет выглядеть безрассудным ребячеством. Было время, когда такой порядок годился, но сейчас пора кончать с ним» (40). Пейн писал о невозможности примирения и не соглашался с утверждением о том, что Англия стремится взять Америку под защиту. «Мелкие, не способные к самозащите острова — подходящий объект для взятия их правительством под свою защиту; но есть нечто абсурдное в предложении, что континент будет вечно находиться под управлением острова... ясно, что они принадлежат разным системам. Англия — Европе; Америка — самой себе» (42). Эти мысли повторил Рейналь в «Истории обеих Индий» (IX, 250).

Пейн постоянно подчеркивал в своем памфлете необходимость единения колоний, всего народа в борьбе с Англией. Рейналь, солидаризируясь с ним, писал о том же: «Если мы хотим обеспечить свое счастье, объединимся. Если мы отцы, если любим своих детей, объединимся. Законы и свобода — вот наследство, которое мы им должны оставить» (X, 249). Пейн считал, что все бескровные пути борьбы и достижения мира испробованы и не дали результата, что нет путей к примирению, более того, «это теперь обманчивая мечта» (40). Он утверждал, что нет возможностей для компромисса между Англией и Америкой: «Насилие, причиненное и грозящее нам; разрушение нашего имущества вооруженной силой; вторжение в нашу страну с огнем и мечом — вот что дает нам основание с чистой совестью пустить в ход оружие... всякое повиновение Британии должно прекратиться и началом эры независимости Америки должно считать и провозгласить первый мушкетный выстрел, направленный против нее» (62—63).

Рейналь с энтузиазмом воспринял эти слова Пейна, выделяя и заостряя их: «Мы имеем право, писал он, — взяться за оружие. — Наши права — необходимость, справедливая защита, наши несчастья, несчастья наших детей, злоупотребления, предпринятые против нас. Наши права — наш священный титул нации. Суд войны отныне — единственный суд, который существует для нас. Свобода и полная свобода — единственная цель, достойная наших работ и наших опасностей. С этого момента она принадлежит нам» (IX, 250—251).

Рейналь не просто повторял мысли Пейна о необходимости и законности вооруженной борьбы в Америке. Это был, на наш взгляд, призыв к насильственному ниспровержению деспотизма во Франции. Исследуя американский опыт борьбы, Рейналь ви-

дел, что победу восставшим принесло единение, за которое ратовал Пейн в памфлете «Здравый смысл». Это также было взято на вооружение идеологом буржуазии Франции, постоянно утверждавшим, что только единство нации в революционной борьбе с деспотизмом явится залогом успеха.

Американская революция, по мнению Рейналя, была «важнейшим событием века». Она дала урок деспотам и тиранам. «Само слово свобода, — писал Рейналь, — так сладостно, что все сражающиеся за нее уверены, что выполняют наши самые сокровенные желания. Дело, за которое они борются, — это дело всего народа человеческого, это дело становится нашим делом... Они воспламенили наше воображение. Их победы и поражения стали нашими победами и поражениями» (IX, 374—375).

Надо отметить, что оценка Пейном американских разделов «Истории обеих Индий» не была однозначной. В памфлете «Письмо аббату Рейналю — о делах в Северной Америке» (1782) он указывал на умеренность американских разделов труда Рейналя, вышедших отдельной книгой в 1781 г. Пейн высказывал Рейналю претензии в том, что он недостаточно глубоко осознал причины разрыва колоний с Англией, международное значение революции, не понял, что в США установилась новая система общественных отношений²⁷. Рейналь, воспевав Американскую революцию, считал ее оправданной и закономерной по следующим причинам. Американские колонисты занимались сельским хозяйством и торговлей, обладали простыми нравами, были далеки от роскоши и одновременно от нужды, их «ничто не призывает ни к тирании, ни к рабству, они получили урок свободы и независимости» (IX, 197); в таких государствах человек, пользуясь свободой, может отстаивать ее, бороться за нее, защищать ее (IX, 197). Но выступая с проповедью революционной борьбы за свободу, Рейналь, как мы уже неоднократно подчеркивали, утверждал, что такой путь годится не всегда и не для всех стран. Он говорил о том, что участие народных масс в революции в деспотических государствах невозможно, потому что там «человек заковысывался в цепи с колыбели», что он связан двойной связью «суеверия и политики», что он «никогда не дышал воздухом свободы» (IX, 196). Люди, погрязшие в рабстве, по мнению Рейналя, неспособны совершить революцию, да и опасно доверять их порыву. Он не приветствовал республиканский строй США, его страшило углубление революции, прежде всего — «кровопролитие» и «анархия», следующие за освобождением от деспотизма. Не согласился Пейн и с упреками Рейналя в адрес США, которые пошли в ходе революции на союз с Францией, дабы использовать англо-французские противоречия для своей победы²⁸. В данном случае Рейналь, вообще-то склонный к компромиссам, не принял союза страны, освобождающейся от тирании, с деспотическим государством.

Тем не менее впоследствии Пейн отмечал, что революция во Франции была подготовлена трудами французских просветителей. «...Все эти труды и немало других, — писал он, — оказали свое

действие: благодаря различной манере, в которой они трактовали вопрос правительственной власти (Монтескье с его рассудительностью и знанием законов, Вольтер с его острым умом, Руссо и Рейналь с их пылом, Кене и Тюрго с их моральными максимумами и системами экономики), читатели всех классов нашли в них кое-что себе по вкусу, и по всей стране стал распространяться дух политического исследования — это произошло как раз в момент возникновения спора между Англией и ее тогдашними американскими колониями» (228—229). Пейн подчеркивал, что в трудах Рейналя «мы находим, напротив, высокое чувство свободолюбия, которое внушает уважение и воодушевляет человека» (228).

Идеи Американской революции докатились и до далекой, задушенной самодержавно-крепостническим гнетом России. Как пишет исследователь русско-американских отношений Н. Н. Болховитинов, «русское общество (во всяком случае его образованная часть) было вполне удовлетворительно осведомлено о положении в Северной Америке и характере происходящих там в 70—80-х годах событий. В распоряжении читателя находился ряд книг на русском языке (не говоря уже о разнообразных иностранных изданиях), множество журнальных статей и, наконец, обширный и разнообразный материал о событиях в Америке, систематически печатавшийся на страницах «Московских ведомостей» и «С.-Петербургских ведомостей»²⁹.

Огромную роль в освещении заключительного этапа войны США за независимость сыграл Н. И. Новиков, получивший в аренду на 10 лет (1779—1789 гг) университетскую типографию, а вместе с ней и «Московские ведомости». С приходом Н. И. Новикова, отмечает Н. Н. Болховитинов, тон «Московских ведомостей» становится все более объективным и даже благоприятным к Америке³⁰. Начиная с № 68 Новиков публиковал в газете «Примечания о некоторых славных людях нынешнего столетия, взятые из одного новейшего французского сочинения», где наряду с Монтескье, Вольтером, Руссо, Рейналем были ярко охарактеризованы Франклин и Вашингтон. В это же время в России активно распространялась книга Рейналя.

Интерес, который проявляло русское общество к революции в Америке, вполне объясним. В обстановке разложения феодально-крепостнических отношений, крестьянских выступлений, не прекращавшихся и после подавления Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева, вопреки жесткой дворянской диктатуре складывались условия для распространения свободолюбивых идей. Представители передового дворянства и формирующейся разночинной интеллигенции все сильнее задумывались о судьбе России, о путях борьбы с самодержавием и крепостничеством. По справедливому замечанию Н. Н. Болховитинова, «материал об американской войне, публиковавшийся в России, по своему объективному содержанию приобретал в известной мере революционный политический смысл»³¹. А это наряду с обстановкой в стране, распространением произведений передовой французской

просветительской мысли способствовало переходу русского просветительства с просветительно-реформистских позиций на просветительно-революционные. Тенденции к такому переходу, как мы уже отмечали, можно заметить в творчестве Н. И. Новикова, в разочаровании Д. И. Фонвизина идеями «просвещенного монарха». И хотя Фонвизин, а также Я. П. Козельский теоретически предусматривали возможность насильственного расторжения народом договора с правителем, превратившимся в деспота, однако вплоть до Радищева русские просветители прямо и недвусмысленно не высказывались о праве русских крестьян на уничтожение крепостничества вооруженным путем. Сделал это Радищев на основе анализа российской действительности и, что немаловажно, благодаря теоретическому осмыслению революционных событий в Европе и прежде всего в американских колониях Англии, осуществленному с помощью передовой просветительской мысли Америки и Европы.

Именно американские события, памфлет Пейна в изложении Рейналя, рассказ об американской революции в «Истории обеих Индий», которую Радищев внимательно читал и хорошо знал, завершили формирование его революционных воззрений. Радищев, воспринимая у Рейналя революционные идеи, осмысливал и разрабатывал их, сообразуясь с конкретной обстановкой в России. Они заставили задуматься мыслителя той страны, где не было еще объективных условий для революции, над путями освобождения России от тирании и подсказали выход.

При сравнительном анализе мы обнаруживаем, что по целому ряду вопросов (отношение к абсолютизму, рабству и крепостничеству, революции в Америке и т. д.) позиции Рейналя и Радищева одинаковы или близки. Но в некоторых вопросах между ними имеются и существенные различия. Рейналь выступал против «просвещенных монархов» и считал их правление злом, но до конца не изжил веру в них. Несмотря на то что в «Истории обеих Индий» пропагандировалась революция, автор пытался еще вразумить «просвещенных правителей».

Рейналь был склонен к компромиссу. Он считал, что монархия возможна как форма правления. Но исходя из опыта мировой истории, которая убедила автора «Истории обеих Индий» в том, что монархи узурпируют власть, он предлагал избегать узурпации путем ограничения их власти. Говоря о революционных волнениях против короля как о «благех», Рейналь вместе с тем считал, что революция невозможна в той стране, где нет развитого третьего сословия. Он опасался движения широких народных масс в ходе революции³².

Радищев был чужд компромиссов. Сторонник народной революции, он верил в то, что лишь она может привести к уничтожению самодержавия.

Тема «Радищев и американская революция» достаточно широко освещена в современной литературе³³, поэтому мы не бу-

дем останавливаться на ней подробно. Отметим лишь следующее. Радищев пропагандировал американскую революцию в России.

К тебе душа моя вспаленна,
К тебе, словутая страна,
Стремится, гнетом где согбенна
Лежала вольность поправа;
Ликуешь ты! а мы здесь страждем!
Того ж, того ж и мы все жаждем.
Пример твой мету обнажил (I, 14).

В американских событиях его интересовали главным образом революционные действия народа. Тот факт, что простые земледельцы составили ядро революционной армии в Америке, еще больше убеждал Радищева в мысли, что лишь участие широких народных масс может привести к победе революции.

Воззри на беспредельно поле,
Где стерта зверства рать стоит;
Не скот тут согнан поневоле,
Не жребий мужество дарит,
Не гряда правильно стремится, —
Вождем тут каждый воин зрится,
Кончины славной ищет он (I, 11).

В оде «Вольность» не случайно звучит имя Вашингтона, который был для современников символом вооруженной борьбы с тиранией:

О, воин: непоколебимый,
Ты есть и был непобедимый,
Твой вождь—свобода, Вашингтон! (I, 11).

В то же время, славя революцию в Америке, политические свободы, установившиеся там, Радищев не обошел стороной и негативные стороны жизни общества США (истребление индейцев, рабство негров). Как заметил Н. Н. Болховитинов, это не свидетельствует о каком-то недоброжелательстве Радищева к США, наоборот, «именно потому, что А. Н. Радищев столь высоко ценил достижения американской революции XVIII в., он с таким гневом осуждал сохранение в новой республике уродливого наследия старого режима»³⁴.

Провозгласив идею народной революции, Радищев верил, что придет «день, избраннейший всех дней», когда рухнет тирания, и тогда человек скажет над его могилой:

Под игом власти, сей, рожденный,
Нося оковы позлащенны,
Нам первый вольность прорицал (I, 15).

Таким образом, говоря об эволюции просветительства, необходимо учитывать не только уровень социально-экономического развития страны. Развитие просветительской мысли Франции и Рос-

сии, как и любой другой европейской страны, невозможно рассматривать вне связи с развитием общественно-политической и революционной мысли в других странах Европы и Америки. Радикальная мысль той или иной страны испытывала на себе влияние революционных теорий более передовых стран, которые непосредственно подошли к революции или уже завершили ее. Опыт революций также способствовал радикализации просветительской мысли.

В конце XVIII в. в странах, где вопрос об уничтожении феодально-абсолютистского строя был первоочередным, идеи памфлета «Здравый смысл» оставались актуальными, использовались в борьбе с существующим строем, способствовали революционизации просветительской мысли. Иной в это время стала их судьба в Америке.

С ростом капиталистических отношений возрастало социальное значение буржуазии, которая во второй половине XVIII в. стала во главе антифеодальных сил, спланивала их и вела на борьбу с абсолютизмом. В канун революции противоречия между буржуазией и демократическими слоями населения не проявлялись столь остро, как в период революции. Их объединяло одно стремление: уничтожить феодально-абсолютистский строй. В силу своей зрелости и сознательности буржуазия Америки и Франции стала вождем революции. Однако ее победу обеспечило участие широких демократических слоев населения. Уже в ходе революции стали выявляться резкие противоречия между буржуазией и народными массами. И это естественно, так как «всякая буржуазная революция неизбежно начинается под общим лозунгом: «политическая свобода», «народные интересы», причем конкретное значение этих лозунгов выясняется для масс и для классов лишь в ходе борьбы, лишь по мере того, как делается практический приступ к осуществлению этой „свободы”»³⁵.

Война с Англией принесла Америке независимость. В ходе войны сложился блок буржуазии и плантаторов. Крупная буржуазия и плантаторы обогатились за время войны и продолжали наращивать свои капиталы. Возникшие в стране экономические трудности всей своей тяжестью легли на плечи трудящихся. Рост дороговизны, инфляция, увеличивали их задолженность. Сильно возрос государственный долг США. Все это создавало почву для возникновения недовольства народных масс. Первая половина 80-х годов отмечена массовыми выступлениями бедноты. Наиболее крупным из них было восстание Шейса, в ходе которого были выдвинуты требования равного распределения земель и богатств, отмены налогов, справедливого судопроизводства. Движение Шейса имело целью придать революции последовательный демократический характер, что привело бы к превращению буржуазной революции в буржуазно-демократическую. Крупные буржуа и плантаторы справедливо увидели в выдвинутом восставшими требования равного распределения богатств посягательство на право частной собственности. В ходе войны за независимость бур-

жуазия и плантаторы прилагали усилия к тому, чтобы задержать развитие революционной активности масс, свести революционные преобразования к минимуму. В период подъема демократического движения блок буржуазии и плантаторов потребовал централизации власти, проведения более жесткой политики по отношению к народным выступлениям, защиты частной собственности.

После восстания Шейса американская буржуазия значительно поправила. На созванном для выработки конституции в 1787 г. Конвенте были представлены плантаторы-рабовладельцы, ростовщики, земельные спекулянты, купцы, промышленники, судовладельцы. Радикалов оказалось в нем мало, многие деятели революции отсутствовали, в том числе и Пейн, находившийся в это время в Европе. Конвент был значительно консервативнее, чем конгресс, утвердивший Декларацию независимости. Принятая на Конвенте конституция полностью удовлетворяла блок плантаторов и буржуазии, заинтересованных в сильном центральном правительстве. После обнародования ее текста началась острая борьба между федералистами — сторонниками конституции, выражавшими интересы значительной части крупной американской буржуазии и плантаторов, и ее противниками, представлявшими широкие массы американского населения. Победу одержали федералисты. К июню 1788 г. конституция вступила в силу.

В республике, которая означала не «политическую форму революционного преобразования буржуазного общества, а... консервативную форму его существования»³⁶, непоколебимая вера Пейна в народный суверенитет, критика крупной собственности и собственников уже не отвечала интересам победившей буржуазии. Буржуазия Америки в конце XVIII в. стремилась предать забвению идеи Пейна, третировала его самого.

Однако в ходе подъема демократического движения в Америке 80-х годов выявилась непоследовательность и самого Пейна. В новой обстановке ему зачастую было трудно ориентироваться. Его бескомпромиссный республиканизм не всегда помогал в дебатах, развернувшихся по вопросам внутреннего развития созданной республики, — о тарифах, финансовой и налоговой системе, внутренних улучшениях. Пейн восторженно принял Конституцию 1787 г. Его высказывания о ней в начале 90-х годов лишены критических замечаний, так как идея сильной центральной власти, заключенная в конституции, ему импонировала, и «только в 1795 году, — пишет В. В. Согрин, — Пейн признает наличие в федеральной конституции неприемлемых для него черт: он критикует наделение исполнительной властью президента в одном лице и объявляет слишком длинный срок полномочий сената»³⁷. Не обронил ни слова Пейн и против статей конституции, сохранивших негритянскую неволю и работорговлю³⁸. Его непоследовательность объясняется следующим. В «Здравом смысле», а впоследствии и в «Правах человека» Пейн отстаивал право народов на революционное уничтожение феодального строя. Революцию он понимал как обновление всего естественного порядка вещей, обновление всей

системы принципов правления, как неизбежное средство для ликвидации тирании. Чтобы отвергнуть деспотизм, считал Пейн, возможны восстания и войны. Но, достигнув свободы, необходимо найти средства для ее сохранения. Он отрицал насилие после завершения революции, полагая, что сохранение революционных завоеваний возможно при такой системе правления, когда правит большинство народа. Поэтому Пейн приходит к выводу о том, что утверждение в стране республиканского строя означает реализацию народного суверенитета и что, следовательно, «сохранение за массами права на революцию тождественно закреплению за ними права на свержение народовластия»³⁹. После революции в США он выступал за развитие «нации по пути торгово-промышленного капитализма»... посредством реформ»⁴⁰. Пейн вовсе не предполагал возможности новой революции в США после установления республики.

Непоследовательность Пейна проявилась и во время революции во Франции, которую он встретил с большим энтузиазмом. Автор «Здравого смысла» внимательно следил за ее развитием, а с 1792 г. сам принимал в ней участие. Ему, как и Вашингтону, Пристли, Анахарсису, Клоотсу, Песталоцци и другим выдающимся революционерам-иностранцам, августовским декретом 1792 г. Законодательное собрание Франции предоставило французское гражданство. Пейн был избран депутатом Конвента и активно включился в его работу. Он восторженно приветствовал установление республики во Франции, как член комитета по выработке новой конституции составил свой проект (к сожалению, не сохранившийся). Одним из главных вопросов, стоявших перед Конвентом, был вопрос о судьбе свергнутого короля, который дискутировался с ноября 1792 по январь 1793 г. Пейн выступал против казни короля, которой требовали якобинцы. Он, «опасаясь интервенции Англии и помня, что Людовик XVI оказал помощь Америке, говорил, что не следует мстить королю, а надо использовать суд над ним, чтобы показать, что существует международный заговор против революции, и это послужит стимулом для подъема революции в других странах»⁴¹. По сути дела, Пейн встал на сторону жирондистов, которые стремились ограничить дальнейшее развитие революции.

Пейн выступил также и против революционного террора якобинцев. По его мнению, после установления республики действия правительства должны проводиться в рамках конституции и соответствовать принципам, установленным революцией. Он полагал, что якобинское правительство управляет страной по своему усмотрению, больше руководствуясь обстоятельствами, чем принципами, что ведет к ликвидации свободы, потому что каждый человек не может сразу изменить свое мнение и усвоить принципы революции. «Никогда, — писал Пейн, — еще ни одна истина и ни один принцип не были так абсолютно очевидными, чтобы все люди поверили в это сразу. Время и разум должны совместно содействовать окончательному утверждению какого-либо принципа.

Следовательно, те, кто могли сразу оказаться убежденными сторонниками этого принципа, не имеют права преследовать других людей за то, что они убеждаются в нем более медленно. Моральный принцип революций заключается в том, чтобы просвещать (instrukt), а не уничтожать»⁴². Пейн не смог разобраться в той сложной обстановке, которая сложилась на последнем этапе революции во Франции. Это можно объяснить тем, что революция в Америке по ряду моментов существенно отличалась от французской⁴³. Веками создавался феодальный порядок во Франции, и его ликвидация требовала огромных усилий. Для этого понадобилась диктатура якобинцев.

Подобного американская революция не знала. Правда, здесь также велась борьба против «лоялистов», но меры, которые были к ним применены, не шли ни в какое сравнение с революционно-демократической диктатурой якобинцев. В Америке не было ни такой сильной глубины конфликтов, ни такого размаха революционной борьбы, как во Франции. Противоречия в Америке не имели такой остроты, как в Европе. Причиной этого был резерв свободных земель на западе Америки, куда, несмотря на запрет Англии, постоянно устремлялась масса колонистов. «Это была своего рода отдушина, которая и в последующей американской истории выполняла роль своеобразного клапана, снимавшего напряжение классовых конфликтов»⁴⁴.

Интересны также позиции по отношению к французской революции, занятые Рейналем и Радищевым. В 1789 г. Рейналь был избран депутатом Генеральных Штатов от Марселя. Болезнь не дала ему возможности принять участие в их работе (он передал полномочия своему другу Малуэ). Но Рейналь не был пассивным созерцателем революции, он внимательно следил за ее развитием, пытался влиять на ход событий. Об этом свидетельствуют два его письма Национальному собранию Франции (1789 и 1791 гг.).

В нашей литературе встречается утверждение о повороте Рейналя вправо после 1791 г., крахе его радикализма. Оно основано на письме Рейналя Национальному собранию, опубликованном в России⁴⁵. Но на русском языке опубликована только небольшая его часть. Для решения вопроса о позиции Рейналя в период революции мы сочли необходимым привлечь полные тексты обоих писем⁴⁶.

Народ Франции с самого начала революции стал ее главным действующим лицом, его участие обеспечивало ее развитие по восходящей линии. Размах народного движения принуждал буржуазию, стремившуюся удержать свои позиции, идти все дальше по пути революционных преобразований. Июльские события разрушили иллюзии «о бескровной революции». Это была революция поистине народная. Буржуазия пыталась принятием Декларации прав человека закрепить свою победу и успокоить народные массы. В основу Декларации были положены принципы естественного права и общественного договора, провозглашенные просветите-

лями. Она стала агитационным документом огромной силы далеко за пределами Франции.

«Задача Декларации, — говорил видный буржуазный депутат Дю-Пор, — заключается в том, чтобы выразить истины для всех времен и народов. Что в том, если бы она и противоречила отчасти той конституции, которая будет принята нами? Декларации достаточно установить эти истины! Дело конституции внести в нее видоизменения и ограничения»⁴⁷. Отход от принципов Декларации был предусмотрен еще при ее создании. Власть в свои руки взяла крупная буржуазия, желавшая быстрого завершения революции.

Выступая 15 июля 1791 г. в Учредительном собрании, Антуан Барнав, один из лидеров партии монархистов-конституционалистов, говорил: «Вы совершили все, что могло благоприятствовать свободе и равенству. Отсюда вытекает та великая истина, что, если революция сделает еще один шаг вперед, она сделает его не иначе как подвергаясь опасности. Первое, что бы произошло вслед за этим в отношении свободы, была бы отмена королевской власти, а в отношении равенства за этим последовало бы покушение на собственность. Вы знаете все, что ночь 4 августа дала революции больше сил, чем все конституционные декреты. Но какую же ночь 4 августа остается проделать тем, кто хочет идти дальше, если это не будет принятие законов, направленных против собственности? Таким образом, несомненно, что революцию уже сейчас надо закончить»⁴⁸.

Об опасности, которой может подвергнуться революция при дальнейшем развитии, уже в декабре 1789 г. писал Национальному собранию и Рейналь. Рассмотрим те основные, на наш взгляд, вопросы, которые он ставил и решал в своем первом письме.

Наиболее важным достижением революции, по мнению Рейналя, была организация законодательной власти Национального собрания⁴⁹, т. е. то, что нация заняла в конституции достойное место (ст. 3 и 6 Декларации). Дальнейшая задача Собрания, полагает он, состоит в том, чтобы возможно быстрее, проведя целый ряд мероприятий, закончить революцию. Неверной считал Рейналь попытку организовать общество на принципе равенства. Еще в «Истории обеих Индий» он говорил о химере проповеди его в цивилизованном обществе (IV, 268). В ходе революции этот тезис получил дальнейшую разработку. «Какое общество, какой народ, — писал просветитель, — осмеливался когда-нибудь продолжать свое развитие на основах самого совершенного равенства»⁵⁰. Рейналь выступал в защиту собственности, угрозу ей видел в провозглашении «совершенного равенства» и осуждал некоторых ораторов Национального собрания, столь же «плохих физиков», как и «моралистов», пытавшихся сделать свои выводы «единообразия и простоты на основе природы». Рейналь считал невозможным сохранение Декларации в прежнем виде, потому что «это должно возбуждать и воодушевлять бедного против богатого, человека невоспитанного против всякого рода благовоспитанности, силу против сла-

бости, большинство против меньшинства и разбить или беспрестанно подвергать опасности существование всех связей социального порядка и всех побуждений политического порядка»⁵¹.

Когда велась борьба против феодально-абсолютистского строя и идеологически подготавливалась революция, интересы третьего сословия и всех антифеодальных сил нации были общими. Поэтому буржуазия провозглашала принципы свободы, равенства и братства, что содействовало широкой революционизации масс. Но после июльских событий, давших власть в руки крупной буржуазии и либерального дворянства, буржуазия стремилась избежать равенства не только в теории, но и на практике. Однако Рейналь понимал, что именно народ обеспечил победу революции и поэтому необходимо заручиться его поддержкой, облегчить его положение и тяготы. Он предлагал Собранию: «Обложите налогом, если это нужно, роскошь, прибавив к этому налог, который не платили привилегированные, наконец, включите в государственный долг долг несчастной половины нации, но, какова бы ни была цена, поверьте мне, приблизьте народ, сделав его менее несчастным...» Это заставит его «хранить революцию, и тогда считайте, что она будет находиться на непоколебимой основе». Без этого, заключал Рейналь, Собрание не будет иметь реальной силы⁵².

Тревогу за судьбу революции у Рейналя вызывало и движение тех, кто имел привилегии при старом дворе. «И вы, правители, дворяне, духовенство, — писал он, — вы все, несомненно многое потерявшие в революции, слишком мало говорившие об осторожности и справедливости, прекратите исходить желчью и злобой»⁵³. Рейналь доказывал, что потерпевшие поражение в революции ничего не могли ей противопоставить, так как она была неизбежна. Стремиться к контрреволюции, убеждал он, можно тогда, когда речь идет об уничтожении партии, правителя или узурпатора. Но революция, происшедшая во Франции, совершена «всею массой нации под влиянием просвещения»⁵⁴. Уверенный в этом, Рейналь хотел показать, что в ходе революции у представителей бывших привилегированных сословий нет сил и, разумеется, права для сопротивления. Революция не оставила им «ни надежды, ни сторонников, ни возможных союзников, ни внутреннего мятежа, ни ожидания помощи извне»⁵⁵. Как сословие «дворянство не давало государству никакой компенсации»⁵⁶, полагал Рейналь. Военная служба была для дворян лишь источником получения доходов. Дворянство следует сохранить, особенно в армии, тогда дворяне не «смогут вредить ни свободе, ни интересам, ни счастью нации»⁵⁷.

В «Истории обеих Индий» Рейналь высказывался о дворянском корпусе как посреднике между королем и народом. Это была не просто констатация факта английской истории, а желание видеть то же во Франции. Рейналь писал, что знать «имеет необходимую ступень в монархической иерархии» и будет посредником между народом и троном. Она не допустит народ слишком близко к трону, а также помешает трону считать себя выше народа: «заставит

уважать трон, не бояться его и укрепит его авторитет»⁵⁸. Такая расстановка сил была выгодна буржуазии, так как давала ей в руки всю полноту власти, ослабляя дворянство и короля, а народу не позволяла активно вмешиваться в политику.

Большое место уделял Рейналь организации исполнительной власти короля. Если без поддержки народа Собрание не имеет реальной силы, то без власти трона нет силы моральной, считал он. В руках короля должна быть сосредоточена исполнительная власть. Собрание обязано подумать о сильной власти короля, потому что ее «больше не существует, в глазах людей она не имеет больше даже иллюзорного престижа»⁵⁹. Эта власть важна и необходима, так как король может прекратить анархию, «проведет в жизнь декреты, заставит уважать законодательную власть, он предотвратит конфликты, вмешательство в чьи-то права, распри»⁶⁰. Но власть короля надо строго определить, так как «все, что остается в неопределенности и непостоянстве, поворачивается к беспорядку и анархии»⁶¹. Неопределенность и непостоянство были свойственны королевской власти при абсолютизме. В создаваемом государстве этого допустить нельзя, ибо король может узурпировать власть. Исполнительную власть нужно поставить под строгий контроль нации. При обсуждении конституции представители Собрания должны были действовать, писал Рейналь, не советуясь с королем, требовать ее утверждения без изменений. Нация, доверяя ему конституцию, является его судьей. Таким образом, во Франции должна установиться конституционная монархия. Вся полнота исполнительной власти будет находиться у короля, а законодательная власть, а также право решения о мире и войне — у нации.

Идея народного суверенитета, развернутая в «Истории обеих Индий», нашла свое отражение и в первом письме Рейналя Национальному собранию. В «Истории обеих Индий» это было чисто теоретическое положение, служившее основой для революционных выводов. После июля 1789 г. вопрос ставится практически: добиться оптимального претворения в жизнь идей народного суверенитета.

«Возвышая трон законом, — пишет Рейналь, — нужно возвысить его и во мнении»⁶². В абсолютистских государствах «мнение» усиливало страх подданных перед правителем. После революции оно «больше, чем законы, захватывает обывателей»⁶³, но оно будет создаваться уже для другой цели — возвеличивания короля-гражданина, будет укрепляться представителями нации. Стремясь к мирному ходу революции, ее завершению, Рейналь считает, что предстоит сделать еще многое: организовать общественную силу, которая должна находиться в руках короля, так как иначе «чем же она (общественная сила. — В. М.) будет сдержана и обуздана»⁶⁴; создать армию, судебную и административную власть; исправить и прояснить в большинстве декретов расплывчатые формулировки Декларации прав человека⁶⁵.

По мнению Рейналя, все эти вопросы важны и требуют немедленного урегулирования. Иначе будут раздоры, кровь и слезы, ко-

торыми враги революции хотят «покрыть все королевство». Но главным Рейналю представляется все же ограничение действий народа; организация исполнительной власти короля; опубликование конституции и освящение ее «торжеством всей нации, которое должно стать гарантией ее выполнения».

Эта позиция сближает его со сторонниками конституционной монархии, которым дальнейшее развитие революции казалось опасным и нежелательным. Мнение Рейналя идентично мнениям членов замкнутого политического клуба «Общество 1789 г.», основателями которого были Лафайет, аббат Сиейес и маркиз Кондорсе. В этом клубе собирались вокруг Лафайета и Бальи на торжественных обедах умеренные революционеры, одинаково преданные королю и конституции⁶⁶. В конце 1789 г. Рейналь еще не отказался от революции, но то, что он не пойдет вперед с революционными демократами, уже для него решено. В «Истории обеих Индий» такая позиция просветителя не проявлялась с ясностью и определенностью. Объяснить это можно тем, что в центре его произведения, созданного накануне революции, стояли другие вопросы и предвидеть ход революции он не мог. Во втором письме Национальному собранию Франции Рейналь сообщает: «Я обдумывал всю свою жизнь идеи, которыми вы только что воспользовались для восстановления королевства. Я обдумывал их в то время, движимый всеми социальными основаниями, интересами, предрассудками». Он пишет, что в тот период не мог предвидеть обстановки, в которой действовало Собрание, но сейчас считает необходимым сказать, что сделало оно мало.

Второе письмо было написано год спустя после первого⁶⁷, когда революция ушла уже слишком далеко от того, что хотел видеть Рейналь. В 1790 г. ширится недовольство народа антидемократическим законодательством Национального собрания; миллионы людей, пробужденных революцией, втягиваются в общественную жизнь. И этот размах революции, ее сила (манифестация 14 июня 1790 г.) пугают Рейналя. Вокруг он видит «беспокойство в религии, раздоры между гражданами, правительство, ставшее рабом тиранства черни, святилище законов, окруженное неистовыми людьми, их ниспровергающими, солдат без военной дисциплины, начальство без уважения, министров без силы, короля, этого первого друга своему народу, погруженного в горести, осмеянного, лишенного всей своей важности, общественную власть, существующую только в клубах, где незнающие и дерзкие люди решают все политические предметы»⁶⁸. Рейналь обрушивается на клубы, на писателей, которые «опошляют имя патриота»⁶⁹. (Видимо, он имеет в виду Дантона, Демулена, Робера и, в первую очередь, Марата.) Они препятствуют, по его мнению, деятельности Собрания. Обращаясь к депутатам, Рейналь пишет: «Вы имеете монархическое правление, а они заставляют его ненавидеть, они хотят сделать народ самым жестоким тираном. Вы хотите возродить нравы, а они командуют триумфом порока и безнаказанностью преступления»⁷⁰.

Рейналя пугает и волнует прежде всего то, что теперь «собственники умеренного духа — класс бессловесный и приведенный в ужас»⁷¹, а народ, «с жестокой радостью одобряющий самые преступные предложения»⁷², вершит всеми делами в государстве. По мнению Рейналя, Собрание пришло к очень грустному результату: «Король без власти, народ без узды»⁷³. Собрание под натиском народа вынуждено делать против своей воли уступку за уступкой. Рейналь хочет избежать дальнейших послаблений, остановить развитие революции, удержать Францию в рамках либерального конституционно-монархического режима. Понимая, что в революции были использованы идеи просветителей, Рейналь пишет: «Никогда смелые философские концепции не были представлены нами как грозная мера законодательных актов»⁷⁴. Чтобы возродить Францию, необходимо определить не только то, от чего нужно было отказаться, но и то, от чего отказываться нельзя: «Франция была монархией; ее протяженность, нравы, нужды, национальный дух непреодолимым образом противостоят республиканскому образу правления»⁷⁵.

Непоследовательность Собрания, утверждает Рейналь, привела к анархии. Надо прекратить ее, «остановить месть, мятежи, бунты, дать нам наконец мир и согласие»⁷⁶. К этому может привести лишь пересмотр декретов, укрепление власти, предоставление королю всей необходимой силы для поддержания законов⁷⁷.

Главные цели — право устанавливать налоги, издавать законы от имени буржуазии — были достигнуты. Теперь для Рейналя основным было сохранение этих завоеваний, укрепление королевской власти и завершение на этом рубеже революции. «Вы одни можете, — писал он депутатам Собрания, — создать то, что вы разрушили или позволили разрушить. Вы установили основы разумной конституции, обеспечив народу право создавать законы и устанавливать налог, анархия уничтожит эти права, если вы не поставите их под защиту активного и сильного правительства, и вас ждет деспотизм, если вы не предотвратите его охраняющим покровительством королевской власти»⁷⁸.

Непрекращающийся рост демократического движения, активность народных масс привели к размежеванию в третьем сословии. Крупная буржуазия, стремясь сохранить свое господство, все более и более отходила от революции, а вместе с ней и Рейналь.

За революционными событиями во Франции с пристальным вниманием следили в России. Русское общество было достаточно хорошо осведомлено об этих событиях через периодическую печать России и Франции, через памфлеты, брошюры и другие французские издания, продававшиеся в Москве и Петербурге⁷⁹.

В 1790 г. вышло радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву». Прочитав книгу, Екатерина сразу же поняла ее созвучность французским событиям: «Давно мысль его готовилась ко взятому пути, а французская революция его решила себя определить в России первым подвизателем»⁸⁰.

Если для выяснения позиции Рейналя в этот период мы имеем довольно обширный источник, то для определения мнений Радищева мы вынуждены основываться лишь на отдельных посленцензурных вставках и примечаниях к «Путешествию из Петербурга в Москву». Это произведение, как известно, было создано до начала французской революции (22 июня 1789 г. Радищев уже получил разрешение цензуры на печатание книги). «Письмо к другу, жителюствующему в Тобольске» и ода «Вольность» написаны еще раньше — в 1783 г.

Но даже вставки и примечания дают основание говорить о том, что Радищев воспринимал революцию во Франции положительно. Нам представляются неосновательными выводы некоторых авторов о его скептическом отношении к французским событиям. В. П. Семенников писал, что эти события волновали Радищева и он видел в них лишь «необузданность», дошедшую до последнего предела⁸¹. Исследователь опирался на следующее высказывание Радищева: «Не дивись несообразности разума человеческого. Ныне, когда во Франции все твердит о вольности, когда необузданность и безначалие дошли до края возможного, цензура во Франции не уничтожена. И хотя все там печатается ныне невозбранно, но тайным образом. Мы недавно читали, да восплачут французы об участи своей и с ним человечество! мы читали недавно, что народное собрание, толико же поступая самодержавно, как доселе их государь, насильственно взяли печатную книгу и сочинителя оной отдали под суд за то, что дерзнул писать против народного собрания. Лафает было исполнителем сего приговора. О Франция! Ты еще хождаешь близ Бастильских пропастей» (I, 347).

Радищев говорил о «необузданности и безначалии, дошедшем до края возможного», употребляя оценки русской официальной прессой революционных событий во Франции. Он критиковал Учредительное собрание. Французская крупная буржуазия, пришедшая к власти, меньше всего заботилась об интересах трудящихся масс. Цензовая система лишила избирательных прав три миллиона французских бедняков. Первым, кто поднялся против этой политики, был Марат, осуждавший ее на страницах своей газеты «Друг народа». Собрание отдало приказ об аресте Марата. Его исполнителями были Лафайет и Национальная гвардия.

Именно за это Радищев обвинил Учредительное собрание в «самодержавстве», в преследовании Марата. Как видим, привычные официально-охранительные формулировки Радищев наполнил диаметрально противоположным смыслом. Он внимательно следил за событиями во Франции и придавал им огромное значение. Цитированное место «Путешествия...» было вставлено им уже после того как рукопись прошла цензуру.

Для понимания позиций Радищева важна и другая вставка. В первоначальном варианте описание одного из эпизодов пугачевского восстания в главе «Едрово» заканчивалось так: «Глупые крестьяне, вы искали правосудия в самозванце! Но почто не пове-

дали вы сего законным судиям вашим? Но крестьянин в законе мертв, следовательно, против господина своего — возрыдав скажу — судиться не может» (I, 425). После цензуры Радищев изменил концовку: «Но крестьянин в законе мертв, сказали мы... Нет, нет, он жив, он жив будет, если того восхочет...» (I, 305). Это исправление было сделано Радищевым, вероятно, под непосредственным влиянием революции во Франции, где крестьянское движение вынудило дворянство и духовенство пойти на ряд уступок.

Положение о скептическом отношении Радищева к Французской революции, его сдвиге в этот период вправо обосновывается также указанием на примечание, сделанное в 1790 г. Радищевым при издании «Письма к другу, жителюствующему в Тобольске». В «Письме...» говорилось: «Нет и до скончания мира, может быть, не будет, чтобы царь пустил добровольно что ли (бо) из своей власти, сядя на престоле». К этому тексту Радищев и дал примечание: «Если бы сие было написано в 1790 году, то пример Людвига XVI дал бы сочинителю другие мысли» (I, 151). На наш взгляд, смысл этой приписки следующий. В первые два года революции, особенно в первые ее месяцы, король «благославлял» завоевания революции. Но вызвано это было не его доброй волей, а борьбой, которую вел французский народ. Только народные массы своими выступлениями в июле, августе и октябре 1789 г. вырвали у короля «благословение» и заставили его отречься от некоторых своих прав.

События революции во Франции находили отражение на страницах русской прессы. Добавим, что, служа в петербургской таможне, Радищев имел полную возможность знакомиться с ходом событий во Франции непосредственно по французским изданиям. Это давало ему возможность сделать вывод, что все уступки короля народу были вынужденными, что короли отказываются от своей власти и своих прав, уступая только силе. События 1789—1790 гг. могли еще больше укрепить веру русского просветителя в народную революцию⁸².

Таким образом, когда под влиянием народных масс революция во Франции ширилась, Радищев усиливал революционные выводы своей книги. Автор «Путешествия...» в отличие от Рейналя, призвавшего Собрание ограничить роль народа в революции, верил в народ, его силу, действенность борьбы. В 1790 г. на примере Франции Радищев окончательно убедился, что победу революции обеспечили массы трудового народа. Однако он осознавал, что в XVIII в. народная революция невозможна в России. И к этому его подводил анализ войны крестьян под предводительством Пугачева. Радищев понял связь между самодержавием и крепостничеством и то, что главное зло в России — самодержавие. Выдвигая идею народной революции, он подверг критике веру крестьян в «доброе царя». «Прельщенные грубым самозванцем, текут ему вослед и ничего толико не желают, как освободиться от ига своих властителей, в невежестве своем другого средства к тому же не умыслили, как их умерщвление. Не щадили они ни пола, ни воз-

раста. Они искали паче веселия мщенья, нежели пользу сотрясения уз» (V, 143). При этом Радищев показал, что одна из главных причин этого — их невежество, темнота и забитость, обусловленные веками рабского состояния, в котором их держал самодержавно-крепостнический строй.

Радищев, как и Рейналь, понимал, что в таком состоянии народ не может, начав движение, довести его до победного конца, утвердить свою власть. Но если Рейналь в ходе развития революции предлагал рядом мер отеснить народ от участия в ней, то Радищев выступал с верой в победоносную революцию народа, хотя для этого «не приспе еще година». Он «зрил» сквозь целое столетие и говорил, что необходимо воспитывать борцов, просвещать народ словом вольности, готовить его к революции. В том, что народ в настоящий момент не способен довести дело революции до победного конца, взять власть в свои руки, обеспечить создание государства всеобщего благоденствия, убедил Радищева завершающий этап Французской революции. Мы почти не имеем материалов об отношении Радищева к этому периоду. Лишь «Песнь историческая» и «Оснадцатое столетие» могут пролить свет на этот вопрос. Автор «Путешествия...», хотя и находился в ссылке, все-таки был осведомлен о событиях последнего этапа революции во Франции, о чем свидетельствует его письмо графу А. Р. Воронцову от 2 мая 1791 г. В нем Радищев писал: «Итак, я умоляю, ваше сиятельство, не отказывать мне в этой милости и продолжать присылать мне газеты, которые вы начали мне посылать, потому что я думаю, что после того, как вы прочли газету, она Вам больше не понадобится».

«Меркурий» (речь идет о французской газете «Mercure de France», издававшейся во Франции в 1640—1820 гг. — В. М.) доставил мне развлечение и «Энциклопедический журнал» до октября 1790 года, который я достал здесь, не может не нравиться своим разнообразием... Следует признаться, что чтение периодической печати несколько скучно из-за большого количества сообщений и фактов, относящихся к французским делам. Одна из этих брошюр, о которой упоминает гамбургский журналист, замечательна своим заглавием. Вот оно: «Отец Дюшен отчаянный патриот» («Отец Дюшен» — газета, издававшаяся в Париже революционным публицистом Эбером в 1790—1792 гг. — В. М.). Это чрезвычайно смешно, но некоторые персонажи заслуживают этого (в газете Эбер высмеивал священников и аристократов, торговцев и купцов. — В. М.). Шутки «Courrier de Londres» (английский журнал на французском языке, издававшийся в Лондоне. — В. М.) в английском памфлете, озаглавленном «Times», или «Время», хотя несколько отдают плумпудингом, но довольно меткие. В нем говорится, что Национальное собрание собирается издать декрет о том, что следует вперёд называть левую руку правой, потому что сердце помещается с левой стороны от легких, и не подобает называть левой сторону, где находится благородная часть

человеческого тела. Французы больше всего занимаются вопросами законодательства и политики» (III, 367).

Интересна характеристика, данная Радищевым Директории. Он называл ее «пятиглавой и ненавистной всем гидрой французского правительства» (III, 523).

Наряду с точкой зрения о скептическом отношении Радищева к революции вообще, в отечественной литературе существует мнение, что под влиянием событий 1793—1794 гг. он отказался в конце жизни от революционных идеалов и возлагал надежды на «просвещенных монархов», искал добродетельных государей в античной истории, предпочитал «мир неволи». Она представлена в работах Ю. Ф. Карякина и Е. Г. Плимака⁸³. Такие выводы они делают на основе «Песни исторической» и «Оснадцатого столетия». Не вдаваясь здесь с ними в полемику⁸⁴, отметим следующее.

В «Песни исторической» Радищев вовсе не искал «добрых монархов» в античной истории, а доказывал, что возможно «упадение» любой абсолютной власти и что в истории отсутствуют гарантии того, что преемник добродетельного монарха будет таким же.

Русский просветитель не отказался в конце жизни от своих идей 80-х годов, а продолжал проводить мысль о том, что правление даже самого добродетельного монарха способно вырождаться в тиранию, что трудно и невозможно «усидеть на пышном троне без похмелья и без чаду» (I, 117). Именно это, подчеркивал он, приводит к крушению добродетельности и узурпации власти. Интересна еще одна мысль Радищева, высказанная в «Песни исторической». Он писал, что после падения «вождя» «ярем пребудет» и новый тиран «как будто в насмешку» на мгновение, лишь в начале своего правления будет кроток. Представляется, что «Песнь историческая» была написана не с целью поиска добродетельных монархов в античной истории, а для того, чтобы показать, что добродетельность монарха, в конечном счете, оборачивается тиранией, предупредить об этом современников, дать возможность извлечь уроки из событий древней истории.

Сравнение Робеспьера с Суллой:

Нет, ничто не уравнился
Ему в лютости толикой,
Робеспьер дней наших разве (1,97), —

показывает, на наш взгляд, что Радищев, видимо, много ждавший от французской революции, понял, что она закончилась установлением деспотизма сначала Директории, а затем Бонапарта. Массы простого народа не избавились от гнета, нищеты, а именно таким, по его мнению, должен был быть результат революции. Ее итоги подтверждали «социологический закон» Радищева: из рабства рождается вольность, из вольности рабство.

История человечества, по его представлениям, есть борьба вольности с деспотизмом и в ходе этой борьбы одно начало сменялось другим. Революционная суть мировоззрения Радищева позволяла ему считать, что в будущем борьба вольности и деспотиз-

ма завершится уничтожением последнего и новые царства, созданные в XVIII в., «расцветут и низринутся паки».

Опыт буржуазных революций XVII—XVIII вв., действительность России убедили Радищева, что в XVIII в. «сил не достало к изгнанию всех духов ада» (I, 128) для установления на земле действительной свободы и счастья.

Но роль XVIII в., считал просветитель, огромна. Он дал людям «истину, вольность и свет», и это «ясно созвездье вовек». В это столетие погибли царства, «как раздробленный корабль». Оно «идолов свергло к земле, что мир на земле почитал».

Узы прервало, что дух наш тягчили,

Мольбой крылатой парит, глубже

Мощно, велико ты было, столетье! (I, 128).

да к истинам новым

и глубже стремясь.

Радищев говорил также, что в этом столетии «омут яркой» уничтожил надежды людей на «счастье и добродетель и вольность», оставив страданье и кровь (I, 127). Вот в этом, как нам кажется, заключена трагедия великого русского мыслителя. XVIII век указывал ему революционный путь борьбы с самодержавием и одновременно показал, что освобождение — дело далекого будущего, что в данный момент нет сил, которые могли бы привести народ к созданию таким путем государства всеобщего благоденствия.

В этих условиях у Радищева оставалась последняя слабая надежда. Он попытался провести идеалы «вольности» сверху путем работы в Комиссии по составлению законов. Может быть, он и мало верил в плодотворность обращения к воле и разуму монарха, так как сам резко критиковал этот путь на страницах «Путешествия...», говорил о его бесплодности. Но теперь этот путь казался ему единственно возможным. В период «дней Александровых прекрасного начала» Радищев не изменил своим идеалам, он пытался хоть как-то осуществить свои желания, помочь народу. Именно этим можно объяснить и восхваления Александра в «Осмнадцатом столетии» и записку «О законоположении» и сам факт работы в Комиссии.

Однако Радищев быстро убедился в бесплодности своих надежд. Довершилось это объяснением с Завадовским, от которого он вновь услышал о Сибири. Все пути, которыми мог идти в свое время Радищев, были исчерпаны, иных он не видел и не мог увидеть. Сил для борьбы уже не было. 11 сентября 1802 г. Радищев покончил с собой.

Таким образом, просветительство Франции и России в 80-е годы XVIII в. эволюционировало от веры в «просвещенного монарха» как главного орудия преобразования общества к пропаганде революции как единственно возможного средства борьбы с абсолютизмом. Эта эволюция определялась социально-экономическим развитием России и Франции, глубиной социальных противो-

речий в этих странах. Огромное значение в деле радикализации французского просветительства сыграли американская революция и революционные идеи памфлета «Здравый смысл» Пейна. Переход французского просветительства на революционные позиции ускорило складывание революционной ситуации во Франции. Опыт американской революции, ее идеи, радикальные произведения французского просветительства способствовали выработке в русском просветительстве идеи народной революции.

В период борьбы с феодальным строем, подготовки революции просветители выступали революционно, от имени всей нации, противопоставляя существующему строю общество, основанное на принципах разума и справедливости. Однако после победы в Америке и во Франции буржуазных революций стало ясно, что «государство разума... оказалось и могло оказаться на практике только буржуазной демократической республикой»⁸⁵. Революция была своего рода проверкой просветительских идей революционной практикой. Просветительство не могло отразить все многообразие явлений в жизни общества. «Великие мыслители XVIII в., — писал Ф. Энгельс, — так же как и все их предшественники, не могли выйти из рамок, которые им ставила их собственная эпоха»⁸⁶. Для выявления противоречий и слабых сторон просветительской идеологии в период мирного развития общества были необходимы годы. В период революции, когда теория проверяется революционной практикой, ее противоречивость, слабые стороны, ограниченность обнаруживают себя очень быстро.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование русского просветительства позволяет сказать, что оно возникло в 60-е годы XVIII в. и развивалось как самостоятельное направление общественно-политической мысли периода разложения феодальной системы. Ему были присущи программные установки построения общества всеобщего благоденствия. По своей социальной сущности это была антифеодальная, буржуазная идеология эпохи Просвещения. Русское просветительство было порождено русской действительностью. В то же время в своем развитии оно испытывало влияние западноевропейского, особенно французского просветительства. В 60—70-х годах русские просветители находились на просветительно-реформистских позициях, резко критиковали деспотизм, искали философские и нравственные основы справедливого правого государства. Они показали, что «просвещенный абсолютизм» Екатерины II не имел ничего общего с просветительским понятием «просвещенного монарха», благотворная деятельность которого, по их мнению, способна привести к созданию правового государства.

Ведя борьбу с самодержавным деспотизмом, выступая с осуждением любых форм угнетения и бесправия, русские просветители использовали теорию договорного происхождения власти в интерпретации энциклопедистов и Руссо. Десницкий отказался от нее, и следовал буржуазным идеям английских теоретиков Смита, Миллара, Блэкстона, так как видел, что консервативные идеологи России используют договорную теорию для обоснования законности самодержавного строя. В связи с этим же отошел от договорной теории А. Я. Поленов, считавший, что основной причиной происхождения власти было насилие. Различия в понимании и трактовке проблемы возникновения власти не позволяют, на наш взгляд, говорить о единстве теоретических воззрений русского просветительства. Не имело оно и определенных организационных форм. Отсутствие в стране общественного движения давало возможность усвоить не всю сумму идеологических постулатов, а лишь отдельные положения, на основе которых осуществлялась критика наиболее отрицательных сторон существующего строя.

С проблемой происхождения власти в общественной мысли была тесно связана проблема воспитания гражданина, «истинного сына Отечества». Русские просветители отстаивали идеал свободной человеческой личности. Официальной программе воспитания законопослушного, преданного самодержавию подданного они про-

тивопоставили свои программы. В них воспитание юношества понималось как формирование высокообразованных граждан государства, основанного на строгих законах, ненавидящих угнетение и произвол, ведущих с ними борьбу. Русские просветители выступили за воспитание истинных патриотов Родины, обладающих высоким чувством долга и чести, мыслящих, а не слепо повинующихся начальникам.

Одним из центральных вопросов в общественно-политической мысли России был с 60-х годов крестьянский вопрос.

Представители консервативного направления выступали за сохранение крепостного права, своего господства. Предлагавшиеся ими меры по ограничению произвола помещиков и некоторой регламентации повинностей крестьян преследовали цель увеличить доходность дворянских хозяйств. Просветители считали необходимым смягчить повинности крестьян, ликвидировать власть помещиков, изъять у них крестьянские наделы, предлагали предоставить крестьянам собственность на движимое и недвижимое имущество. Они искренне желали дать крестьянам права и свободы граждан, объективно выступали с крестьянских позиций, в защиту их хозяйственной и социальной самостоятельности.

Действительность России, прежде всего Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева, обострение социальной борьбы после нее, деятельность русских просветителей, война за независимость в Америке, «История обеих Индий» Рейналя, где пропагандировался вооруженный путь борьбы с абсолютизмом, способствовали переходу русского просветительства на просветительно-революционные позиции. А. Н. Радищев развернул критику самодержавно-крепостнической системы по всем направлениям, обосновал право угнетенного народа на вооруженную защиту своих прав. Он провозгласил народную революцию единственным средством уничтожения самодержавия и крепостничества. Однако он понял и то, что она в XVIII в. невозможна, так как народ не сможет, взяв власть в свои руки, обеспечить создание государства всеобщего благоденствия. В этом его убедили и Крестьянская война в России, и революция во Франции. Революция оказалась проверкой просветительских идей революционной практикой. Она выявила слабые и противоречивые стороны просветительства. Именно в ходе революции во Франции выявилась непоследовательность Пейна, стремление к компромиссу с монархией Рейналя, неудовлетворенность ее результатами Радищева. Но Радищев не отказался от идеи революции вообще как средства переустройства общества. Он говорил о революции в будущем и необходимости подготовки ее словом «вольности» в настоящем.

В 90-е годы XVIII в. и в начале XIX столетия идея революции была отвергнута просветителями, так как якобинская диктатура преемственно увязывалась ими с установлением нового деспотизма — диктатуры Наполеона. Только в 20-е годы под влиянием усиления реакции в России, как во внутренней, так и во внешней политике, революционных и национально-освободительных движе-

ний в Европе и переосмысления опыта революции во Франции будущие декабристы вернулись к революционной идее общественного переустройства России, но без участия народа.

Декабристы своим революционным выступлением попытались провести в жизнь просветительские идеи создания государства всеобщего благоденствия. Практика эту попытку отвергла. Восстанием декабристов завершилось развитие русского просветительства как самостоятельного направления в общественно-политической мысли России.

ПРИМЕЧАНИЯ

К ГЛАВЕ I

- ¹ Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. Т. 5. М., 1989. С. 160.
- ² Там же. С. 161.
- ³ Лонгинов М. Радищев и его книга // Русский архив. 1868. № 11, Незеленов А. Литературные направления в Екатерининскую эпоху. 1889; Сухомлинов М. И. Статьи и исследования по русской литературе и просвещению. Т. 1. Спб., 1889; и др.
- ⁴ Милуков П. Н. Очерки истории русской культуры. Т. 3. Спб., 1901. С. 398.
- ⁵ «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Спб., 1905. С. VIII.
- ⁶ Там же. С. IX.
- ⁷ См.: Мякотин В. А. На заре русской общественности // Из истории русского общества. Спб., 1902. С. 203, 209.
- ⁸ «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. С. IX; Мякотин В. А. Указ. соч. С. 203.
- ⁹ «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. С. XXXIII.
- ¹⁰ Белявский М. Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пучаева. М., 1965. С. 10.
- ¹¹ Краснобаев Б. И. Русская культура второй половины XVII—начала XIX в. М., 1983. С. 35.
- ¹² Плеханов Г. В. Соч. Т. XXI. М.; Л., 1925. С. 238.
- ¹³ Семенников В. П. Радищев: Очерки и исследования. М.; Пг., 1923; Гуковский Гр. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII в. Л., 1938; Лехтблау Л. (Светлов Л. Б.). Из истории просветительской литературы в России // Историк-марксист. 1939. № 1 (71); Старцев А. О западных связях Радищева // Интернациональная литература. 1940. № 7—8; и др.
- ¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 189.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 190.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. Т. 20. С. 346.
- ¹⁹ Там же. Т. 19. С. 190.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 519.
- ²³ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М., 1938—1952; Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М., 1949—1959; Его же. Избр. филос. произв. М., 1950; Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. М., 1950; Новиков Н. И. Избр. соч. М., 1951; Его же. Избранное. М., 1983; Бабкин Д. С. Процесс Радищева. М.; Л., 1952; Поэты-радищевцы. М., 1952; Фонвизин Д. И. Собр. соч. Т. 1—2. М., 1959; Новиков Н. И. и его современники, М., 1961; Новые документы об обсуждении крестьянского вопроса // Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962; Русские просветители (от Радищева до декабристов). Т. 1—2. М., 1966; Крылов И. А. Собр. соч.: В 2 т. М., 1984; О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. Факсимильное издание. М., 1984; и др.
- ²⁴ Бетяев Я. Д. Общественно-политическая и философская мысль России в первой половине XVIII века. Саранск, 1959; Благой Д. Д. История русской литературы XVIII в. М., 1960; Епифанов П. П. «Ученая дружина» и просветитель-

ство XVIII в. // Вопросы истории. 1963. № 3; Кузьмин А. Г. Русское просветительство XVIII века // Вопросы истории. 1978. № 1.

²⁵ См.: Берков П. Н. Основные вопросы изучения русского просветительства // Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII в. М.; Л., 1961; Валицкая А. П. Русская эстетика XVIII века. М., 1983.

²⁶ Горбунов М. А. Философские и общественно-политические взгляды А. Н. Радищева М., 1949; Пигарев К. В. Творчество Фонвизина. М., 1954; Макогоненко Г. П. Радищев и его время. М., 1956; Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-е годы XVIII в. М., 1958; Коган Ю. А. Очерки по истории русской атеистической мысли XVIII века. М., 1962; Беляевский М. Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева. М., 1965; Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Запретная мысль обретает свободу. М., 1966; Штрэнге М. М. Демократическая интеллигенция в России. М., 1968; Щипанов И. Я. Философия русского Просвещения. Вторая половина XVIII в. М., 1971; Дербов Л. А. Общественно-политические и исторические взгляды Н. И. Новикова. Саратов, 1974.

²⁷ См., напр.: Тураев С. В. Спорные вопросы литературы Просвещения // Проблемы Просвещения в мировой литературе. М., 1970. С. 13.

²⁸ Валицкая А. П. Указ. соч. С. 6.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 7.

³¹ Там же.

³² См.: Берков П. Н. Указ. соч. С. 9.

³³ Там же. С. 10.

³⁴ См.: Каменский З. А. Философские идеи русского Просвещения. М., 1971.

С. 22. Там же. С. 4.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3 С. 411.

³⁷ Лециловская И. И. Культура Просвещения в Центральной и Юго-Восточной Европе // Вопросы истории. 1985. № 1. С. 74.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Краснобаев Б. И. История русской культуры второй половины XVII — начала XIX в. М., 1983. С. 175.

⁴¹ См.: Мыльников А. С. Эпоха Просвещения в чешских землях. М., 1977. С. 44—45.

⁴² См.: Богданова И. А. Просвещение как начальный этап формирования национальных культур // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977; Злыднев В. И. Типологическая близость культур западно- и южнославянских народов в эпоху формирования наций // Советское славяноведение. 1983. № 4; Краснобаев Б. И. Указ. соч.; Лециловская И. И. Указ. соч.

⁴³ См.: Винтер Э. Просвещение в истории литературы славянских народов // IV Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. Т. 1: Проблемы славянского литературоведения, фольклористики и стилистики. М., 1962. С. 239.

⁴⁴ См.: Беляевский М. Т. Крестьянский вопрос в России... С. 63—65.

⁴⁵ См.: Волосюк О. В. Развитие демократической тенденции в испанском Просвещении в годы Великой Французской революции // Из истории Просвещения; экономика, политика, идеология, М., 1982.

⁴⁶ Татищев В. Н. История Российская. Т. VII. М.; Л., 1962. С. 367.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Кузьмин А. Г. Русское просветительство XVIII века // Вопросы истории. 1978. № 1. С. 111.

⁴⁹ Кузьмин А. Г. Татищев. М., 1982. С. 321.

⁵⁰ Кузьмин А. Г. Русское просветительство... С. 112.

⁵¹ Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII в. М., 1985. С. 19—26.

⁵² Там же.

⁵³ Посовиков И. Т. «Книга о скудости и богатстве» и другие сочинения. М., 1951. С. 178.

⁵⁴ Татищев В. Н. История Российская. Т. VII. С. 326.

⁵⁵ Татищев В. Н. Избр. произв. Л., 1979. С. 408.

⁵⁶ Краснобаев Б. И. Очерки истории русской культуры XVIII в. М., 1972. С. 20—21.

⁵⁷ Дружинин Н. М. О периодизации истории капиталистических отношений в России (к итогам дискуссии) // Вопросы истории. 1951. № 1. С. 74—75.

⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 541.

⁵⁹ Там же. С. 519.

⁶⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 190.

⁶¹ Дербов Л. А. Указ. соч. С. 57; Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России. М., 1986. С. 59.

⁶² См.: Покровский С. А. Государственно-правовые взгляды А. Н. Радищева. М., 1956; Берков П. Н. Указ. соч.; Каменский З. А. Указ. соч.; Краснобаев Б. И. Очерки истории русской культуры; Валицкая А. П. Указ. соч.; и др.

⁶³ Кислягина Л. Г. Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина (1785—1803). М., 1976. С. 4.

⁶⁴ Херасков М. М. Творения. Ч. I—XII. М., 1796—1802. Ч. XII. С. 43.

⁶⁵ Федосов И. А. Из истории русской общественной мысли XVIII века: М. М. Щербатов. М., 1967. С. 195, 198.

⁶⁶ Ходнев А. И. История имп. Вольного экономического общества с 1765 по 1865 г. СПб., 1865. С. 25.

⁶⁷ Федосов И. А. Указ. соч. С. 258, 259.

⁶⁸ Ковальченко И. Д., Кучеренко Г. С. Передовая общественная мысль России и Западной Европы в XIX в. М., 1980. С. 6.

⁶⁹ Гуковский Гр. Указ. соч. С. 144—145.

⁷⁰ См.: Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М., 1951.

⁷¹ См.: Лотман Ю. М. Радищев и Мабли // XVIII век. Т. 3. М.; Л., 1958; Болховитинов Н. Н. Россия и война США за независимость (1775—1783). М., 1976; Рукишина К. С. Радищев и американская революция // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1976. Т. 35. № 3; Сиволоп И. И. Радищев и Вольтер // Французский ежегодник: 1978. М., 1980; Сибирева Г. А. Неаполитанское королевство и Россия последней четверти XVIII в. М., 1981; Моряков В. И. Из истории эволюции общественно-политических взглядов просветителей конца XVIII века (Рейналь и Радищев). М., 1981; Кислягина Л. Г. Указ. соч.; Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Указ. соч. С. 4.

⁷² Кислягина Л. Г. Указ. соч. С. 4.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Беляевский М. Т. Зарождение просветительства в России // Науч. докл. высшей школы. Истори. науки. 1958. № 3. С. 46.

⁷⁵ Орлов В. Н. Русские просветители 1790—1800-х годов. М., 1953. С. 64.

⁷⁶ Там же. С. 79.

⁷⁷ Краснобаев В. И. Русская культура...; Покровский С. А. О некоторых направлениях в истории русской общественно-политической мысли XVIII—XIX вв. // Проблемы истории философской и социологической мысли XIX века. М., 1960; Берков П. Н. Указ. соч.; Орлов В. Н., Смирнов Ю. Предисловие // Жажда познания. М., 1986.

⁷⁸ Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Указ. соч. С. 98.

⁷⁹ Там же. С. 97.

⁸⁰ Цит. по: Восстание декабристов. М.; Л., 1927. Т. IV. С. 90.

⁸¹ Орлик О. В. Передовая Россия и революционная Франция (1-я половина XIX века). М., 1973. С. 71.

⁸² Иллерицкий В. Е. Революционная историческая мысль в России (домарксистский период). М., 1974. С. 46.

⁸³ Вандалковская М. Г. К истории создания и изучения статьи В. И. Ленина «От какого наследства мы отказываемся?» // История СССР. 1979. № 2; Вилейская Э. С. К истории статьи В. И. Ленина «От какого наследства мы отказываемся?» // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М., 1969; Конкин С. С. Ленин и проблемы русского просветительства // Вопросы методологии историко-литературных исследований. Л., 1981; Пантин И. К. Категории «просветительство», «народничество», «крестьянская демократия» в ленинском

анализе русской общественной мысли // Методологические проблемы истории философии и общественной мысли. М., 1977; *Болебрух А. Г.* В. И. Ленин о русском просветительстве // Актуальные историографические проблемы отечественной истории XVII—XIX вв. Днепропетровск, 1982; *Дербов Л. А.* В. И. Ленин о просветительстве и просветителях // Историографический сборник (Проблемы истории в трудах классиков марксизма-ленинизма). Вып. 8 (II). Саратов, 1984; *Эймонтова Р. Г.* К спорам о просветительстве // История СССР. 1988. № 6; *Болебрух А. Г.* Просветительство и его место в истории русской общественной мысли XVIII — первой половины XIX века // Теория и методика историографических исследований. Днепропетровск, 1989; и др.

⁸⁴ *Каменский З. А.* Философские идеи русского Просвещения. М., 1971. С. 17.
⁸⁵ Философская энциклопедия. Т. IV. М., 1967.
⁸⁶ *Вандалковская М. Г.* К истории... С. 135.
⁸⁷ Там же.
⁸⁸ Там же.
⁸⁹ *Болебрух А. Г.* В. И. Ленин о русском просветительстве. С. 8.
⁹⁰ *Пантин И. К.* Категории... С. 83.
⁹¹ *Эймонтова Р. Г.* К спорам... С. 28.
⁹² *Виленская Э. С.* К истории статьи В. И. Ленина... С. 326.
⁹³ *Поспелов Г. Н.* Просветительство в истории русской литературы // Вопросы литературы. 1975. № 5; *Конкин С. С.* Ленин и проблемы русского просветительства.

⁹⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 38.
⁹⁵ *Ковальченко И. Д., Кучеренко Г. С.* Передовая общественная мысль...

С. 6

⁹⁶ *Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г.* Указ. соч. С. 139.
⁹⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 193—194.
⁹⁸ Там же. С. 194.
⁹⁹ Там же.
¹⁰⁰ Там же.
¹⁰¹ Там же. С. 121.
¹⁰² Там же.
¹⁰³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 38.
¹⁰⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 46.
¹⁰⁵ *Кучеренко Г. С.* Исследования по истории общественной мысли Франции и Англии. XVI—первая половина XIX вв. М., 1981. С. 32.

¹⁰⁶ *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1960. Т. 18. С. 357.
¹⁰⁷ *Володин А. И., Шахматов Б. М.* Утопический социализм: 1833—1883 гг. // Утопический социализм в России. М., 1985. С. 31.

¹⁰⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 27.
¹⁰⁹ Там же. Т. 20. С. 175.
¹¹⁰ *Покровский С. А.* Указ. соч. С. 198.
¹¹¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 19. С. 170, 171.
¹¹² *Балашова Н. А.* Российский либерализм начала XX века: (Банкротство идей «Московского еженедельника»). М., 1981. С. 6.

¹¹³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 171.
¹¹⁴ Там же.
¹¹⁵ Ленинский сборник. Т. 5. М., 1926. С. 67.
¹¹⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 520.
¹¹⁷ Там же.
¹¹⁸ Там же. Т. 46. С. 18—19.
¹¹⁹ Там же. Т. 2. С. 520.
¹²⁰ Там же. Т. 20. С. 175.
¹²¹ *Володин А. И., Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г.* Чернышевский или Нечаев?

О подлинной и мнимой революционности в освободительном движении России 50—60-х годов XIX века. М., 1976. С. 286.

¹²² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 519.

¹²³ Там же.

¹²⁴ *Болебрух А. Г.* Просветительство... С. 93.

¹²⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Т. 19. С. 190.

¹ *Краснобаев Б. И.* Русская культура... С. 168.

² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 190.

³ Проблема человека в просветительской литературе достаточно полно и основательно изучена в современной философской литературе, на которую мы опираемся в нашем исследовании. См., напр.: *Коломиец Т. А.* Концепция человека во французском материализме XVIII в. Киев, 1978; *Кузнецов В. И.* Французский материализм XVIII в. М., 1981.; *Болдырев А. И.* Проблема человека в русской философии XVIII в. М., 1986; *Шкуринов П. С. А. Н. Радищев: Философия человека М.* 1988; *Щипанов И. Я.* Философия русского Просвещения: Вторая половина XVIII в. М., 1971; и др.

⁴ *Майков Л.* Батюшков, его жизнь и сочинения. СПб., 1896. С. 13.

⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 66—67.

⁶ *Грацианский П. С.* Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII века. М., 1984. С. 87—110; *Грабош У.* (Берлин). К вопросу о немецко-русском обмене научными знаниями в XVIII веке // Из истории русско-немецких литературных взаимосвязей. М., 1987.; *Антонов В. Н.* Фонвизин в Германии! Там же; *Леман У.* (Берлин). И. Г. Гердер как основоположник демократической концепции русско-немецких взаимосвязей // Там же; и др.

⁷ *Хотеев И. И.* Французская книга в библиотеке Петербургской Академии наук (1714—1742) // Французская книга в России. Л., 1986. С. 7.

⁸ *Сомов В. А.* Французская «Росси́ка» эпохи Просвещения и русский читатель // Французская книга в России. С. 222.

⁹ *Штрэнге М. М.* Русское общество и французская революция 1789—1794 гг. М., 1956. С. 43.

¹⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 496.

¹¹ *Нечкина М. В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 84.

¹² *Грацианский П. С.* Указ. соч. С. 39.

¹³ *Застенкер Н. Е.* Очерки истории социалистической мысли М., 1985. С. 141.

¹⁴ Там же. С. 139.

¹⁵ *Монтескье Ш.* О духе законов // Избр. произв. М., 1955. С. 170.

¹⁶ *Монтескье Ш.* Персидские письма. М., 1936. С. 220.

¹⁷ *Монтескье Ш.* О духе законов // Избр. произв. С. 184.

¹⁸ Там же. С. 175.

¹⁹ Там же. С. 176.

²⁰ Там же. С. 177.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 168.

²³ Цит. по: *Пекарский П. П.* Материалы для истории журнальной и литературной деятельности Екатерины II. СПб., 1863. С. 3—4.

²⁴ *Омельченко О. А.* Политическая теория в «Наказе Комиссии составления проекта нового уложения» Екатерины II // Вестн. Моск. ун-та. История. 1977. № 1. С. 80.

²⁵ Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения. СПб. 1907. С. 5.

²⁶ Там же. С. 3.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 4.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Академические известия. Ч. VIII. СПб., 1781. С. 671—672.

³⁴ Более подробно о переводе Н. Г. Городчаннинова см.: *Моряков В. И.* Из истории эволюции... С. 57—67.

³⁵ *Raynal G. Th.* Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des européens dans les deux Indes. Vol. I—X. Geneve, 1780—1781. (Далее все цитаты приводятся по этому изданию; в скобках римской цифрой отмечается том, арабской — страница.)

- ³⁵ Из письма Дени Дидро господину Гримму. Цит. по: *Длугач Т. Б.* Дени Дидро. М., 1975. С. 184.
- ³⁷ *Benot Jves. Diderot, de l'atheisme à l'anticolonialisme.* Paris, 1970.
- ³⁸ В русских разделах «Истории обеих Индий» явно чувствуется рука Дидро, который побывал в России в 1774 г., много раз беседовал с Екатериной II, с пером в руке изучал ее «Наказ Комиссии о составлении проекта нового уложения» и сделал на него замечания. При сравнении разделов «Истории обеих Индий», посвященных России, и «Замечаний» Дидро на «Наказ» Екатерины II можно обнаружить текстуальные совпадения многих положений.
- ³⁹ См.: *Моряков В. И.* Из истории эволюции... С. 76—80.
- ⁴⁰ *Волгин В. П.* Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1958. С. 112.
- ⁴¹ История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л., 1978. С. 67. Здесь и далее цитаты приводятся по этому изданию. В скобках указана страница.
- ⁴² *Дидро Д.* Собр. соч. М., 1947. Т. X. С. 419.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ РИО. Т. 23. С. 183.
- ⁴⁶ Там же. С. 231, 235.
- ⁴⁷ Цит. по: *Краснобаев Б. И.* Русская культура... С. 178.
- ⁴⁸ Цит. по: *Белявский М. Т.* Крестьянский вопрос в России. С. 172.
- ⁴⁹ *Шербаков М. М.* Рассмотрение о вопросе — могут ли дворяне записываться в купцы // *Шербаков М. М.* Неизданные сочинения. М., 1935. С. 139.
- ⁵⁰ Там же. С. 139—140.
- ⁵¹ Там же. С. 140.
- ⁵² *Шербаков М. М.* Разные рассуждения о правлении // Соч. СПб., 1886. Т. 1. Стб. 335.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же. С. 344.
- ⁵⁵ Там же. С. 345.
- ⁵⁶ Там же. С. 340.
- ⁵⁷ Там же. С. 338.
- ⁵⁸ *Шербаков М. М.* Путешествие в землю Офирскую... // Соч. Т. 1. Стб. 952.
- ⁵⁹ Там же. Стб. 845, 949.
- ⁶⁰ *Шербаков М. М.* Рассмотрение о вопросе... // Неизд. соч. С. 140.
- ⁶¹ *Шербаков М. М.* Размышления о дворянстве // Соч. Т. 1. Стб. 224.
- ⁶² Там же. Стб. 222, 223.
- ⁶³ *Егоров С. А. М. М.* Шербаков о преобразовании государственного строя в России // Советское государство и право. 1985. № 1. С. 119.
- ⁶⁴ Там же. С. 114.
- ⁶⁵ *Белявский М. Т., Кислягина Л. Г.* Общественно-политическая мысль // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 3. М., 1988. С. 186.
- ⁶⁶ *Сумароков А. П.* Некоторые статьи о добродетели // Н. И. Новиков и его современники. М., 1960. С. 344.
- ⁶⁷ *Сумароков А. П.* Сон — счастливое общество // Н. И. Новиков и его современники. С. 354.
- ⁶⁸ Там же. С. 355.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ *Сумароков А. П.* Некоторые статьи о добродетели // Там же. С. 342.
- ⁷¹ *Сумароков А. П.* О благородстве... С. 370.
- ⁷² *Сумароков А. П.* Некоторые статьи о добродетели // Там же. С. 345.
- ⁷³ *Херасков М. М.* Нума Помпилий, или Процветающий Рим. М., 1803. С. 35—36.
- ⁷⁴ *Херасков М. М.* Кадм и Гармония. Древнее повествование. Ч. 2. М., 1793. С. 361; *Он же.* Полидор, сын Кадма и Гармонии. Ч. 1—2. М., 1794; Ч. 1. С. 314, 58.
- ⁷⁵ *Херасков М. М.* Нума Помпилий. С. 158—159.
- ⁷⁶ *Новиков Н. И.* О главных причинах, относящихся к приращению художеств и наук // Н. И. Новиков и его современники. С. 213.
- ⁷⁷ Там же.

- ⁷⁸ *Новиков Н. И.* Избранное. М., 1983. С. 310.
- ⁷⁹ Там же. С. 311.
- ⁸⁰ Там же. С. 312.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² *Дербов Л. А.* Общественно-политические и исторические взгляды Н. И. Новикова. Саратов, 1974. С. 223.
- ⁸³ Прибавление к Московским ведомостям. 1784. № 39. С. 310—311.
- ⁸⁴ *Берков П. Н.* Насущные вопросы изучения общественной позиции Н. И. Новикова // XVIII век. Сб. 11: Н. И. Новиков и общественно-литературное движение. Л., 1976. С. 11.
- ⁸⁵ *Новиков Н. И.* О главных причинах... // Н. И. Новиков и его современники. С. 21.
- ⁸⁶ Там же. С. 214.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ *Берков П. И.* Насущные вопросы... С. 13.
- ⁹⁰ *Новиков Н. И.* Избранное. С. 462.
- ⁹¹ Там же. С. 110.
- ⁹² Там же. С. 111.
- ⁹³ Цит. по: *Дербов Л. А.* Указ. соч. С. 170.
- ⁹⁴ Сатирические журналы Н. И. Новикова. М., Л., 1951. С. 131.
- ⁹⁵ *Дербов Л. А.* Указ. соч. С. 177.
- ⁹⁶ Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. М.; Л., 1952. С. 258.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ Там же. С. 261.
- ⁹⁹ Там же. С. 254.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 262.
- ¹⁰¹ Там же. С. 254.
- ¹⁰² Там же. С. 261—262.
- ¹⁰³ Там же. С. 257.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ Избранные произведения русских мыслителей... С. 224—226.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 263.
- ¹⁰⁸ Мы считаем нецелесообразным подробно освещать этот вопрос, так как это аргументированно сделано П. С. Грацианским в его работе «Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в.» М., 1984. С. 87—109.
- ¹⁰⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 310.
- ¹¹⁰ *Грацианский П. С.* Указ. соч. С. 107.
- ¹¹¹ Там же. С. 107.
- ¹¹² Избранные произведения русских мыслителей... Т. 1. С. 270—271.
- ¹¹³ *Шипанов И. Я.* Указ. соч. С. 247.
- ¹¹⁴ Избранные произведения русских мыслителей... Т. 1. С. 285.
- ¹¹⁵ Там же. С. 295.
- ¹¹⁶ Там же. С. 296.
- ¹¹⁷ Там же.
- ¹¹⁸ Там же. С. 298—299.
- ¹¹⁹ Там же. Т. 2. С. 11.
- ¹²⁰ Там же. С. 13.
- ¹²¹ Там же. С. 14.
- ¹²² *Грацианский П. С.* Указ. соч. С. 94.
- ¹²³ Избранные произведения русских мыслителей... Т. 2. С. 473.
- ¹²⁴ Там же. С. 477.
- ¹²⁵ Там же. С. 474.
- ¹²⁶ Там же. С. 478.
- ¹²⁷ См.: *Лотман Ю. М.* Руссо и русская культура. XVIII — начало XIX в. С. 221.
- ¹²⁸ Там же. С. 222—223.

¹²⁹ Штранге М. М. Жан Жак Руссо и его русские современники //Международные связи России в XVII—XVIII вв. (экономика, политика, культура). М., 1966. С. 347.

¹³⁰ См.: Лотман Ю. М. Руссо и русская культура. XVIII — начало XIX в. С. 222—223.

¹³¹ Избранные произведения русских мыслителей... Т. 1. С. 526.

¹³² Там же. С. 528.

¹³³ Там же. С. 529.

¹³⁴ Там же. С. 530.

¹³⁵ Коган Ю. Я. Просветитель XVIII века Я. П. Козельский... С. 184.

¹³⁶ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 407.

¹³⁷ Там же. С. 429.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же. Т. 2. С. 59.

¹⁴⁰ Там же. Т. 3. С. 47. (Далее цитаты приводятся по этому изданию; в скобках римской цифрой отмечен том, арабской — страница.)

¹⁴¹ Руссо Жан Жак. Трактаты. М., 1969. С. 152 (здесь и далее все цитаты приводятся по этому изданию; в скобках указывается страница).

¹⁴² Волгин В. П. Указ. соч. С. 206.

¹⁴³ Шкуринов П. С. О специфике философских воззрений А. Н. Радищева (статья третья) //Научные доклады высшей школы. Философские науки. 1979. № 4. С. 50.

¹⁴⁴ Алексеев-Петров В. С. О социальных и политических идеях Руссо//Руссо Жан Жак. Трактаты. С. 550.

¹⁴⁵ Лотман Ю. М. Руссо и русская культура. XVIII — начало XIX в. С. 571.

¹⁴⁶ Грацианский П. С. Указ. соч. С. 114.

К ГЛАВЕ III

¹ Берков П. Н. Насущные вопросы изучения общественной позиции Н. И. Новикова //XVIII век. Сб. 11: Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л., 1976. С. 12.

² Наказ императрицы Екатерины II... С. 7.

³ Омельченко О. А. Указ. соч. С. 87

⁴ Наказ... С. 8.

⁵ Там же. С. 74.

⁶ Там же. С. 106.

⁷ Там же. С. 89.

⁸ Там же. С. 103.

⁹ Там же. С. 103—104.

¹⁰ Там же. С. 104.

¹¹ Там же. С. 105.

¹² Там же.

¹³ Руссо Жан Жак. Эмиль, или О воспитании. 2-е изд. М., 1911. С. 8.

¹⁴ Там же. С. 9.

¹⁵ Там же. С. 9—10.

¹⁶ Цит. по: Каменский Я. А., Локк Д., Руссо Жан Жак, Песталоцци И. Г. Педагогическое наследие. М., 1987. С. 402.

¹⁷ Учреждения и уставы, касающиеся до воспитания и обучения в России юношества обоего пола. Спб., 1774. Т. 1. С. 3.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 4.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 115—116.

²³ Бецкой И. И. Собрание учреждений и предписаний, касательно воспитания в России обоего пола благородного и мещанского юношества. М., 1789. Т. 1. С. 225.

²⁴ Цит. по: Гуковский Г. А. Русская литература XVIII в. М., 1939. С. 260—261.

²⁵ Плеханов Г. В. Указ. соч. Т. 3. С. 34.

²⁶ См.: Лавровский Н. А. О педагогическом значении сочинений Екатерины Великой. Харьков, 1856. С. 8.

²⁷ См., напр.: Берков П. Н. Указ. соч. С. 174.; Гуковский Г. А. Указ. соч. С. 288; Стенник Ю. В. Русская сатира XVIII в. Л., 1985. С. 325.

²⁸ Стенник Ю. В. Указ. соч. С. 325.

²⁹ Там же. С. 329.

³⁰ Семенников В. П. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. Спб., 1914. С. 43.

³¹ ПСЗ. 1830. Т. XVI. С. 270.

³² Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями А. Н. Пыпина: В 12 т. Спб., 1905—1907. Т. 1. С. 105.

³³ Там же. С. 166.

³⁴ Там же. С. 11.

³⁵ Там же. С. 7.

³⁶ Наказ... С. 105—106.

³⁷ Там же. С. 106.

³⁸ Там же. С. 107.

³⁹ Там же. С. 106—107.

⁴⁰ Сочинения императрицы Екатерины II... С. 77.

⁴¹ Там же. С. 86.

⁴² Сочинения императрицы Екатерины II... Т. 3. С. 144.

⁴³ Наказ... С. 137.

⁴⁴ Макогоненко Г. П. Радищев и его время... С. 221.

⁴⁵ Дневник А. В. Храповицкого, 1782—1793. По подлинной его рукописи, с биографическою статьею и объяснительным указанием Н. Барсукова. Спб., 1901. С. 1.

⁴⁶ Сводный каталог русской книги XVIII в. (1725—1800). М., 1964. Т. 2.

⁴⁷ О должностях человека и гражданина //Жажда познаний. М., 1986. С. 601—602.

⁴⁸ Там же. С. 605.

⁴⁹ Там же. С. 612.

⁵⁰ Там же. С. 605.

⁵¹ Там же. С. 612.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Солнцев В. Ф. Характерные черты современного общества в комедиях Екатерины II //Покровский В. Екатерина II: Ее жизнь и сочинения: Сб. историко-литературных статей. М., 1910. С. 122.

⁵⁵ Например, А. П. Сумароков считал первостепенным воспитание добродетели. Под ней он понимал прежде всего человеколюбие, которое «есть первая статья добродетели и источник всякого блага», стремление делать людям добро, честность, образование. Именно добродетель, доказывал Сумароков, позволяет дворянам честно и достойно служить государству, быть истинными сынами отечества, что и отличает их от всех остальных людей. Добродетель воспитывается с помощью обучения, так как «воспитание без поддерживания учением и честным собеседованием слабо ко удержанию нас на пути истины». Но все люди одинаково просвещены быть не могут, потому что в таком случае «не будет повиновения и, следовательно, никакого порядка». Различие в просвещении людей, по мнению Сумарокова, «делают различие между ними». И самое главное для него заключалось в том, что «возвращение добродетели принадлежит начальникам и писателям, проповедники добродетели толкуют о ней, а начальники за нее награждают, пороки справляют и беззаконные истребляют. Сие дело есть первая монарша должность...» Но монархи заняты важными государственными делами, а потому, полагал Сумароков, в «деле возвращения добродетели» правителю «надобны такие вельможи, которые бы им помошествовали в сем важнейшем их должности деле». (Новиков и его современники... С. 341—345.)

⁵⁶ Избранные произведения русских мыслителей... Т. 1. С. 532.

⁵⁷ Там же. С. 533.

58 Там же.
59 Там же. С. 534.
60 Там же.
61 Там же.
62 Там же.
63 Там же. С. 537.
64 Там же. С. 535—536.
65 Вопрос авторства «Писем к Фалалею» является в науке спорным. Одни исследователи приписывают их Новикову, другие Фонвизину, третьи М. И. Попову. Все авторы для доказательства своих положений применяли историко-лингвистические (качественные) методы. Но на основе имеющихся данных они не позволяют окончательно провести атрибуцию. Т. В. Иванова для этого провела комплексное источниковедческое исследование с применением как качественных, так и количественных (анализ формальных характеристик стиля произведений Новикова, Фонвизина и Попова) методов. Исследователь пришла к выводу о том, что автором «Писем к Фалалею» был Д. И. Фонвизин. Мы считаем положение, доказательства и выводы Т. В. Ивановой аргументированными и соглашаемся с ними. (См.: *Иванова Т. В.* Атрибуция нарративных источников второй половины XVIII в. при помощи формально-статистических методов: (Атрибуция «Писем к Фалалею»). Канд. дис. М., 1990).

66 Фонвизин Д. И. Собр. соч. Т. 1—2. М., 1959. Т. 1. С. 81.

67 Там же. С. 98.

68 Там же. С. 174.

69 Там же. С. 163.

70 Там же. С. 167.

71 Там же. С. 167—168.

72 Там же. С. 132.

73 Там же. С. 133.

74 Там же. С. 168.

75 Там же. С. 168—169.

76 Там же. С. 169.

77 Там же.

78 Там же. С. 130.

79 Там же. С. 151.

80 Там же. С. 152—153.

81 Там же. С. 152.

82 Избранные произведения русских мыслителей... Т. 2. С. 16.

83 Там же.

84 Там же. С. 17.

85 Там же.

86 Там же.

87 Там же.

88 Там же. С. 18.

89 Там же.

90 Там же.

91 Там же. С. 18—19.

92 Там же. С. 19.

93 Там же.

94 Н. И. Новиков и его современники. С. 258.

95 Там же.

96 Там же.

97 Там же.

98 Там же.

99 Там же.

100 Там же. С. 100.

101 Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л., 1951. С. 105.

102 Там же. С. 113—114.

103 Там же. С. 106.

104 Там же. С. 485.

105 Там же. С. 74.

106 Там же. С. 44.

107 Н. И. Новиков и его современники. С. 263.

108 Там же.

109 Там же. С. 312.

110 Там же.

111 Там же. С. 302.

112 Там же. С. 280, 281, 285.

113 Прибавление к «Московским ведомостям». 1784. № 59. С. 472.

114 Н. И. Новиков и его современники. С. 290.

115 Там же. С. 293.

116 Там же. С. 303.

117 Цит. по: *Привалова Е. П.* Социальная проблема на страницах журнала Новикова «Детское чтение для сердца и разума» // XVIII век. Сб. 11: Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени.

118 Там же. С. 112.

119 Н. И. Новиков и его современники. С. 261.

120 Там же. С. 267.

121 Там же.

122 Там же. С. 268.

123 Там же.

124 Там же. С. 277.

125 Там же.

126 Там же. С. 278.

127 Там же.

128 Там же.

129 Там же. С. 276.

130 См., напр., отзыв Миллера о «Риторике» Ломоносова: М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников. М.; Л., 1962. С. 103.

131 Там же. С. 108.

132 Там же. С. 110, 113, 129, 134.

133 Там же. С. 19.

134 Там же. С. 5.

135 Там же. С. 32.

136 Там же. С. 37.

137 См.: *Бабкин Д. С.* Биографии Ломоносова, составленные его современниками // М. В. Ломоносов. Сб. статей и материалов. М.; Л., 1946; *Макогоненко Г. П.* Радищев и его время. М., 1965; *Кулакова Л. И.* А. Н. Радищев о М. В. Ломоносове // Литературное творчество М. В. Ломоносова: Исследования и материалы. М.; Л., 1962; *Краснобаев Б. И.* Очерки истории русской культуры XVIII века. М., 1972; *Лысцов В. П.* М. В. Ломоносов в русской историографии 1750—1850-х годов. Воронеж, 1983; и др.

138 *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 127 (Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. Т. 1—3. М.; Л., 1938—1952; римской цифрой указывается том, арабской — страница.)

139 М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников. С. 53.

140 *Макогоненко Г. П.* Указ. соч. С. 220, 221.

141 Цит. по: *Краснобаев Б. И.* Русская культура... С. 182.

142 *Кулакова Л. И.* Указ. соч. С. 232.

143 *Благой Д. Д.* История русской литературы XVIII в. М., 1951. С. 209.

144 *Благой Д. Д.* История русской литературы XVIII в. М., 1960. С. 173.

145 *Белявский М. Т.* Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955. С. 51. Заслуживает внимания и замечание С. А. Мезина о том, что прославление Ломоносовым деятельности Петра I было «обусловлено стремлением ученого во имя прогресса и просвещения продолжить линию петровских преобразований. Развивая в теоретическом плане важнейшие стороны деятельности Петра, Ломоносов создал собственную концепцию идеального монарха». (*Мезин С. А.* М. В. Ломоносов о Петре I // Историографический сборник. Вып. 12. Саратов, 1983. С. 101.)

146 История русской поэзии. Т. I. Л., 1968. С. 77.

147 *Кулакова Л. И.* Указ. соч. С. 228.

- ¹ Федосов И. А. Указ. соч. С. 132.
- ² Белявский М. Т. Крестьянский вопрос в России... С. 352.
- ³ Наказ императрицы Екатерины II... Статьи 3, 13, 33, 34.
- ⁴ Там же. С. 253—258.
- ⁵ Там же. С. 358.
- ⁶ Белявский М. Т. Крестьянский вопрос в России... С. 38—55.
- ⁷ Там же. С. 54.
- ⁸ Ключевский В. О. Соч. Т. V, М., 1989; Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII — первой половине XIX в. Т. I. СПб., 1888; Лаппо-Данилевский А. С. Екатерина II и крестьянский вопрос // Великая реформа. Т. 1. М., 1911; Милоков П. Н. История русской культуры. Ч. III, вып. 2. СПб., 1903; и др.
- ⁹ Каменский А. Б. Екатерина II // Вопросы истории. 1989. № 3. С. 82.
- ¹⁰ Орешкин В. В. Вольное экономическое общество в России. М., 1963; Белявский М. Т. Крестьянский вопрос в России...; Он же. Французские просветители и конкурс о собственности крепостных крестьян в России // Вестн. Моск. ун-та. История. 1960. № 6; Он же. Просветители на конкурсе о собственности крестьян в России // Вестн. Моск. ун-та. История. 1961. № 2; Публикация текстов и анализ работ Вольтера, № 23, 71, 99, двух редакций работы Поленова, речи Л. Эйлера, подготовленной в связи с принятием его в ВЭО, сделаны М. Т. Белявским в издании «Археографический ежегодник за 1958 г.». М., 1960.
- ¹¹ Археографический ежегодник за 1958 г. С. 412.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 413.
- ¹⁵ Там же. С. 414.
- ¹⁶ Там же. С. 394—395, 412, 414.
- ¹⁷ Белявский М. Т. Крестьянский вопрос в России... С. 286—287.
- ¹⁸ Цит. по: Белявский М. Т. Крестьянский вопрос в России... С. 289.
- ¹⁹ Дидро Д. Собр. соч. Т. X. С. 467—471, 496.
- ²⁰ Археографический ежегодник за 1958 г. С. 406—411.
- ²¹ Белявский М. Т. Крестьянский вопрос в России... С. 290.
- ²² Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962. С. 359—366.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Археографический ежегодник за 1958 г. С. 425.
- ²⁶ Там же. С. 426.
- ²⁷ Там же. С. 426.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. С. 427.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² Ходнев А. И. Указ. соч. С. 25.
- ³³ Археографический ежегодник за 1960 г. С. 349.
- ³⁴ Там же. С. 352.
- ³⁵ Белявский М. Т. Крестьянский вопрос в России... С. 253.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Сб. РИО. Т. IV. СПб., 1869. С. 71, 81, 89, 95, 101, 104—105, 132; Т. VIII. СПб., 1871. С. 56, 81, 85, 156—157, 164—165, 332—334.
- ³⁸ Сб. РИО. Т. VIII. С. 170—171, 369—375.
- ³⁹ Сб. РИО. Т. XXXII. СПб., 1881. С. 468.
- ⁴⁰ Там же. С. 406.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же. С. 513.
- ⁴⁴ Там же. С. 403—405.
- ⁴⁵ Там же. С. 449—451.
- ⁴⁶ Там же. С. 406—410.
- ⁴⁷ Там же. С. 409.
- ⁴⁸ Плеханов Г. В. Указ. соч. С. 69.
- ⁴⁹ Сб. РИО. Т. XXXII. С. 410.

- ⁵⁰ Там же. С. 494.
- ⁵¹ Там же. С. 516.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Белявский М. Т. Крестьянский вопрос в России... С. 234.
- ⁵⁴ Сб. РИО. Т. XXXII. С. 420—421, 447—448.
- ⁵⁵ Там же. Т. XXXVI. СПб., 1882. С. 309—312.
- ⁵⁶ Там же. Т. XXXII. С. 544—546, 447—448.
- ⁵⁷ Там же. С. 580—581; Т. XXXVI. С. 26—29, 308—314, 317—318.
- ⁵⁸ Сб. РИО. Т. XXXVI. С. 26—28, 31—35.
- ⁵⁹ Белявский М. Т. Крестьянский вопрос в России... С. 245—247.
- ⁶⁰ Избранные произведения русских мыслителей... Т. 1. С. 319.
- ⁶¹ Там же. С. 319—320.
- ⁶² Там же. С. 321.
- ⁶³ Там же. С. 319.
- ⁶⁴ Там же. С. 321.
- ⁶⁵ Там же. С. 322.
- ⁶⁶ Там же. С. 319—320.
- ⁶⁷ Об этом см. более подробно: Грацианский П. С. Указ. соч. С. 119.
- ⁶⁸ Там же. С. 120.
- ⁶⁹ Коган Ю. Я. Просветитель XVIII века Я. П. Козельский... С. 185.
- ⁷⁰ Избранные произведения русских мыслителей... Т. 1. С. 537.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Там же. 536.
- ⁷³ Там же. С. 535—536.
- ⁷⁴ Там же. С. 512.
- ⁷⁵ Коган Ю. Я. Просветитель XVIII века Я. П. Козельский... С. 184.
- ⁷⁶ Новиков Н. Избранное. М., 1983. С. 194—195.
- ⁷⁷ Там же. С. 87.
- ⁷⁸ Там же. С. 89.
- ⁷⁹ Новиков Н. И. Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 215.
- ⁸⁰ Новиков Н. Избранное. С. 462.
- ⁸¹ Фонвизин Д. И. Собр. соч. Т. 1. С. 133.
- ⁸² Белявский М. Т. Крестьянский вопрос в России... С. 339.
- ⁸³ Дербов Л. А. Указ. соч. С. 207.
- ⁸⁴ Там же. С. 213.
- ⁸⁵ Дашкова Е. Р. Записки... М., 1987. С. 98—99.
- ⁸⁶ Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 1. С. 22.
- ⁸⁷ Избранные произведения русских мыслителей... Т. 2. С. 33—45.
- ⁸⁸ Семевский В. И. Указ. соч. Т. 1. С. 168.
- ⁸⁹ Там же. С. 164, 182.
- ⁹⁰ Журнал землевладельцев. 1859. № 21, 22.
- ⁹¹ Белявский М. Т. Крестьянский вопрос в России... С. 302.
- ⁹² Семевский В. И. Указ. соч. С. 182.
- ⁹³ Федосов И. А. Указ. соч. С. 157.
- ⁹⁴ Там же. С. 158.
- ⁹⁵ О повреждении нравов в России М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. С. VI.
- ⁹⁶ Болебрух А. Г. Критика феодально-крепостнического строя в трудах русских и украинских просветителей XVIII — начала XIX века. Днепропетровск, 1988. С. 5—6.

- ¹ Манфред А. З. Великая французская революция. М., 1983. С. 46—47.
- ² Моряков В. И. Кушелева М. Л. Об эволюции понятия «révolution» во французской просветительской литературе второй половины XVIII в. // Вестн. Моск. ун-та. История. 1985. № 5. С. 72—82.
- ³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 50.
- ⁴ Там же. С. 58.
- ⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 76, 78.

⁶ См., напр.: История русской экономической мысли. Т. 1. М., 1955; Бак И. С. Антифеодальные экономические учения России 2-й половины XVIII века М., 1958.

⁷ Лехтблау Л. (Светлов Л. Б.). Из истории просветительской литературы в России // Историк-марксист. 1939. № 1. С. 202.

⁸ См.: Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.; Л., 1951. С. 498—499; Он же. Комментарии // Новиков Н. И. Избр. соч. М.; Л., 1951. С. 702.

⁹ См.: Макогоненко Г. П. Из истории формирования историзма в русской литературе // XVIII век. Вып. 13: Проблемы историзма в русской литературе. Л., 1981. С. 21.

¹⁰ Советская книга. 1952. № 12. С. 74.

¹¹ См.: Дербов Л. А. Общественно-политические и исторические взгляды Н. И. Новикова. Саратов, 1974. С. 104, 222.

¹² Цит. по: Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. С. 392.

¹³ Новиков Н. И. Указ. соч. С. 507.

¹⁴ Мы пользовались трактатом «О торговле вообще», опубликованным в издании: Новиков Н. И. Избранные сочинения. М.; Л., 1952. Мы не привлекали других работ Новикова, посвященных вопросам торговли, так как считаем, что трактат «О торговле вообще» является обобщающим трудом, где высказаны его главные мысли по этому вопросу.

¹⁵ Новиков Н. И. Избранные сочинения. С. 526. (Далее цитаты даны по этому изданию, в скобках указаны страницы.)

¹⁶ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII в. М.; Л., 1952. С. 421.

¹⁷ См.: Моряков В. И. Указ. соч. С. 136—139.

¹⁸ См.: Дербов Л. А. Указ. соч. С. 222.

¹⁹ См.: Моряков В. И. Указ. соч. С. 135—136.

²⁰ См.: Дербов Л. А. Указ. соч. С. 220.

²¹ Согрин В. В. Идеи течения в американской революции XVIII века. М., 1980. С. 111.

²² Война за независимость и образование США. М., 1976. С. 269.

²³ Там же.

²⁴ Пейн Томас. Избр. соч. М., 1959. С. 21—23. (Далее все цитаты приводятся по этому изданию.)

²⁵ См.: Моряков В. И. Указ. соч. С. 123—139.

²⁶ Там же. С. 145—166.

²⁷ См.: Гольдберг Н. М. История США в произведениях Т. Пейна и Б. Франклина // Основные проблемы истории США в американской историографии. М., 1971.

²⁸ Там же.

²⁹ Болховитинов Н. Н. Россия и Война США за независимость 1775—1783 гг. М., 1976. С. 335. См. также: Шпрыгова М. Н. Освещение в «С-Петербургских ведомостях» Войны Северной Америки за независимость // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. Вып. 286. М., 1967; Он же. Война Америки за независимость в освещении «Московских ведомостей» // Науч. докл. высшей школы. Исторические науки. Вып. 3. М., 1961; Старцев А. Америка и русское общество. М., 1942.

³⁰ Болховитинов Н. Н. Указ. соч. С. 153.

³¹ Там же. С. 163.

³² Более подробно об общем и различном во взглядах Рейналя и Радищева см.: Моряков В. И. Из истории эволюции общественно-политических взглядов просветителей конца XVIII века (Рейналь и Радищев) М., 1981.

³³ См.: Старцев А. И. О западных связях Радищева // Интернациональная литература. 1940. № 7/8; Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Запретная мысль обретает свободу. М., 1966; Болховитинов Н. Н. Указ. соч.; Рукишина К. С. Радищев и американская революция // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1976. Т. 35. № 3.

³⁴ Болховитинов Н. Н. Указ. соч. С. 174.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 277.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 127.

³⁷ Согрин В. В. Указ. соч. С. 196.

³⁸ Там же. С. 196.

³⁹ Там же. С. 291.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Гольдберг Н. М. Томас Пейн. М., 1969. С. 47.

⁴² Громаков Б. С. Политические и правовые взгляды Томаса Пейна. М., 1960. С. 42.

⁴³ Сравнению американской и французской революций XVIII в., выявлению их отличий посвящена содержательная статья: Фурсенко А. А. Американская и французская революции XVIII века // Вопросы истории. 1972. № 11.

⁴⁴ Там же. С. 74.

⁴⁵ Политический журнал. Ч. VI. 1791. С. 5—7.

⁴⁶ Lettre de l'abbé Raynal à l'Assemblée Nationale. Paris, 1789; Lettre de l'abbé Raynal à l'Assemblée Nationale. Paris, 1790.

⁴⁷ Французская буржуазная революция 1789—1794 гг. М.; Л., 1941. С. 69.

⁴⁸ Там же. С. 109.

⁴⁹ Lettre de l'abbé Raynal à l'Assemblée Nationale. Paris, 1789.

⁵⁰ Ibid. P. 10—11.

⁵¹ Ibid. P. 9.

⁵² Ibid. P. 76.

⁵³ Ibid. P. 87.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Ibid. P. 48.

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Ibid. P. 76.

⁶¹ Ibid. P. 77.

⁶² Ibid. P. 82.

⁶³ Ibid. P. 83.

⁶⁴ Ibid. P. 79.

⁶⁵ Ibid. P. 21.

⁶⁶ Цит. по: Французская буржуазная революция... С. 85.

⁶⁷ Lettre de l'abbé Raynal à l'Assemblée Nationale. Paris, 1790.

⁶⁸ Ibid. P. 3.

⁶⁹ Ibid. P. 10.

⁷⁰ Ibid. P. 11.

⁷¹ Ibid.

⁷² Ibid. P. 6.

⁷³ Ibid. P. 9.

⁷⁴ Ibid. P. 3.

⁷⁵ Ibid. P. 8.

⁷⁶ Ibid. P. 12.

⁷⁷ Ibid. P. 13.

⁷⁸ Ibid.

⁷⁹ Об отношении русского общества к французской революции см.: Штранге М. М. Русское общество и французская революция 1789—1794 гг. М., 1956.

⁸⁰ Бабкин Д. С. Процесс Радищева. М.; Л., 1952. С. 164.

⁸¹ Семенов В. П. Радищев: Очерки и исследования. М.; Л., 1923. С. 51.

⁸² См.: Старцев А. И. Радищев в годы «Путешествия». М., 1960; Горбунов М. А. Указ. соч.; Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Указ. соч.

⁸³ Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Указ. соч.; Плимак Е. Г. Революционный процесс и революционное сознание. М., 1983; Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Указ. соч.

⁸⁴ Об этом см.: Моряков В. И. Указ. соч. С. 180—187.

⁸⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 190.

⁸⁶ Там же.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Основные проблемы изучения русского просветительства	6
Глава II. Просветители о государстве и обществе	39
Глава III. Просветители о роли просвещения и воспитания в развитии общества.....	88
Глава IV. Просветители и крестьянский вопрос	128
Глава V. Эволюция просветительства. Просветители и революции XVIII в.	161
Заключение.....	198
Примечания.....	201

Научное издание

МОРЯКОВ Владимир Иванович

РУССКОЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Редактор *Г. М. Степаненко*

Художественный редактор *Ю. М. Добрянская*

Переплет художника *В. А. Чернецова*

Технические редакторы *Т. А. Корнеева, Г. Д. Колоскова*

Корректоры *Е. Н. Павлова, В. И. Долина*

ИБ № 7713

ЛР № 040414 от 27.03.92

Сдано в набор 25.01.94.
Бумага типограф. № 2.
Усл. печ. л. 13,5.

Подписано в печать 29.04.94.
Гарнитура литературная.
Уч.-изд. л. 16,01

Формат 60×90 1/16.
Печать высокая.
Тираж 2000 экз. Заказ 219. Изд. № 2278.

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета.
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.

Серпуховская типография Упрполиграфиздата Мособлисполкома
г. Серпухов, проезд Мишина, д. 2/7

В. И. Моряков

РУССКОЕ
ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО
ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ
XVIII
ВЕКА

